

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ – 1978

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ, Э. В. СЕВОРТЯН
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 23/V-1978 г. Подписано к печати 29/VIII-1978 г. ФГ 17071.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 3056. Тираж 3228. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

А. Н. КОНОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СССР¹

История советского тюркского языкознания насчитывает три главных периода развития.

Первый период — с начала 20-х до начала 40-х годов. Основным содержанием этого периода было решение практических задач текущего языкового строительства в тюркоязычных республиках и областях Советского Союза, нашедшее свое выражение в замене арабского алфавита латиницей, в создании алфавитных систем для ранее бесписьменных языков, в разработке различного рода учебных пособий для средней и высшей школы, в подготовке учителей и научных работников, в замене латиницы новой азбукой на основе русского алфавита.

Второй период — с начала 40-х до начала 50-х годов. Этот период знаменует собою качественно новый этап в разработке основных вопросов тюркского языкознания в СССР. Основными характеризующими чертами его были: составление по всем основным тюркским языкам переводных и терминологических словарей; разработка основных проблем фонетики, морфологии и синтаксиса тюркских языков; собирание и первичная обработка диалектографического материала по отдельным тюркским языкам (азербайджанскому, туркменскому, узбекскому, татарскому, киргизскому); создание учебных пособий для высшей школы, посвященных отдельным проблемам тюркского языкознания; первые опыты составления тюркско-русских сопоставительных грамматик.

Третий период — с начала 50-х годов по настоящее время. Он характеризуется: дальнейшим углубленным изучением фонетики (заслуживает особого упоминания использование инструментально-экспериментального метода в исследованиях фонетики и фонологии); повышенным интересом к разработке основных проблем тюркского синтаксиса (критерии выделения зависимого и главного предложения, проблемы сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, синтаксический период и его разновидности и т. п.); новым этапом в изучении диалектов (переход от диалектографии к диалектологии), основной задачей которого является составление Диалектологического атласа тюркских языков (ДАТЯ) и решение связанных с ним проблем тюркской лингвистической географии (на этот же период приходятся первые исследования по тюркской ареальной лингвистике и первые обстоятельные опыты изучения основных проблем тюркской лексикологии, заключающиеся в

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на четвертом Пленарном заседании Советского Комитета тюркологов 3 марта 1978 г.

составлении этимологических словарей и создании теоретических исследований в этой области); разработкой вопросов историко-типологической характеристики структуры тюркских языков; ростом внимания к проблемам сравнительного и сравнительно-исторического тюркского языкознания и связанным с ним проблемам метода, ибо компаративный метод, разработанный на материале индоевропейских языков, не удовлетворяет требованиям сравнительной грамматики тюркских языков и не разрешает проблем связей (генетическая или контактная общность алтайских языков). К числу первоочередных задач в данный период следует отнести исследование истории формирования отдельных тюркских национальных языков и проблем историко-культурного характера, в первую очередь, связанных с изучением общетюркских памятников письменности и их отношений к произведениям, национальная принадлежность которых устанавливается с предельной ясностью. Возрастает внимание лингвистов-грамматистов и лексикологов к памятникам средневековой тюркской письменности: осуществлен перевод «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (на узбекский и русский языки); изучается фонетико-грамматический строй ряда других памятников. После выхода в свет трех трудов С. Е. Малова: «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951), «Енисейская письменность тюрков» (М.—Л., 1952) и «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959) — заметно оживился интерес к изучению грамматического строя рунических памятников и их палеографии.

Успехи и новые достижения в области исторических и сравнительно-исторических исследований, в настоящее время являющихся первоочередными, определяющими дальнейшее поступательное движение советского тюркского языкознания, — теснейшим образом связаны с подготовкой по строго разработанной схеме и изданием трудов по фонетике, грамматике, лексике тюркоязычных памятников рунического, уйгурского, арабского письма, а также публикацией транскрибированных текстов, которые во многом способствуют установлению исторического развития общих и частных фонетических закономерностей. Работе над углубленным изучением памятников естественно должны предшествовать текстологические исследования, отвечающие современным требованиям.

Из данного, по необходимости беглого, обзора состояния и достижений советского тюркского языкознания с предельной ясностью следует, что за последние примерно пятьдесят лет тюркское языкознание в СССР добилось целого ряда бесспорных успехов. Вместе с тем благоприятные условия, созданные для исследовательской деятельности советских тюркологов, позволяют выдвинуть новые задачи, разрешение которых обеспечит дальнейшее успешное развитие отечественной тюркологии.

Развитие тюркологических исследований в области фонетики, грамматики, лексикографии и лексикологии, диалектографии и диалектологии, а равным образом, и в области этимологических изысканий непосредственно связано с успехами разработки достаточно эффективного метода исследования исторической фонетики и грамматики тюркских языков.

Существующие общелингвистические теории разрабатывались, как правило, на материале индоевропейских языков; причем организующим началом в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании стал праязык, взгляды на который претерпели значительные изменения со времени распространения идей младограмматической школы.

Современная наука о языке генетически восходит, прежде всего, к европейской лингвистической традиции, имеющей античные истоки,

сформулированные на этой основе положения отражают общие закономерности языков Европы. Исключения из этого правила крайне редки; к тому же они до сих пор не получили достаточного развития, не говоря уже о теоретическом осмыслении ранее накопленного опыта.

В недалеком прошлом были в ходу псевдомодернистские общелингвистические теории, упорно пропагандировавшие в качестве панацеи от всех возможных бед. Так было, например, с теорией структуральной лингвистики, здоровое ядро которой восходит к идеям, господствовавшим в России на рубеже XIX—XX столетий. Основное препятствие к применению методики сравнительно-исторических исследований индоевропейского образца заключается в исключительной структурной и материальной близости тюркских языков, что, в свою очередь, объясняется некоторыми специфическими условиями исторического развития народов — носителей этих языков.

Тюркские языки, как и ряд других восточных языков, ставят перед лингвистами большое число проблем, без решения которых построение действительного универсального понятийного аппарата крайне затруднительно и даже невозможно.

Одной из особенностей изучения истории тюркских языков, осложненного отсутствием непрерывной письменно-литературной традиции, является выборочное изучение отдельных памятников без установления предшествующих и последующих этапов развития тюркских письменно-литературных языков.

Как индоевропейское языкознание является продуктом индоевропейской филологии, так и восточная — в частности, тюркская филология — является основой восточной, в том числе — тюркской филологии. Русские тюркологи отчетливо понимали значение памятников тюркской письменности для изучения истории культуры тюркских народов и их языков.

«Отдавая... полную справедливость важности изучения современных живых наречий турецкого языка (то есть тюркских языков. — А. К.), — писал П. М. Мелиоранский, — мы тем не менее должны признать, что главным материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники-рукописи, надписи, монетные легенды и пр.»² К числу важных филологических источников, необходимых для воссоздания истории развития отдельных тюркских языков и всей их семьи в целом, относятся труды восточных филологов, написанные на арабском, персидском и тюркских языках³.

С удовлетворением следует отметить все возрастающее внимание советских тюркологов к изучению созданных восточными филологами трактатов по грамматике и лексике. К последним относятся: «Китаб ал-идрак ли-л-исан ал-атрак» Абу-Хайяна, «Китаб булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кыфчак» Джамал ад-дина ат-Тюрки, «Тарджуман тюрки ви ажами ва мугали», «Мухакимат ул-лугатайн» Алишера Навои, «Тюркско-арабский словарь XIII в.», «Санглах» Мехди-хана, «Мунтахаб ал-лугат». Подготовлен, как уже отмечалось, русский перевод «Словаря тюркских языков» Махмуда Кашгарского (А. Рустамов), сдан в производство один из интереснейших грамматических трактатов XIV века «Ат-тухфат ал-закыйя фи-л-лугат ат-тюркийя» (Э. И. Фазылов и М. Т. Зияева). Издан целый ряд литературных памятников средневековья, начиная с «Кутадгу билиг».

² П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. II.

³ Подробнее об этом см.: Э. И. Фазылов. Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XVIII вв. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 83—97.

В связи с тем, что ряд тюркских языков не имеет сколько-нибудь длительной письменно-литературной традиции, следует использовать метод перекрестных сопоставлений путем разработки таблиц наиболее характерных фонетико-морфологических показателей для уже достаточно изученных групп тюркских языков.

Обстоятельного критического изучения заслуживают не только традиции отечественной тюркологии и достижения средневековых восточных филологов, но и работы современных западноевропейских и восточных филологов, грамматистов, лексикологов, диалектологов и фонетистов. Эта совершенно очевидная истина практически реализуется слабо.

Несмотря на некоторые успехи в изучении истории отдельных тюркских языков, изданные труды не отвечают в должной мере строгим требованиям современной науки, их недостатки, как правило, обуславливаются методическими причинами: в большинстве своем памятники описываются и исследуются изолированно от других памятников, часто непосредственно к ним примыкающих.

Наличие огромного числа рукописных памятников тюркской письменности является надежным фундаментом для создания широких, обобщающих работ в области исторической и сравнительно-исторической грамматики как отдельных тюркских языков, так и всей их семьи в целом.

Успехи этой важнейшей области тюркологических исследований находятся в прямой зависимости от состояния разработанности языковедческой дисциплины, именуемой лингвистическим источниковедением, основная задача которого заключается в выявлении, археографическом описании, изучении и издании по строго определенной схеме памятников тюркской письменности всех жанров.

Пока тюркологами изучен сравнительно небольшой круг источников. Исключительное значение в свете сказанного приобретает изучение фонетико-грамматического строя тюркских рунических памятников; в этой области сделано немало, но качество исследований этих важных памятников оставляет желать лучшего; эта оценка в равной мере справедлива как для советских, так и зарубежных исследований.

Лингвистическое источниковедение на материале тюркоязычных памятников осложняется, помимо обычных трудностей палеографического характера, и принадлежностью этих памятников к разным жанрам (поэтические произведения, историческая хроника, художественная проза и др.).

Художественная проза, составляющая основу любого литературного языка, сочетающая его письменную и разговорную формы, — изучена далеко недостаточно.

Лингвистическое источниковедение начинается с археографического описания рукописей, часто написанных различными, но одинаково трудными для чтения почерками, и требует от исследователя особой квалификации. В настоящее время частично описаны тюркские рукописные собрания, хранящиеся в Ленинграде, Ташкенте, Баку, Тбилиси, Казани, Ереване.

Чрезвычайно важными проблемами являются проблемы тюркской текстологии — основы основ исследования любого памятника письменности. В этой области непочатый край работы!

Тюркологи-филологи, описывающие тюркские рукописи, часто из-за отсутствия необходимых навыков, останавливаются на полпути: ограничиваются лишь археографическим описанием рукописи, а фонетико-грамматико-лексикологическое ее изучение оставляется другим лицам. Подобное «разделение труда» неизбежно возникает в силу давно уста-

новившейся традиции, обусловленной трудностью совмещения двух специальностей.

В интересах дальнейшего действительно углубленного изучения памятников тюркской письменности настоятельно необходимо осуществить сложную и трудоемкую работу по инвентаризации и систематизации всех памятников тюркской письменности по строго определенной — единой для всех — схеме.

Особый раздел тюркского лингвистического источниковедения составляет изучение теории и практики восточных лингвистических школ, в частности арабской грамматической школы, восходящей, как и европейское языкознание, к античной традиции.

В средневековых и более поздних тюркских словарях и грамматиках вплоть до наших дней (как в основных положениях, так и особенно в терминологии) отчетливо прослеживаются элементы арабской грамматической схемы, ныне совмещаемые с русской грамматической традицией.

Ни арабская, ни русская грамматические схемы не имеют ничего общего с основными законами тюркской морфологии и синтаксиса. Предстоит радикальный пересмотр давно утвердившихся заблуждений, которые создавались коллективно и коллективно же должны быть преодолены.

В целях достижения четкой сопоставимости отдельных узловых явлений фонетики, морфологии, синтаксиса тюркских языков необходимо разработать единообразную систему строго определенных понятий для всех языковых уровней. В этой связи возникает важнейшая проблема упорядочения фонетико-грамматической терминологии (особенно в области грамматической), в которой царит хаос и разнობой.

Непочатый край работы представляют семантические исследования грамматики тюркских языков. Даже в сравнительно детальных и полных описаниях тюркских языков, рассматривающих практически все грамматические формы, весьма смутно, в лучшем случае неполно, выявляются семантические условия употребления этих форм.

Необходимо подчеркнуть исключительную актуальность исследований социальных аспектов двуязычия и многоязычия тюркских народов СССР. Социологическая проблематика дает ценный материал для разработки ряда чисто языковедческих проблем в области фонетики, грамматики, лексики.

Для дальнейшего развития отечественной тюркологии на первый план выдвигается задача исследования глубинных процессов исторического и сравнительно-исторического тюркского языкознания; для достижения этой важной цели нужны специалисты особой формации, которые в основе своей — по моему опыту и глубочайшему, основанному на этом опыте, убеждению — должны быть прежде всего филологами, что, конечно, не исключает, а наоборот, предполагает наличие у них солидной — общей и частной — лингвистической подготовки.

Для углубленного изучения старой, но недостаточно разработанной алтайской гипотезы родства или общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (и, возможно, корейского и японского) языков необходимы специалисты, совмещающие в себе знания (в определенных границах) всех трех (пяти) названных выше языков. Для разработки богатейшего культурного наследия, оставленного древними уйгурами, нельзя обойтись без углубленного изучения истории буддизма в его уйгурской модификации и постижения основ тибетского языка. В ряде специальных областей исторической тюркологии нужен

специалист, владеющий одним или двумя тюркскими языками и китайским языком.

Как же обстоит дело подготовки кадров специалистов-тюркологов широкого профиля с неперменным, традиционным для старых тюркологов, знанием (в определенных пределах) арабского и персидского языков? Среди молодого и среднего поколений тюркологов такие специалисты почти отсутствуют. Это заключение делается нами на основании анализа тем кандидатских и докторских диссертаций, защищенных за последние двадцать лет.

Преобладающими среди тем кандидатских (в меньшей степени среди докторских) диссертаций являются узкие, «ученические» темы, пригодные разве что для курсовых студенческих работ.

Не называя фамилий диссертантов (так как фактически не они, а их руководители определяют тематику, и, следовательно, ответственность за выбор темы и ее осуществление несет прежде всего руководитель), приведу перечень ряда тем кандидатских диссертаций: «Синтактико-грамматическая природа глагола *де-...*», «Глагол *де-* в современном... языке», «О сингармонизме в ... языке», «Соматическая фразеология в ... языке», «Анатомические названия в ... языке», «Предикативный атрибут в немецком и в... языке», «Интернациональная терминология в... языке», «Выражение ласкательности и уменьшительности в ... языке» и т. д. Подобные примеры каждый из тюркологов может умножить.

Бесспорные достижения советской тюркологии в развитии основных разделов тюркского языкознания, и — шире — тюркской филологии, не должны заслонять сопутствующих отрицательных моментов.

Чтобы двигаться вперед, необходимо окидывать взором прошлое, тщательно его анализировать. Только самокритичное отношение к нашему общему делу может помочь преодолению различных препятствий, неизбежных при движении по малоизведанному пути.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. А. ЦАЛКАЛАМАНИДЗЕ

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

(ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ «РАДОВАТЬ»/«РАДОВАТЬСЯ»,
«ОГОРЧАТЬ»/«ОГОРЧАТЬСЯ»)

В современном языкознании вопросам изучения лексики как системы уделяется особое внимание¹. Это вызвано значительным развитием лексико-семасиологических исследований, ведущихся в плане системности языка. Системный подход к изучению единиц фонологического, морфологического и синтаксического уровней языка стал стимулом к выявлению системных отношений и в лексике. Однако следует отметить, что это связано с определенными трудностями, так как при изучении лексики исследователь имеет дело с конкретными (по сравнению с грамматическими), относительно самостоятельными единицами языка — значениями слов. Взаимосвязь слов в семантическом плане обнаружить нелегко², а «... уникальность и неповторяемость значения каждой лексемы» (В. В. Виноградов) часто препятствует выявлению семантико-функциональных взаимозависимостей между различными самостоятельными единицами.

В лексикологии до сих пор не выработаны точные и общепризнанные методы системного изучения лексики. С. Н. Иванов справедливо пишет, что «... и тюркское языкознание, на современном этапе его развития испытывает острую потребность в новых методах изучения и способах теоретической интерпретации фактов языка»³.

¹ По вопросам системности лексики см.: «Основы компонентного анализа». М., 1969; А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962; *ее же*. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968; *ее же*. Типы словесных знаков. М., 1974; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968; Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; «Очерки по семантике русского глагола». Уфа, 1971; «Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов и их валентных признаков в английском, немецком, французском и русском языках». Смоленск, 1973; М. А. Ильина. Лексические формы слова и методы их изучения. М., 1971; «Проблемы неидиоматической фразеологии». М., 1971; Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии. — «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 141—162; *ее же*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967; *ее же*. Лексическая семантика. М., 1974; Г. П. Мельников. Системная лингвистика и ее отношение к структурной. — «Проблемы языкознания» (Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов). М., 1967 и др.

² Это доказывается наличием одноязычных и многоязычных алфавитных словарей, в которых слова располагаются по чисто внешнему и «случайному» признаку — по алфавиту. Несмотря на это, значение каждого слова может быть определено в таких словарях без связи данного слова с другими.

³ С. Н. Иванов. Об изучении грамматики тюркских языков. История и современность. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 55.

Системный подход к изучению словарного состава языка тесно связан с объединением слов в те или иные группы по определенным признакам. В лексические группы объединяются различные слова языка, находящиеся в определенных смысловых отношениях. Такие группы могут быть различными: предметными (например: названия частей человеческого тела, наименования животных, явлений природы); семантически полями (слова, относящиеся к различным частям речи и связанные с выражением одного общего понятия, например: *рад, радость, радовать, радостно, обрадовать* и т. д.); отраслевыми (термины и слова какой-либо отрасли науки и техники⁴, терминологические словари). Однако выделение указанных словесных семантических групп основано на экстралингвистических признаках и принципиального значения для изучения лексики как системы не имеет; они выступают как своего рода перечень языкового инвентаря какого-либо внеязыкового явления.

Для системного изучения лексики первостепенное значение имеет исследование лексико-семантических групп, то есть тех, в которых слова объединяются по их лексическому значению и по лексико-грамматическим связям⁵. С учетом вещественного (лексического) и грамматического значений слова в лексико-семантические группы объединяются слова одной части речи. «Наиболее объективным звуковым критерием выделения лексико-семантических групп, — пишет А. Уфимцева, — является наличие свободных смысловых связей между словами по линии их лексических значений»⁶.

Лексико-семантическая группа образуется путем объединения вокруг определенной самостоятельной лексической единицы (центра лексико-семантической группы) слов, семантически связанных с ним. В качестве центра определенной лексико-семантической группы могут выступать слова как во всех, так и в одном каком-нибудь значении. Например, узбекский глагол *боқ-* может стать центром двух лексико-семантических групп: 1) *боқ-* 'смотреть', *қара-* 'смотреть', *назар сол-* 'смотреть', 'окинуть взором', 'бросать взгляд', *қўз қирини сол-* 'смотреть искоса' и т. д.; 2) *боқ-* 'ухаживать', 'присматривать', 'расти', *ўстир-* 'растить', 'выращивать', *парвариш қил-* 'ухаживать', 'выращивать' и т. д.

В качестве центра лексико-семантической группы, хотя теоретически может быть выбрана любая словарная единица языка, практически целесообразно исследовать стилистически наиболее нейтральное и употребительное слово и объединять вокруг него менее распространенные, стилистически окрашенные, отраслевые и другие слова.

Глаголы как класс слов могут быть выделены в лексико-семантические группы по двум признакам: 1) по валентности (глаголы субъектные, бессубъектные, объектные, субъектно-объектные и т. д.); 2) по смысловым связям.

Лексико-семантические группы глаголов как по первому, так и по второму признаку на материале тюркских языков изучены еще недостаточно, хотя в языковедческой практике используются с давних пор⁷. Тюркологи неоднократно обращались к изучению вопросов переходно-

⁴ См.: А. Chaves. A cortica eo seu vocabulario popular. — «Revista de Filologia», 2, 1948, где объединены слова, связанные с пробкой и технологией ее производства.

⁵ А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962, стр. 137.

⁶ Там же, стр. 137—138.

⁷ В частности, разделение переходных и непереходных глаголов представляет собой разделение глагола на два лексико-семантических класса на основании одного из признаков глагольной валентности — сочетаемости/несочетаемости с прямым дополнением. При последовательном соблюдении данного принципа каждая из выделенных групп должна подразделяться на многие подгруппы.

сти/непереходности глаголов⁸ и отдельных семантических групп глаголов⁹. Объектом изучения становились глаголы речи¹⁰, мышления¹¹, активного действия¹², движения¹³, зрительного восприятия¹⁴, чувственного восприятия¹⁵, лексико-семантическая группа «смеяться»¹⁶. Остальные лексико-семантические группы глаголов в тюркских языках, в частности в узбекском, мало изучены.

В данной статье объектом изучения являются две лексико-семантические группы, находящиеся по отношению друг к другу в антонимических отношениях: «радовать»/«радоваться» и «огорчать»/«огорчаться».

Глаголы указанного класса обозначают различные эмоциональные состояния и их степень. Вокруг глаголов *хурсанд бўл-* 'радоваться, быть радостным', *хурсанд қил-* 'радовать' и *хафа бўл-* 'огорчаться, печалиться', *хафа қил-* 'огорчать, опечаливать' объединяется множество глаголов, фразеологических выражений, словосочетаний с переносными и устойчивыми значениями, выражающими различную степень эмоционального состояния. Естественно, не все глаголы и фразеологизмы с глаголами, объединяющиеся вокруг каждого из указанных четырех центральных ядерных слов, находятся друг с другом в синонимических отношениях.

Несмотря на то, что *таъби хира бўл-* 'омрачиться' и *хуноб бўл-* 'терять терпение', 'выходить из себя' выражают эмоциональное состояние, являющееся реакцией на что-то, они не находятся в синонимических отношениях друг с другом, так как каждый из этих глаголов указывает на разную степень проявления признака. Синонимические отношения могут быть только у тех групп глаголов, которые объединяются вокруг вторичных ядерных слов, выступающих как окружение по отношению к центральному ядерному слову.

Как видно из перечня вышеприведенных четырех центральных ядерных слов, их эквиолентные оппозиции основываются не только на глагольных семемах, но и на оппозиции семантических моделей — в данном случае на признаке «переходность/непереходность» — «внушение чувства горести, обиды кому-нибудь»/«испытание чувства огорчения, обиды самим». Оппозиция по признаку «переходность/непереходность» охватывает значительно большее количество глаголов, нежели весь класс глаголов эмоционального состояния, поэтому данная оппозиция является частью более высокого, обобщенного класса, чем оппозиция глаголов по

⁸ Э. В. Севортян. Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2, стр. 25—39.

⁹ Г. К. Кулиев. Семантические группы глаголов. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 7—16; С. А. Рзаев. Семантические разряды глагола в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Глаголы речи (*verba dicendi*) в языках тюркской группы. — В сб.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 570—576; Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 323—460.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 578—581.

¹² Там же, стр. 582—589.

¹³ Там же, стр. 590—598; Э. Р. Тенишев. Глаголы движения в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 232—293; К. Халиков. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967.

¹⁴ К. Рахманбердиев. Глаголы зрительного восприятия в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969.

¹⁵ А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 294—322.

¹⁶ И. Қўқортоев. Сўзларнинг лексик-семантик тўдалари ҳақида. — В сб.: «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», вып. 359. Ташкент, 1969, стр. 84—92.

их лексическому значению. «Оппозитивные по лексическому значению глаголы являются звеньями, частями этой оппозиции»¹⁷.

Вышеуказанные четыре ядерных слова включаются в еще одну оппозицию более высокого класса, чем оппозиция по признаку «переходность/непереходность». Это — оппозиция по антонимичности, которую можно охарактеризовать как признак и противоположный ему признак (обозначим условно А/-А). Оппозиция А/-А охватывает почти все знаменательные слова языка, в том числе и глаголы.

Таким образом, указанные четыре ядерных слова из класса глаголов эмоционального состояния взаимно оппозитивны:

хурсанд қил- ~ хафа қил-
хурсанд бўл- ~ хафа бўл-

Горизонтально они оппозитивны по признаку А/-А, вертикально — по «переходности/непереходности». Каждое из них выступает как центральное ядерное слово, вокруг которого объединяются другие слова со сходными значениями. В свою очередь определенные члены окружения центрального ядра могут объединиться вокруг вторичных ядерных слов.

Для анализа значений слов, объединенных вокруг указанных ядерных, обратимся к примерам узбекских глаголов.

1.0. *Хурсанд бўл-* 'радоваться', 'быть радостным'; данным непереходным глаголом выражается радостное состояние субъекта без указания на степень этого чувства. Субъектом глагола выступают названия лиц и их замещающие (а также собирательные имена, обозначающие коллектив лиц). Например: ...*Нима бўлди экан, кеча ҳамма нарсани очик-ойдин айтган эдим, ҳаммасига тушунган, хурсанд бўлган эди-ку...* (АҚ., II, 239) '... Что случилось, вчера все сказал я откровенно, он все понял, ведь обрадовался же...'

Рассмотренный глагол является центральным по отношению к другим глаголам, указывающим на большую или меньшую степень радости.

1.1. *Чехраси очил-* 'развеселиться'. Сочетание выражает состояние перехода от грустного или нейтрально-безразличного к радостному. Поэтому в глаголе можно усмотреть указание на предшествующее состояние. Как глагол *очил-* 'раскрываться', 'открываться', так и его фиксированный субъект *чехра* 'лицо', 'облик' употребляются здесь как образ, и все сочетание в целом следует рассматривать как фразеологическое. Лицо, испытывающее выражаемое этим сочетанием состояние, обозначается именем (местоимением) в родительном падеже и является определением к слову *чехраси*: *Ахмаджоннинг чехраси очилиб диққат билан қулоқ солди ва русчага хийла хом бўлишига қарамасдан, ҳаммасига тушунди* (АҚ., I, 194) 'Ахмаджан, развеселившись, внимательно выслушал и, несмотря на то, что в русском был слаб, все понял'

Глагол в указанном сочетании и с данным значением не имеет заголовых форм.

1.2. Сочетание *кўнгли ёриш-* семантически и структурно очень близко к сочетанию *чехраси очил-*, но менее употребительно. ... *Саодатхоннинг кўнгли ёришиб кетганлиги чехрасидан кўриниб турар эди* («Янги директор») '... Было видно по лицу Саодатхон, что она развеселилась'.

1.3. Сочетание *таъби очил-* семантически и структурно близко к *чехраси очил-* и *кўнгли ёриш-*, однако отличается от них наличием большей степени признака.

¹⁷ А. В. Васильев. Семантические классы глаголов чувств, мысли и речи. — В сб.: «Очерки по семантике русского глагола». Уфа, 1971, стр. 51.

Таким образом, сочетания *чеҳраси очил-, қўнгли ёриш-, таъби очил-* объединяются наличием общей семы «указание на предшествующее не-радостное или нейтральное состояние» и образуют своего рода микро-группу, связанную синонимическими отношениями: *Сидиқжон Урмон-жоннинг олдидан таъби очилиб чиқиб кетди* (АҚ., IV, 245) 'Сид-дикджан вышел от Орманджана, развеселившись'.

1.4. Глагол *завқлан-* 'получать, испытывать удовольствие, насла-жаться': *Хотин унинг ҳар бир сўзидан завқланар, кулар эди* (АҚ., I, 410) 'Женщина испытывала удовольствие от каждого его слова и смея-лась'. Состояние радости, выраженное данным глаголом, всегда сопро-вождается другим действием или состоянием. Поэтому в его семантике можно усмотреть наличие семы «сопутствующее действие». Иногда си-нонимом *завқлан-* может выступить сочетание с фиксированным субъек-том *завқи кел-*.

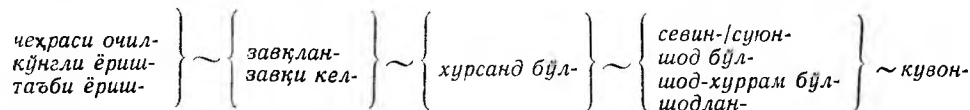
1.5. Глаголом *севин-* 'радоваться' выражается состояние более экс-прессивное и более сильное, чем в рассмотренных выше сочетаниях. В качестве субъекта функционируют слова, обозначающие лица: — *Қўр-дингизми? — деди Сорахон севиниб* (АҚ., III, 228) '— Видите? — сказала Сорахон, радуясь'.

Для современного узбекского языка стилистическим и фонетиче-ским вариантом глагола *севин-* является глагол *суюн-* 'радоваться', ха-рактерный для высокого стиля: *Мен сизни рўйхатда қўриб суюнган эдим* (АҚ., III, 70) 'Увидя вас в списке, я обрадовался'.

Глаголы *шод бўл-* 'радоваться, обрадоваться', *шод-хуррам бўл-, шодлан-* 'радоваться' семантически очень близки к *севин-/суюн-* с тем различием, что *шод бўл-* и *шодлан-* характерны для возвышенного, тор-жественного стиля, а *шод-хуррам бўл-* — для разговорной речи: *Қурбон ота ёш боладай қувончдан энтикиб гапира ётган Сиддиқжоннинг сўзла-рига жуда хурсанд бўлиб қулоқ солар эди* (АҚ., III, 184) 'Кур-бан-ата с большой радостью слушал слова Сиддикжана, который, по-добно маленькому ребенку, говорил, захлебываясь от радости'. *Кунлар-нинг бирида Лутфинисалар Қутбинисалар томонидан розилик хушхаба-рини эшитиб, бениҳоя шоду-хуррам бўлишди* (М., 280) 'В один день семья Лютфинисы, услышав от семьи Кутбинисы доброе известие о согласии, безгранично обрадовалась'. *Фатма дугонасининг бу сўзларидан бениҳоя шодланар...* (М., 134) 'Фатма от этих слов подруги безгра-нично обрадуется...'.

1.6. Глагол *қувон-* 'радоваться' имеет сильно окрашенную экспрес-сивность (в нем можно выделить сему «усиленность степени признака») и указывает на внезапность, неожиданность наступившего состояния: *Розия Саттор билан нима туғрисида сўзлашмасин, — ўтмишдан ҳам, келажакдан ҳам, қўз ўнгидаги майдондан ҳам, атрофидаги нарсалардан ҳам ўз бахтини топаётгандай қувонади* («Эрк», 34) 'О чем бы Ро-зия с Саттаром не разговаривала — о прошлом ли, о будущем ли, о пло-щади ли, раскрывающейся перед взором, об окружающих вещах ли, она, подобно человеку, нашедшему свое счастье, вообще, всему радовалась'.

Таким образом, окружение глагола *хурсан бўл-* можно представить в следующем виде (вертикально расположенные члены связаны синони-мическими отношениями):

2.0. Глагол *хурсанд қил-* 'радовать' семантически отличается от *хур-санд бўл-* наличием значения переходности и, подобно *хурсанд бўл-*,

обозначает невыраженную степень признака. Субъектом глагола *хурсанд қил-* может быть любое название лица, предмета, явления и процесса, а прямой объект выражается только названиями лица: *Вақти келиб, сени хурсанд қиламиз...* (М., 379) 'Придет время и тебя обрадуем...'.
Кўз бу йил ғоятда яхши келди — ноябрнинг охиригача ҳаво муътадил туриб бериб, деҳқонни хурсанд қилди (М., 229) 'Осень в этом году наступила чрезмерно хорошая, до конца ноября погода стояла умеренная, что и радовало крестьян'.

2.1. Сочетание *чеҳрасини оч-* 'развеселить', 'радовать' противостоит сочетанию *чеҳраси очил-* так же, как *хурсанд қил-* глаголу *хурсанд бўл-*. Субъект данного сочетания — любое слово: названия лиц, предметов, явлений, процессов; в качестве фиксированного объекта выступает слово *чеҳраси*, притяжательным определением которого является лицо, переживающее данное состояние: *Мусаффо ҳаво тобора унинг чеҳрасини очмоқда* («Ихлос») 'Чистый воздух все больше его радует'.

Сочетание *кўнглини оч-* 'развеселить, радовать' по семантической структуре очень близко к сочетанию *чеҳрасини оч-*: *...унинг кўнглини очишга ҳаракат қилди* («Оқсой») '...он старался, чтобы его разве-селить'.

2.2. *Завқ бер-/завқ бағишла-* 'развеселить, подарить наслаждение'. В роли субъектов данного глагола выступают имена, обозначающие процесс, явление или предмет; слово *завқ* — фиксированный объект. *Бу жавоб Нуқрага завқ берди...* (М., 28) 'Этот ответ Нукру разве-силл...'.
 Сочетания *завқ бер-* и *завқ бағишла-* — синонимичны, однако *завқ бағишла-* характерен для возвышенного стиля.

2.3. Глаголы *шод эт-*, *севинтир-* 'радовать, обрадовать' семантически соотносятся с глаголами *шод бўл-/шодлан-* и *севин-/суюн-*, но противоре-зуют значению переходности. Субъектом при этих глаголах может вы-ступать любое имя, прямым объектом — названия лиц. *Вокзалга чиқа-рилган машиналар кечага яқин Дулдул-бек ва унинг икки оғайинисини олиб, гулдур-шалдир кириб келишиб, ҳаммани шод этиб; базмга файз киритиб юборишди* (М., 237) 'Машины, выехавшие к вокзалу, при-хватив Дулдулбека и его двух друзей, к вечеру с грохотом и шумом при-ехали; это всех обрадовало, и вечер прошел оживленно'. *Унинг оғилга кириб қилган тафтиши Қобил бир умид бағишлаган эди, бу сўзи ҳаддан зиёда севинтирди* (АҚ., I, 59) 'Его приход в хлев и произведенный обыск придали дедушке Кобилу надежду, а это (слово) безгранично его обрадовало'.

Стилистические различия между *шод эт-* и *севинтир-* такие же, как между *шод бўл-* и *севин-*.

2.4. Глагол *қувонтир-* 'радовать, веселить' противопоставлен глаголу *қувон-* как переходный глагол непереходному: *Сўнги йилларда ёш ёзув-чиларимизнинг кўпайиб бориши мени қувонтиради* (ХҚ., 154) 'Увеличение в последние годы (числа) наших молодых писателей радует меня'.

Рассмотренные глаголы с переходным значением с точки зрения вы-раженности степени признака располагаются следующим образом:

чеҳрасини оч- } {завқ бер- } {хурсанд қил- } {шод эт- } {қувонтир-
кўнглини оч- } {завқ бағишла- } {севинтир- }

3.0. Глаголы *хафа бўл-/хафалан-* 'огорчаться' являются антонимами глагола *хурсанд бўл-* и оппозитивны ему по признаку А/-А. *Хафа бўл-* нейтрален в плане выраженности степени признака, поэтому сочетания

типа *салгина хафа бўл*- 'чуть-чуть, слегка огорчаться' и *қаттиқ хафа бўл*- 'сильно огорчаться' вполне допустимы. В роли субъекта глагола выступают имена — названия лиц: *Хафа бўлма, унитмагин сен. Унутмайман, мен ҳам кўтаман* (УН., I, 153) 'Не горюй, не забывай ты, не забывая, я тоже жду'.

— *Жамила! — деди Малахат, — хафа бўласанми — бўлмайсанми бир гапни сенга айтаман* (М., 291) '— Джамиля! — сказала Малахат, — обидишься ты, или не обидишься — скажу тебе'.

3.1. Сочетания *таъби хира бўл/чеҳраси бузул*- 'омрачаться' — антонимы сочетанию *чеҳраси очил*-, и по семантической структуре от него не отличаются.

3.2. *Хўрлиги кел*- 'обижаться, огорчаться'. Данное сочетание выражает состояние огорчения, причиненного унижением. В его семантике выделяется сема «реакция на прикосновение к чувству достоинства». Лицо, на которое указывает аффикс принадлежности, является фиксированным субъектом сочетания: *Дарбадарлигим ана шунда билиниб жуда-жуда хўрлигим келар эди* (АҚ., IV, 145) 'Мои скитания сказывались вот в такие моменты, и мне очень и очень обидно'.

3.3. Сочетание *ўпкаси тўл*- 'огорчаться', 'подступать' (о слезах) обозначает состояние огорчения человека, доведенного до слез: *Бу дунёда рўшнолик кўрмай онасини эсларкан, ўпкаси тўлиб, йиғлагиси келарди* («Умид», 33) 'Когда вспоминал свою мать, которая так и не увидела на этом свете светлой жизни, у него слезы подступали к глазам, и он чуть не плакал'.

3.4. Глаголы *ранжи-/ўпкала*- 'обижаться, огорчаться' выражают состояние неглубокой обиды: *...шундай бўлса ҳам, бундан на хавотирга тушди, на ранжи ди...* (АҚ., II, 326) '...несмотря на это, он ни обиделся, ни огорчился...' *...сунгра Сиддиқжондан ўпкалаб, майин товуш билан гап бошлади* (АҚ., IV, 17) '...затем, обидевшись на Сиддик-джана, нежным голосом начал разговор'.

3.5. Глаголы *кайғур-/ҳасрат чек-/ҳасрат торт-/ғам е*- 'горевать, печалиться' указывают на состояние весьма глубокой печали. Наиболее нейтральным из этих слов в стилистическом отношении является *қайғур*-, хотя по сравнению с глаголами *хафа бўл*- и *ғам е*- он имеет несколько более книжное употребление.

Сочетания *ҳасрат торт-/ҳасрат чек*- характерны для торжественного стиля изложения.

Сочетание *ғам е*- широко употребляется в отрицательной форме:

— *Сиз бор, биз бор, тўйни яхшилаб ўтказамиз, оқсокол, ғам еманг* («Оқсой») 'Вы существуете (на месте), мы существуем (на месте), так вы не горюйте, аксакал, хорошенько справим свадьбу'.

3. 6. Фразеологизмы *ғам-ғуссага тўл*- 'погружаться в печаль', *алами ўн бўл*- 'мучиться' (букв.: 'его горе удесятирилось'), *хуноб бўл*- 'выходить из себя' характеризуются экспрессивностью и указывают на усиленность признака. Различие заключается в том, что *ғам-ғуссага тўл*- обозначает длительное состояние, а в семантике *алами ўн бўл*- содержится указание на кратковременность, непродолжительность состояния. *Хуноб бўл*- выражает еще более сильную степень признака и семантически приближается к семеме «мучиться»: *Мана шунинг натижаси бўлиб, ўттизинчи йилларнинг ўрталарида ғам-ғуссага тўла «Ўғри», «Томошабоғ», «Бемор», «Анор», «Миллатчилар» вужудга келди* (АҚ., II, 8) 'Результатом этого погружения в печаль явились появившиеся в середине тридцатых годов произведения «Ўғри», «Томошабоғ», «Бемор», «Анор», «Миллатчилар», наполненные печалью'. *Унинг бир алами ўн бўлди да...* 'Ведь его одно горе стало десятью...'. *Дадам ҳарчанд хуноб бўл*-

с а хам, онасига қарши бирон сўз айтмас эди (АҚ., II, 47) 'Мой отец как бы ни вышел из себя, не говорил ни слова против своей матери'.

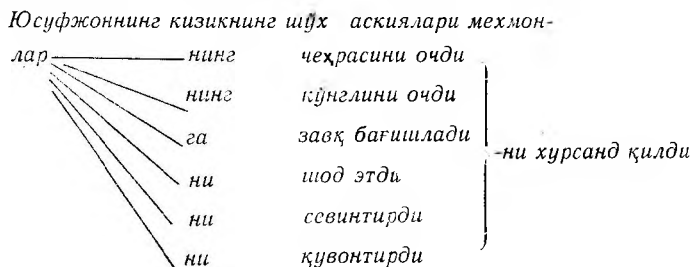
Таким образом, окружение ядерного слова *хафа бўл-* можно представить в следующем виде:

$$\begin{array}{c}
 \left. \begin{array}{l} \text{таъби хира бўл-} \\ \text{чеҳраси бузул-} \end{array} \right\} \sim \left\{ \begin{array}{l} \text{хўрлиги кел-} \\ \text{ўпкаси тўл-} \end{array} \right\} \sim \left\{ \begin{array}{l} \text{ранжи-} \\ \text{хуноб бўл-} \end{array} \right\} \sim \\
 \sim \left\{ \begin{array}{l} \text{хафа бўл-} \\ \text{ҳасрат торг-} \\ \text{ҳасрат чек-} \end{array} \right\} \sim \left\{ \begin{array}{l} \text{ғам е-} \\ \text{қайғур-} \\ \text{ҳасрат торг-} \\ \text{ҳасрат чек-} \end{array} \right\} \sim \left\{ \begin{array}{l} \text{ғам-ғуссага тўл-} \\ \text{алами ўн бўл-} \\ \text{хуноб бўл-} \end{array} \right\}
 \end{array}$$

4. 0. Глагол *хафа қил-* по выражаемому им состоянию, по нейтральности в отношении выраженности степени признака сближается с *хафа бўл-*, отличаясь от последнего наличием семы «переходность». Субъектом данного глагола может быть имя, название явления, а объектом — имена — названия лиц: *Бустон: Мен ҳеч кимни хафа қилмайман, ҳамма мени хафа қилади* (АҚ., V, 255) 'Бустон: Я никого не обижаю, все меня обижают'. *Дехқонбой мени эмас, мен Дехқонбойни хафа қилган эканман* (АҚ., V, 85) 'Не Дехқонбай меня, а я Дехқонбая обидел'.

4.1 — 6. Вокруг ядерного слова объединяются слова и сочетания: *таъбини ҳира қил-, хўрлигини келтир-, ўпкасини тўлдир-, ранжит-; қайғур-/қайғу сол-, ғам-ғуссага тўлдир-, аламини ўн қил-, хуноб қил-* и некоторые другие, противопоставленные словам, оппозитивным в пунктах 3 (в рубриках 1—6) наличием семы «переходность»: ... *Менинг гапим бироз таъбини хира қиладиганок* («Ихлос») '... Мой разговор его немного омрачит'. *Валихоннинг... бу қадар тўғ қарши Хасан овчининг хўрлигини келтирди, тинкаси кўригандай бўлди* («Эрк») 'До такой степени суровый взгляд Валихана огорчил Хасана-охотника, что он обессилел'. ...*ҳақоратлангани баъзиларни ранжитди...* (М., 123) '...то, что он был оскорблен, слегка обидело некоторых'. *Лекин пахта тозалаш заводида кўтарилган исён ва отасининг қамоққа олиниши Абунинг кичик юрагига ҳам қайғу солди* (М., 165) 'Тем не менее бунт, поднявшийся на хлопкоочистительном заводе, и арест отца опечалили также даже маленькое сердце Абу'. *Хотин овқатга унади, эрининг «эвида бўл-да» дегани унга жуда алам қилди* (АҚ., I, 51) 'Жена приступила к приготовлению пищи, сказанное мужем «будь же умеренна» её очень огорчило'. *Дастлабки кунлари у фабрика шов-шувига, жилдий меҳнатга ўргана олмай, Мария Ивановнани анча хуноб қилди* (М., 268) 'Марию Ивановну очень мучило то, что в первые дни она не могла привыкнуть к шуму фабрики и к серьезному труду'.

Характерным свойством центрального ядерного слова во всех рассмотренных случаях является то, что оно, будучи нейтральным к выраженности степени признака в различных контекстах, благодаря дополнительным словам, указывающим на степень проявления признака, может выступать вместо всех слов своего ряда, например:

Таким образом, окружение ядра *хафа қил-* можно представить в следующем виде:

таъбини хира-қил- } ~ { *хўралиғини келтир-* } ~ { *ўпқасини тўлдир-* } ~ { *хафа қил-* } ~ { *қайғур-₂ қайғу сол-* } ~
 ~ { *ғам-ғуссага тўлдир-/аламини ўнқил-хуноб қил-* }

Приведем таблицу:

По семанти- ским моделям	Положительный признак А		Отрицательный признак -А	
	Непереходный	Переходный	Непереходный	Переходный
Усиление степени признака	<i>Чехраси очил-/қўнгли/таъба ёриш-</i>	<i>Чехрасини/қўнглини оч-</i>	<i>Таъби хира бўл-/чехраси бузул-</i>	<i>Таъбини хира қил-</i>
	<i>Завқлан-/завқи кел-</i>	<i>Завқ бер-/бағишла-</i>	<i>Хўрлиғи кел-Упқаси тўл-Ранжи-</i>	<i>Хўрлиғини келтир-Упқасини тўлдир-Ранжит-</i>
	<i>Хурсанд бўл-</i>	<i>Хурсанд қил-</i>	<i>Хафа бўл-</i>	<i>Хафа қил-</i>
	<i>Севин-/суюншод бул-/шод-хуррам бўл-/шодлан-</i>	<i>Шод эт-, севинтир-</i>	<i>Ғам е-/қайғур, хасрат чек-/торт-</i>	<i>Қайғур-₂/қайғу сол-</i>
	<i>Қувон-</i>	<i>Қувонтир-</i>	<i>Ғам-ғуссага тўл-/аламини ўн бўл-/хуноб бўл-</i>	<i>Хуноб қил-ғам-ғуссага тўлдир-/аламини ўн қил-</i>

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Глаголы эмоционального состояния, выражающие признак радости или грусти, образуют в современном узбекском языке разветвленную систему лексем, объединяющихся вокруг центральных ядерных слов: *хурсанд бўл-*, *хурсанд қил-*, *хафа бўл-*, *хафа қил-*.

2. В каждом ряду члены лексико-семантической группы на основании лексического значения слова распределяются в соответствии со степенью проявления признака: от наименьшей до наивысшей.

3. Глаголы эмоционального состояния, кроме оппозиции на основании глагольной семемы (то есть на основании признака силы и степени проявления признака), оппозитивны по линии антонимичности и переходности/непереходности.

4. Оппозиции глаголов эмоционального состояния по признаку А/-А являются чисто лексическими, что обусловливается грамматической идентичностью и семантической противоположностью антонимов.

5. Противопоставление по линии переходность/непереходность у глаголов эмоционального состояния является лексико-грамматическим, то есть члены противопоставления могут по данному признаку образовать

ваться с помощью как различных слов (*хурсанд бўл-* и *хурсанд қил-*), так и различных залоговых форм.

6. Описанный характер оппозитивности глаголов эмоционального состояния ставит перед языковедами новые задачи по исследованию сущности залогов и сложных глаголов, образованных с помощью глаголов *бўл-* и *қил-*, с точки зрения их места в системе словообразования и формообразования в современном узбекском языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АҚ. (I, II, III, IV, V) — А. Қаҳҳор. Асарлар. Олти томлик, I т. Тошкент, 1969; VI т. Тошкент, 1971.
 «Ихлос» — И. Рахим. Ихлос.
 М. — Мирмухсин. Ҳикоялар. Тошкент, 1972.
 «Оқсой» — С. Анорбоев. Оқсой.
 «Эрк» — Пиримкул Қодиров. Эрк. Тошкент, 1970.
 УН — Ус. Носир. Танланган асарлар. Икки томлик, I т. Тошкент, 1969.
 «Умид» — Мирмухсин. Умид. Тошкент, 1968.
 ХҚ. — Ҳабибулло Қодирий. Отам ҳақида. Тошкент, 1974.
 «Янги директор» — С. Зуннунова. Янги директор.
-

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. ГУКАСЯН

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

В изучении истории Азербайджана раннего средневековья и истории азербайджанского языка дописьменного периода большую роль играют закавказские письменные источники V—XIII веков, сохранившие свидетельства существования между закавказскими народами древних этнолингвистических и историко-культурных связей, носивших регулярный характер, распространявшихся на все сферы жизни и получивших отражение и в их языках. В закавказских письменных источниках зафиксированы слова, слово- и формообразующие элементы тюркских языков (особенно азербайджанского и турецкого), а также представленные в Закавказье тюркские этнонимы, антропонимы и топонимы.

Тюркизмы в закавказских письменных источниках в зависимости от времени заимствования имеют свои специфические особенности, обусловленные рядом исторических факторов. Звуковой состав азербайджанского, армянского и грузинского языков неодинаков: в азербайджанском всегда было девять гласных, а в грузинском, например, пять. Узкие гласные *ä, ö, ü* и иррациональный *y* в фонологической системе грузинского языка всегда противопоставлялись нулю. Поэтому четкая дифференциация коррелирующих гласных переднего, среднего и заднего ряда, присущая азербайджанскому языку, не свойственна системе гласных грузинского языка: *ä* в грузинском замещается *a* и *e* (см.: *pävä* > *pava* 'внук', 'внучка', *däli* > *deli* 'безумный', 'храбрый'); *y* > *i, a* (*qygh* > *qigh* 'сорок', *qary* > *qari* 'дверь'); *ö* > *o, e* (*göz* > *goz* 'глаз', *böjük* > *beuk* 'большой', *ördäk* > *ordak* 'утка'); *ä* > *u* (*üzük* > *uzuk* 'кольцо', *kürä* > *kura* 'икра').

Что касается согласных, то здесь наблюдается еще более сложный процесс замещения: *j* в грузинском языке в начале и середине слов почти не употребляется, а в некоторых случаях (особенно перед гласным) замещается *i* (*jaga* > *iaga* 'рана', *Jakov* > *Iakov* 'Яков', *juva* > *iua* 'гнездо'); звонкий смычный *q* > абруптивным *q* (*qygh* > *qigh* 'ястреб', *aşuq* > *aşuq* 'ашуг, певец-импровизатор'); *k* > *q* (*köjnäk* > *qoinaq* 'сорочка', *dimdik* > *dimdiq* 'клюв'); *j* > *p* (*fystyq* > *pustuy* 'греб', *fikir* > *pikir* 'дума, мысль'); *d* > *t* (*dolma* > *tolma* 'голубцы', *dodaq* > *totay* 'рыба', *dam* > *tam* 'дом, чердак'); наблюдается также: *č* > *čč, z* > *ž, j* > *v* и т. д.

Для выявления и изучения тюркизмов (*resp.* азербайджанизмов) в грузинских источниках необходимо проследить и за теми изменениями, которые происходили в самом грузинском алфавите. Общеизвестно, что в V—X веках грузинский алфавит включал 37 букв, а в XI веке был добавлен еще знак для обозначения глухого придыхательного согласного *q* и гласного *u*, который фактически заменил знак для *w* (то есть с того

времени слитное сочетание знаков $o + \omega$ обозначало звук u). В начале XVIII века грузинский алфавит состоял уже из 40 букв, затем буквы, фактически не отражавшие звуки грузинского языка, были исключены, и к 60-м годам XIX века грузинский алфавит насчитывал 33 буквы, в том числе — 5 для обозначения гласных и 28 — для согласных фонем. Все эти изменения в грузинской палеографии, естественно, отразились и на написании тюркизмов (*resp.* азербайджанизмов) в грузинских источниках.

Сказанное всецело относится и к тюркизмам (*resp.* азербайджанизмам) армянских письменных источников: в V—XI веках для обозначения 37 фонем армянского языка в алфавите было 36 букв (ложный дифтонг u в тот период, как и в грузинском языке, обозначался комбинацией знаков $o + \omega$). В X—XII веках дифтонг au древнеармянского языка, монофтонгизируясь, превратился в закрытом слоге в простой губной гласный o , для обозначения которого в XII веке в алфавит был введен дополнительный знак $и$, кроме того, включен знак f для передачи спиранта f в заимствованных словах. Однако написание слов с f носило чисто формальный характер, ибо армяне заменяли в произношении f на p (см. $fajton > rajton$ 'фаэтон', $Afrika > Arprika$ 'Африка' и т. д.). К тому же до X века буква η обозначала латеральный сонант второго ряда l ($\dagger$), который, в связи с усилением заднеязычной артикуляции в X—XI веках, превратился в заднеязычный звонкий фрикативный γ^1 . Поэтому в XIII веке в армянском алфавите было уже 39 букв, из которых 8 обозначали гласные, 30 — согласные и 1 дифтонг $и$ (ev).

Узкие гласные $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{y}$ и в армянском языке противопоставлялись нулю, ибо $\ddot{a}$ во всех позициях слов замещается гласными a , e ($s\ddot{a}n > san$ 'ты', $d\ddot{a}rman > darman/terman$ 'лекарство', $t\ddot{u}t\ddot{a}k > tutaq$ 'свирель, дудка'); $\ddot{o} > o$, а в начале и середине слов o и eo (ср.: $\ddot{o}z > eoz$ 'свой', $g\ddot{o}l > geol$ 'озеро', $g\ddot{o}t\ddot{u}r > gotur$ 'взять, брать'). По мнению Р. А. Ачаряна, Э. Г. Туманян и других арменистов, в армянском языке эквивалентом азербайджанского $\ddot{y}$ был дифтонг $իւ$ ($i\omega/iu$), зафиксированный в классическом грабаре². Подобная точка зрения требует внесения некоторых корректив, так как указанный дифтонг не всегда соответствовал $\ddot{y}$ азербайджанизмов в армянских источниках. К тому же обозначение данного дифтонга было включено в армянский алфавит лишь в XIII веке. Следовательно, до XIII века $\ddot{y}$ в основном был замещен $и$, начиная же с XIII века, он замещался, в зависимости от позиции, то $и$, то $i\omega/iu$.

Иррациональный y отсутствовал в древнеармянском языке, поэтому он не всегда зафиксирован в азербайджанизмах, однако имеются случаи замещения его i (ср.: $ba\ddot{y}lu > ba\ddot{y}li$ 'закрытый, запертый'; $o\ddot{y}lu > o\ddot{y}li$ 'сын'). Наконец, в тюркизмах, особенно в азербайджанизмах, армянских источников регулярно нарушается нёбная гармония гласных.

Наблюдается следующее чередование (*resp.* замещение) согласных звуков: $ph > p$, $k/q > x$, $kh > k$, $b > v/p$, $f > p/pp$ и т. д.³

Рассмотрение фонетических и графических изменений в азербайджанизмах грузинских и армянских источников помогает установить период их заимствования (точнее — зафиксирования).

Как известно, на тюркизмы в закавказских источниках впервые обратил внимание доктор Мордман. В одной из своих статей, посвященной

¹ Подробнее об этом см.: Р. А. Ачарян. Когда $\dagger$ стал γ ? (на арм. яз.). — «Известия АН Армянской ССР». Ереван, 1948, № 5, стр. 30—40.

² Э. Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971, стр. 20, 28.

³ Р. А. Ачарян. Тюркские заимствованные слова в армянском языке (на арм. яз.). Москва—Вагаршапат, 1902, стр. 26—55.

этой теме, он писал: «...армяне принадлежат к индоевропейскому народу, но язык их указывает на явные следы туранского влияния. Под этим выражением я разумею не те турецкие слова, которые вошли в язык вследствие вековой связи с османами, а те туранские элементы в письменном языке IV, V, VI и VII столетий нашей эры, когда еще никто не слыхал о сельджуках, османлы и др.»⁴. Автором статьи приводятся 23 якобы тюркских слова, из них интерес представляют: *tel* 'нитка, латунная струна', *'chelka'*, *ot > xot* 'грава, сено', *rārdē > barti* 'бревно, балка', которые Р. А. Ачарян считает армянскими заимствованиями в турецком и азербайджанском языках⁵.

Комментируя статью Мордмана, К. П. Патканян отметил, что тюрки в Закавказье действительно появились в период раннего средневековья, ибо «чены армянских писателей, поселившиеся в Армении в начале IV века, ни в коем случае не были настоящими китайцами, как обыкновенно переводят это название... Чены грузинской летописи называются просто турками; они переселились с берегов Волги»⁶. Для доказательства своего предположения он приводит несколько тюркских слов, зафиксированных в армянских источниках V—VI веков, например: *aryg/aryg* 'тощий; бесплодный', *agu/agu* 'канава, ручеек', *tel* 'нитка, латунная струна' и др.⁷. Относительно слова *vošxag* он замечает: «Возьмем еще одно до сих пор также не тронутое слово и сравним: *nšhšr* (*vošxag, ošxag*) 'баран, овца'. Это слово V века. Я нахожу его в словаре Будагова, джигатат. *توجکلر* (*khoschkar*) 'баран племенной'; в алтайском — *koškor* 'дикий баран' ... Нельзя же присутствие этого слова в армянском языке в V веке объяснить только случайностью. Утрата гортанного *k* перед *n(o)* тоже не без аналогии»⁸. Эта мысль К. Патканяна была развита Х. Педерсеном, который отметил, что венгерский *agok* 'канал' восходит как раз к той тюркской основе *aguq*, которая зафиксирована в армянских источниках⁹.

В свете сказанного отметим, что наряду с огузской *qoş* в тюркских языках существовала и существует форма *qoşqar/qoşqar*¹⁰, которая бытовала и у тюрков Закавказья в период раннего средневековья. Доказательством служит ее наличие не только в армянских источниках V века, но и в топонимии Азербайджана; наряду с топонимами *Qoşdağ* 'гора Гоч' (в Кельбаджарском районе) и *Qoşdağā* 'ущелье Гоч' (в Таузском районе) в Дашкесанском районе имеется ороним *Qoşqar dağ* 'гора Гошгар' и гидроним *Qoşqar çay* 'река Гошгар'. Здесь же встречаются и другие древние тюркские этнонимы, а именно: *Баян, Гарагуллар, Гушчу, Чанахчи* и др.¹¹

Особый интерес представляет слово *agu/aryq*. *Agu/aryq/arx* в тюркских языках — фонетические варианты одной основы *ag-* (см.: *er ağıd qazdı* 'мужчина выкопал арык' — у Махмуда Кашгарского, т. II, стр. 10),

⁴ См.: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Leipzig, 1870, XXIV, № 80.

⁵ См.: Р. А. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка (на арм. яз.). Ереван, т. I, 1971, стр. 403; т. II, 1973, стр. 169, 402.

⁶ См.: К. Патканов. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», т. VI, Тифлис, 1880, № 1, стр. 47.

⁷ Там же, стр. 45—46.

⁸ Там же, стр. 49.

⁹ См.: H. Pedersen. Zur armenischen Sprachgeschichte. Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd., 38, 1904, стр. 195.

¹⁰ См.: *Mahmud Kaşgarlı. Divanü lügat-it-türk tercümesi*. Çeviren Besim Atalay, т. I. Ankara, 1939, стр. 321; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 451.

¹¹ «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР». Составитель Е. Н. Бушуева. М., 1971, стр. 51.

однако эти варианты в разное время были заимствованы армянским, грузинским и удинским языками; форма *агуц/агуц* отмечена в армянских источниках V—VI веков. Р. А. Ачарян считает сходными с армянским *аги* (которое он с некоторым сомнением относит к исконной лексике) удинское *огоип/огаип* 'родник, ключ; водоем, бассейн', чагатайское *агик/агик* 'канава, речка', киргизское *агук*, алтайское *агу* и т. д., полагая, что все это разновидности одной формы, заимствованной из персидского языка¹². Вместе с тем Р. А. Ачарян не отрицает, что *агуц/агуц* — тюркское слово и что оно было зафиксировано в XI веке армянским историком Аристакесом Ластивиреди¹³. В армянской надписи, датированной 996 годом, он находит другой вариант этого слова, а именно — *агх*¹⁴. Таким образом, не остается сомнений в том, что тюркская форма *агуц/агуц/агх* в армянском языке такая же древняя, как и *аги*. Что касается удинского слова *огоип/огаип*, то, во-первых, оно осложнено суффиксом принадлежности *-ип*, во-вторых, восходит к тюркско-алтайскому *ог/ого*¹⁵. Не случайно, что Э. В. Севортян межтюркское *ог* 'ров, яма' сравнивает с алтайским *ого*, имеющим то же значение. В древнетюркских языках существовала и производная форма — *ога*, означавшая «яма, ров»¹⁶. По всей вероятности, *ого/ога* проникло в удинский язык из азербайджанского в пору раннего средневековья, а впоследствии к нему был присоединен элемент *-ип* (ср. удин. *аг* 'грудь, склон горы', но *агип* 'поле, пашня', где *-ип* является вариантом *-ип*).

Э. В. Севортян отмечает, что хотя общиндоевропейское *йг-*, *аиег* с общим значением «вода», «влага» представляется далеким от тюркской основы *агуц/а:гук*, тем не менее «нельзя исключать другой возможности относительно происхождения *а:рыц ~ арыц* — его формирования под влиянием индоевропейских источников, и при таком допущении тур. и аз. *арк ~ арх* могли бы рассматриваться в качестве старейших форм для *арыц*, а последняя как более поздняя»¹⁷.

Однако, как видно из сказанного выше, форма *агуц/агуц* встречается, во-первых, в армянских источниках V—VI веков, во-вторых, *агуц* участвует в топонимобразовании Закавказья: в Болнисском районе Грузинской ССР имеется село *Агуцлы*¹⁸, а в Кедабекском и Агдамском районах Азербайджанской ССР — *Агуцдам* (ср. *Агдам*, *Зардам*, *Агуцдам* в Агдамском районе)¹⁹. Кроме того, Р. А. Ачарян указывает дату зафиксирования *агх* в армянских письменных источниках — 996 год. Форма *агх* в X—XI веках проникла и в грузинский язык: на территории Картли (Восточной Грузии) образовались топонимы *Архиули* (то есть *ули агх* 'большая канава' или 'древняя канава', как предполагал еще К. Ф. Ган²⁰) и *Архи сихе* (<*Архлу қала*, то есть 'крепость, обнесенная канавой, рвом'), отмеченные в грузинском источнике XI века «Матиане Картлиса»²¹ (Летопись Картли).

¹² Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. I, стр. 264—265.

¹³ Там же, стр. 332.

¹⁴ Там же, стр. 317.

¹⁵ *Ога-ип* вряд ли восходит к исконно удинскому *киг* 'яма, колодец', 'ложбина', тем более, что от *киг* (ср. крыз., будух. *киг* 'река, канал', лезг. *фиг* 'яма, колодец', цахур., рутульск. *хуваг/ > йаг* 'яма, колодец'...) в удинском языке не образуется *кигеип/кигуип*, схожее с *огоип/огаип*.

¹⁶ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 466—467.

¹⁷ Там же, стр. 189.

¹⁸ «Грузинская ССР. Административно-территориальное деление». Тбилиси, 1966.

¹⁹ «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1968.

²⁰ См.: К. Ф. Ган. Опыт объяснения Кавказских географических названий. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 40. Тифлис, 1909, отдел III, стр. 14—17.

²¹ См.: «Матиане Картлиса». Тбилиси, 1976, стр. 51.

Из сказанного следует, что форма *ax* существовала в азербайджанском языке еще в IX—X веках, откуда была заимствована в армянский и грузинский языки, однако ей все-таки предшествовала форма *ayūq/ayuq*.

В армянских источниках V—VI веков зафиксированы еще пять слов-этнонимов: *akacir* < *akxazir*, *varsay/varsan*, *kangar/kenger*, *halxal* и *xupap*.

Армянский историк V века Елише²² пишет, что албанские цари в зоне Казах-Акстафа располагали зимней резиденцией, именуемой *Halxal*²³. Топоним *Halxal*²⁴ в средневековом Азербайджане был довольно распространенным: грузинский источник XII века — «История и восхваления венценосцев» (Тбилиси, 1954, стр. 28), повествуя о событиях XI—XII веков, сообщает, что владение Ширваншаха в то время простиралось от Дербента до Халхала; в XIV веке Шейх Сефи упоминает другой город Халхал в Южном Азербайджане²⁵. В диалектах азербайджанского языка, особенно в казахском диалекте и в дманисском говоре *halxal* значит «огороженное место для скота, загон», с этой же семантикой он проник в грузинский язык в средние века и был отмечен в грузинском словаре Сулхана-Саба Орбелиани (XVIII век)²⁶.

Можно допустить априори, что *Halxal* был не только зимней резиденцией албанских царей, но и вообще местом зимовки албанских (то есть азербайджанских) скотоводов. В Варташенском и Нахичеванском районах Азербайджанской ССР наряду с топонимом Халхал имеются Халхалгышлаг 'Халхал-зимовка' и Дашхалхал 'каменный халхал' (то есть каменный загон). Синонимом *halxal* в азербайджанском языке является *ayul* 'загон', в связи с чем, согласно существующей закономерности, в Шекинском районе Азербайджанской ССР появился топоним *Daşayul* 'Каменный загон'. Топонимы *Kangar day* 'Гора кангаров' и *Kangagac gavar* 'Кангарская область', образованные от названий тюркского племени *кангар*²⁷, отмечены армянским историком V века Лазарем Парапским. Повествуя о совместной борьбе закавказских народов в 484 г. против Сасанидского Ирана, он пишет, что объединенная армия закавказцев, потерпевшая поражение, спустилась с пограничных с Арменией Кангарских гор (*gangagac lern*) в долину реки Куры, в область Кангаров (*gavagn Kangagac*) и дожидалась там помощи от соседей-гуннов²⁸. Эта гора, расположенная на территории Гукасянского района Армянской ССР, до сих пор называется кангарской. Наличие в источнике V века оронима *Kangar day* и ойконима *Kangar* имеет большое научное значение, тем более, что в Нахичеванском, Миршахирском, Саатлинском и

²² Имена *Jeliše*, *Levond*, *Alvan* и др., относящиеся к V—VIII векам, армянистами очень часто пишутся как *Jeyiše*, *Yevond*, *Ayvan*. Это ошибочное написание, ибо они относятся к тому периоду, когда *ç* еще из ряда сонантов не перешел в ряд шумных, а значит, и не произносился как *ç*.

²³ См.: *Егише*. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971, стр. 77.

²⁴ Данное слово, по-видимому, не имеет отношения к персидскому *خاخال* [*xālxal*] «браслет или кольцо, носимое женщинами Востока на ногах».

²⁵ М. Аббаслы. К вопросу о происхождении сефевидов. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1973, № 2, стр. 47—48.

²⁶ См.: Ц. А. Абуладзе. Тюркские переводы словника словаря Сулхан-Саба Орбелиани (на груз. яз.). Тбилиси, 1968, стр. 74.

²⁷ Кангаров наряду с савирами Клавдий Птоломей и другие античные авторы в I—II веках помещают вдоль побережья Каспийского моря и около Кавказских гор до Дербента (подробно см.: М. И. Артамонов. История хазаров. Л., 1962, стр. 65); сирийский автор VI века Мар Аба I пишет, что в V—VI веках они уже жили в зоне Нахичевань—Армения, где в 542 г. с ними воевали персидские войска; см.: Н. Пигулевская. Мар Аба I. (К истории культуры VI в. н. э.). — «Советское востоковедение», V. М.—Л., 1948, стр. 77.

²⁸ См.: Лазар Парапский. История Армении (на др.-арм. яз.). Тифлис, 1904, стр. 132.

Кюрдамирском районах Азербайджанской ССР существуют ойконимы Kengerli, Kengerlär.

Слово *varsay/varsap* 'стихи, газели' встречается в трудах Фавста Бузанда (V век) и Моисея Хоренского (V—VI века)²⁹.

Что касается слова *akasir* < *akhasir*, то, по мнению М. И. Артамонова, это греческая адаптация, состоящая из двух компонентов тюркского *ака* (по-древнетюркски 'старшинство по мужской линии') и заимствованного в Индии хуннами (II век до н. э.) *çeri -çärig* (греч. *ç* > тюрк. *ç*)³⁰. Думается, что М. И. Артамонов упустил из виду одну закономерность тюркской этнонимии — деление тюркских народов и племен как минимум на *ак* 'белых' и *гара* 'черных'³¹; см.: *akhun, göghun, saryhun* ('белый гунн', 'синий гунн', 'желтый гунн'); *Akqojunlu, Qaraqojunlu* (племя «белого барана» и «черного барана»); *akkurçaq, qaraqurçaq, sarykurçaq* ('белый кыпчак', 'черный кыпчак', 'желтый кыпчак'), в том числе и *akhasir* 'белый хазар' и *qahasir* 'черный хазар'. Знаменателен тот факт, что, судя по источникам раннего средневековья, *akhun*'ы в V веке осели в Мугани и построили города *Akhun/Akgun* (*Balasa gun* в арабских источниках)³² и *Hunan/Xunan* (> *Xunarakert* у Моисея Хоренского)³³ на побережье реки Куры.

Как свидетельствуют изученные нами источники, пиком проникновения тюркского этноса в Закавказье был VII век, именно в это время тюркские племена (особенно савиры, кангары, хазары, барсилы и др.) заселили почти все области Албании (то есть Северного Азербайджана). Очевидец этих событий, албанский историк Моисей Утийский сообщает, что в 682 году царь Вараз Трдат вынужден был заявить о том, что противостоять притоку тюрков в Албанию уже невозможно и поэтому их следует считать полноправными жителями страны: «И с этих пор да не сочтем за позор с ними родниться», — заявил Вараз Трдат³⁴. Таким образом, с VII века все тюркоязычные народности Азербайджана вошли в состав единого политического и экономического союза. Это способствовало распространению в многоязычном Азербайджане азербайджанского разговорного языка, ставшего общенародным. Вот почему с VII в. количество тюркизмов в закавказских источниках заметно возрастает. Только в «Истории Алван», названной М. И. Артамоновым «первоклассным источником по истории хазар»³⁵, встречается множество распространенных тюркизмов: *avçi* 'охотник', *çörçi* 'знахарь', *gögjar* 'молния, гром', *tangri-xan* 'бог', *хагап* 'хакан', *žebü* (у автора — *žebu*) 'вицехакан', *šad* 'наместник', 'полководец', *tarxan* 'привилегированный вельможа', *tegin* 'принц' (ср. арм. *tikip* 'госпожа, владычица'), *tidun* 'высший офицер'; *turqan* 'гоним, вестник', *elteber* (у автора — *Alp İltiver*) 'вождь, предводитель'; этнонимы: *türk, hajlantürk, hun, hasir, akhasir, barsil*; топоним

²⁹ Об этом слове см.: *Мирали Сейидов*. О слове «Варсан» (на азерб. яз.). — «Труды Института литературы и языка АН Азербайджанской ССР», т. VII. Баку, 1954, стр. 175—185.

³⁰ См.: М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 156.

³¹ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 5. Душанбе, 1954.

³² J. Marquart. Eranşahr nach der geographie der Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901, стр. 119.

³³ Л. М. Меликсет-Бек. К истории появления гуннов в восточном Закавказье. — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XIII. Баку, 1957, № 6, стр. 709—713; Д. Л. Мухелишвили. К вопросу о локализации хунана/хнакакерта. — В кн.: «Археологические памятники феодальной Грузии», II. Тбилиси, 1974, стр. 275—277; Р. М. Ваидов, Н. М. Гулиев. О тождестве городища Торпагала и города Хунана. — Там же, стр. 278—279.

³⁴ «История Агван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, стр. 190.

³⁵ М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 18.

Turkestan, отнесенный к Хазарии; антропонимы Avči, Alp, Konag, Țazan, Sorpan и т. д.³⁶

Из многочисленных тюркизмов армянских и грузинских источников VII—VIII веков особый интерес представляют в данном случае всего несколько слов, и прежде всего слово *jaruṇṇi* 'бурка, епанча', зафиксированное у армянского историка VIII века Левонда³⁷. Р. А. Ачарян сообщает, что это тюркское слово встречается и в армянском источнике XII века «Жизнь святых», где оно приобрело вид *ebiṣay*³⁸. Знаменателен тот факт, что Левонд точно передает данное слово, соответствующее азербайджанскому *jaruṇṇi/jaruṇṇu* (ср. тур. *jaruṇṇa*). У того же Левонда встречаются слова *alp* 'герой', личное имя, а также *tarḥan*, *haḡan*, *hatun* 'госпожа', *elteber* (у автора — *hatirlutber* ~ *Alp Ilitver*) и т. д.

В «Армянской географии» VII века наряду с *haḡan*, *hatun*, *türk*, *barsil*, *hazar*, *savir*, *bulgar* встречается слово *rasank/rasinak* вместо *reṣenek* 'печенег' и топоним *Turkestan*, отнесенное, как и в «Истории Алван»³⁹, к Хазарии⁴⁰.

В XI веке в Закавказье появляются огузы под предводительством сельджуков. За короткий срок они расселяются почти по всей территории Закавказья: в Азербайджане, Армении и Картли (восточной Грузии). Грузинские источники того периода, особенно «Давитис историкоси» (история царя Давида IV), делили Грузию на две части: на тюркскую, называемую *Didi Türkoba* (Великая туретчина), и грузинскую, называемую *Kartveloba*⁴¹. Исследователь этого периода Н. Н. Шенгелия пишет, что в то время «происходил процесс массового оседания турецких племен на территории Грузии...»⁴² и «... создавалась опасность тюркизации грузинской территории...»⁴³. Необходимо учитывать, что с VI века в этой части Грузии жили тюрки-савиры, которые в источнике VII—IX веков «Мокцевай Картлиса» [обращение Картли (в христианство)] названы *bunturk'*ами (коренными, древними тюрками)⁴⁴. С VIII века здесь появляются ранние кыпчаки, называвшиеся в грузинских источниках XII—XIII веков *paqivṭṭakara* (старые кыпчаки). В XII веке сюда переселились 225 тысяч северокавказских кыпчаков⁴⁵, которых те же источники называют *axalivṭṭakara* (новые кыпчаки)⁴⁶. Таким образом, в XI—XII веках в Картли преобладало тюркоязычное население, благодаря чему и возникло название *Didi Türkoba*.

В. Н. Габиашивили, М. С. Джикия и другие обнаружили в грузинских источниках XI—XIII веков десятки тюркских (азербайджанских) слов, например: *ṣar* (вм. *jar*), *atabegi* 'главный бек', *uṣi* 'край'⁴⁷, *ṣelebi* 'святой',

³⁶ О тюркизмах в «Истории Алван» см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 30—41.

³⁷ «История Армении вардапета Гевонда» (на др.-арм. яз.). Пб., 1887, гл. VI.

³⁸ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. II, стр. 4.

³⁹ Об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 249.

⁴⁰ С. Т. Еремян. Армения согласно «Ашхарацойц» (на арм. яз.). Ереван, 1963, стр. 102—103.

⁴¹ «Картлис цховреба (жизнь Грузии)», т. I (на др.-груз. яз.). Тбилиси, 1955, стр. 321—324.

⁴² Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия (резюме на русском языке). Тбилиси, 1968, стр. 396.

⁴³ Там же, стр. 399.

⁴⁴ «Картлис цховреба», т. I, стр. 15—17; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 125.

⁴⁵ З. В. Анчабадзе. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков. — В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 118.

⁴⁶ Там же, стр. 119.

⁴⁷ См.: Г. Г. Аласаниа. К разъяснению двух терминов в сочинении второго историка Тамар (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология», III. Тбилиси, 1973, стр. 208—210.

žibyu (вм. jabyu), žorɣa (вм. jorɣa) 'иноходец', balta 'топор', oylan 'мальчик', arɣanči 'арканщик', uluxan 'большой хан', ulubeg 'большой бек', temurči 'кузнец', ata 'отец', buɣa 'бык, бугай', qurumši 'засохший, высохший', qulluxči 'служащий', qizlar 'девушки' и много других⁴⁸, зафиксированных также и в армянских источниках того времени.

Тюркские языки этого периода, особенно азербайджанский и турецкий, довольно ощутимо влияли и на персидский язык⁴⁹. Не случайно в произведениях Хагани, Низами, Гатрана Тебризи и других поэтов XII века, писавших на персидском языке, встречаются десятки азербайджанских слов: day 'клеймо', ajaq 'пиала, бокал', su 'вода', ätmäk 'хлеб', axur 'ясли', qaratuɣan «держи дерево», колючка, itkin 'пропавший', tapɣu 'бор', tuɣ 'флаг', xatun 'госпожа', sânsân 'ты', çalyş 'бой, битва', sanɣaq 'флаг', külüng 'кирка', alaɣug 'шатер, палатка', jajlaq 'летовка', tapanča 'попечина', jaɣta 'грабеж', tapɣači 'клеймовщик', tıpɣug 'бусы'. Характерно также использование этими поэтами специфических словообразовательных аффиксов азербайджанского языка -či, -lah, -yş, -taş в составе таких слов, как: mijaşu, sānglah, divlah, çalyş, haɣātaş и т. д.⁵⁰

У армянских авторов X—XIII веков встречаются такие слова, как žuvag⁵¹ 'распределитель воды', sel 'сель, поток', tum 'воск', xavag (азерб. диал.) 'весть, известия', dārman 'лекарство' (у Нарекаци — X век), aruɣ 'арык, канава', baban 'каменнотатательное орудие', Tūrkestan 'Туркестан', Alp Arslan, Sultan (у Аристакеса Ластвиреци — XI век), антропонимы Kitbuɣa, Sarum, Uz(u)n, Temirtaş (ср. азерб. Daşdāmir), Ayačārik (главное войско или глава армии), Togguztārā (<Doqquztārā), Artux (<Artux ~ Artyq), türk, türkmen расчл. (ср. в «Армянской географии» VII века — расank), poltači букв.: 'топорник', qlyč Arslan букв.: 'меч Арслан' и т. д. (у Смбага Спаранета — XIII век)⁵², elči 'посол', jarluɣ 'ярлык', jam 'почтовая станция', temači 'род войск у тюрков и монголов', aɣul 'загон' и т. д. у других авторов XIII—XIV веков⁵³. Особый интерес представляет сложное слово kesikdank, приведенное у Мхитара Айриванского (XIII век). Он пишет, что монголы всех грузинских князей и дворян увели заложниками в орду и называли их kesikdank⁵⁴, — слово, безусловно, тюркское (от kesik 'отрубленный, отрезанный').

Особый интерес представляют три армянских источника XIII века, а именно: «История» Киракоса Гандзакеци и сочинения поэтов Фрика и Ованнеса Ерзнкаци. Старшим по возрасту из них является Киракос, ро-

⁴⁸ В. Н. Габиашвили. Грузия и тюркский мир в XI—XIII вв. (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология», III, Тбилиси, 1973, стр. 92—99; М. С. Джикия. Антропонимы турецкого происхождения в грузинском языке (на груз. яз.). — Там же, стр. 211—218.

⁴⁹ Н. Зəринзəдə. Фарс дилиндə Азəрбајчан сəзлəри. Баку, 1962; Gerhard Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, I, 1963; II, 1965; III, 1967; IV, 1975. Wiesbaden.

⁵⁰ Н. Араслы. Низамидə халг сəзлəри, халг ифадə вə зəрб-мəсəллəри. — «Известия Азəрбајджанского филиала АН СССР», Баку, 1942, № 8; Зəјнал Тағызадə. Низами əсəр-лəриндə бə'зи Азəрбајчан сəзлəри вə шəкилчилəри. — Газ. «Азəрбајчан мұəллими», № 51, от 17.III.1953. Баку.

⁵¹ Очевидно, от тюрк. žuv (ср. suv) 'вода' и āg 'муж, мужчина' из ряда соответствий j ~ s ~ š/č ~ ž (ср. перс. mir 'начальник' + ab 'вода' = mirab), а не перс. ži 'проточная вода, канава' и т. п., ср. азерб. žökä вм. jökä 'липа', čijäläk (<žerjelak) от žeg 'земля' + jelak 'плод', 'ягода' вм. jerjelak, žag вм. jag и т. д.

⁵² См.: Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений (на арм. яз.). Ереван, 1960, стр. 2, 6, 15, 79 и сл.; «Повеествование вардапета Аристакеса Ластвиреци». М., 1968, стр. 86, 103, 133 и сл.; Смбаг Спаранет. Летопись. Ереван, 1974, стр. 13, 30, 46, 53, 55, 110, 133, 134, 152 и сл.

⁵³ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. I, стр. 131, 388, 449; т. II, стр. 3, 4, 116, 172, 207, 236, 312 и сл.

⁵⁴ Мхитар Айриванеци. Хронографическая история (на арм. яз.). М., 1869, стр. 146.

дившийся в 1201—1202 годах в городе Гяндже⁵⁵. К. А. Мелик-Оганджаниян пишет, что монголы, захватившие Закавказье в 1236 году вели свои административные и другие дела здесь на азербайджанском и персидском языках. Так как Киракос владел этими языками (на что намекает он сам), они взяли его к себе писарем⁵⁶. Поэтому тюркские и монгольские слова, приведенные Киракосом в его «Истории», представляют большой научный интерес. На основе этого материала и монголизмов в произведении грузинского анонима XIV века Б. Я. Владимирцов установил весьма важный факт в истории монгольских языков: замену присущей, с его точки зрения, древнемонгольскому языку системы глухих и звонких согласных системой сильных и слабых согласных, которая произошла уже в XIII веке⁵⁷.

В «Истории» Киракоса встречается около ста тюркских и монгольских слов; одни считают их только монгольскими (К. А. Мелик-Оганджаниян, Б. А. Владимирцов и др.), а другие — тюркскими (М. А. Сейидов и др.)⁵⁸. При этом упускается из виду то обстоятельство, что Киракос хорошо отличал тюркские слова от монгольских. Так, например, в 32-й главе, названной «Краткое описание внешности татар», он пишет: «Язык их дик и непонятен нам, ибо бога они называют *tangri/tanγri*⁵⁹, человека — *ērē, āran* (<*ārān*), женщину — *ēmē*, отца — *ēčka*, мать — *aka* (<*ākā*), брата — *aka* (<*aya*), сестру — *ēkači* (<*ākāči*), голову — *tigon*, глаза — *nitun*, уши — *čikin*, бороду — *saxal* (<*sakal*), лицо — *jüz*, нир, рот — *aman* (<*āmān*), зуб — *sxur*, *sidun*, хлеб — *atmak/otmak* (<*ātmāk/ōtmāk*), быка — *akar*, корову — *unen* (<*ūnen*), барана — *vojna*, ягненка — *γuγan*, козу — *iman*, лошадь — *morī*, мула — *los*, верблюда — *taman*, собаку — *poħaj*, волка — *čina*, медведя — *ajtku*, лису — *honkan*, зайца — *tablγa*, *tula*, курицу — *taxeā*, голубя — *kokučin*, орла — *burkui*, *γuř*, воду — *usun*, вино — *tarasun*, море — *nour*, *tanqiz* (<*tāngiz*), реку — *moran*, *ulansu*, меч — *ioltu* (<*ōltu/joltu*), лук — *pumi*, стрелу — *sumu*, царя — *melik*, патрона — *poin/puin*, великого патрона — *ēkanuin*, страну — *el*, *irkan*, небо — *goga*, солнце — *paγan*, ночь — *sojñi*, луну — *sara*, звезды — *sarγa*, *xtut*, свет — *otur*, писца — *bitikči*, сатану — *barahur*, *ēlēr* и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны»⁶⁰.

Приведенные в этом отрывке слова (их всего 61) можно подразделить на три группы: а) синонимично употребляемые тюркские и монгольские слова (ср.: *ērē, āran; ēmē, arži; jüz, niur; pour, tāngiz; moran, ulansu; tula, tablγa; burkui, γuř* и т. д.); б) монгольские слова без тюркских синонимов (*tigon, nitun, čikin, ečka, mori, poħaj, akar, taxeā, pumi, sumu, poin, paγan* и т. д.); в) тюркские слова без монгольских синонимов (*ākā, ākāči, aya, sakal, vojna, el, bitikči* и т. д.).

Кроме приведенных в «Истории» Киракоса, упоминаются следующие тюркские слова: *ata* 'отец', *bek* 'бек', *buγa* 'бык, бугай', *gūrzi* 'гру-

⁵⁵ Предисловие К. А. Мелик-Оганджанияна к научно-критическому тексту «Истории» Киракоса Гандзакеци. Ереван, 1961, стр. 13, 20; Л. А. Ханларян. «История Армении» Киракоса Гандзакеци. — В кн.: «Киракос Гандзакеци. История Армении». М., 1976, стр. 20.

⁵⁶ См.: К. А. Мелик-Оганджаниян. Указ. предисловие, стр. 20.

⁵⁷ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.

⁵⁸ Мирәли Сејидов. XIII әср ермәни тарихчисинин әсәриндә түрк-монгол сөзләри. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия 'общественных наук'. Баку, 1962, № 1, стр. 91—94.

⁵⁹ Разнотчение дано К. А. Мелик-Оганджанияном.

⁶⁰ Киракос Гандзакеци. История Армении (на арм. яз.). Ереван, 1961, стр. 273—275.

зин', *yağa/qağa* 'черный', *yuş/quş* 'птица', *el* 'народ', *elçi* 'посол', *eltamya* 'большая печать', *ekâ/jekâ* 'большой', *jüz* 'лицо', *ilanbalex* 'миноги', *ilapsu* 'река Илан' (*букв.*: 'река Змея'), *s(y)uṇax* 'укрытие', *süd gölü* (у автора — *süd göl*) 'молочное озеро', *tonyuz/donyuz* 'свинья', *tamya/damya* 'клеймо', *tangri* 'бог', *tula* 'заяц', личные имена: *Qağaçuq* (ср. *Qağaçuq* в «Китаби деде Коркут»), *Buğa*, *Quli*, *Alp Arslan*, *Gürzi xatun* (о Тамаре, *букв.*: 'госпожа грузинка'), *Arzu xatun*, *Aybuğa*, *Aslanbek*, *Atabek*, *Häsän Zälal* и др.

Согласно указанной выше закономерности смещения звуков, эти слова относятся к азербайджанскому языку. Тем более, что все они (кроме монгольских) входят в лексический состав азербайджанского языка и большинство из них употребляется в литературном языке. Кроме того, звукосмещения $\ddot{a} > a$, $\ddot{o} > o$, $\ddot{u} > u$, $q > x$ и т. п. (см. выше) характерны именно для азербайджанизмов армянских источников. Слова, сохранившиеся в диалектах и говорах азербайджанского языка, бытуют в армянских диалектах и говорах, представленных в Азербайджане. Например, *äkä* употребляется в шемахинском и гянджинском диалектах азербайджанского языка и в шемахинском диалекте армянского языка⁶¹. Даже такие общетюркоско-монгольские слова, как *tamya*, *tangri*, *bitik* (či), *elçi*, *göl*, *süd*, *ätmāk* и т. п., в «Истории» Киракоса зафиксированы именно в азербайджанской форме (в древнемонгольском — *tamaya*, *tengere*, *bičig* и т. д.)⁶².

Не случайно в «Истории» Киракоса есть слово *ulusu*, ибо и в грузинских источниках того периода зафиксирован гидроним *agxi uli*, то есть *ulu agx* (см. выше), а также *ulu hap*, *ulu bek*. Видимо, названия водных объектов, а также имена и титулы, образованные с элементом *ulu*, характерны для азербайджанского языка XI—XIII веков. Судя по сведениям закавказских источников и отмеченным в них тюркизмам и монголизмам, в языке монголов, захвативших Закавказье, преобладали тюркские слова и лексико-грамматические формы. Видимо, монгольский язык уже в XII—XIII веках был насыщен тюркскими заимствованиями и, пожалуй, монголы в Закавказье считали себя в большей мере тюрками. В связи с этим небезынтересно вспомнить сообщение Ибн-ал-Асира и Рашидаддина о том, что, когда монголы в 1222—1223 годах потерпели поражение в Осетии в битве с аланами и кыпчаками, они отправили кыпчакам Северного Кавказа послание, в котором подчеркивали свое родство с ними: «Мы и вы — один народ из одного племени (выделено нами. — В. Г.), аланы же нам чужие»⁶³. Поэтому, когда речь идет о ранних тюрко-монгольских языковых контактах, весьма важно учитывать подобные лингвистические и экстралингвистические факторы.

Другими важными, с интересующей нас точки зрения, источниками являются сочинения двух армянских поэтов XIII века — Фрика и Ованнеса Ерэнкаци.

Наличие азербайджанских слов в произведениях Фрика связано с тем, что он долго жил в Азербайджане, о чем он сам сообщает: «Летовой для нас служили *Aladaṭ* и *Qaradaṭ*, а зимовкой — *Muṇan-Araṇ*»⁶⁴. А. Иоаннесян указывает, что, так как Фрик двадцать лет прожил в Азер-

⁶¹ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 59.

⁶² Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., стр. III, 64, 176; А. М. Щербак. О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях. — В сб.: «Исследования по восточной филологии». М., 1974, стр. 340—348.

⁶³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 32—33.

⁶⁴ Фрик. Стихотворения (на арм. яз.). Ереван, 1941, стр. 211.

байджане, в его стихах прослеживается влияние карабахских диалектов азербайджанского и армянского языков⁶⁵.

В стихах Фрика, написанных на армянском языке, имеются десятки азербайджанских слов (или арабские и персидские слова в азербайджанской адаптации). Особый интерес представляют слова: *başar* — 'уметь, суметь', *basar* — 'давить, задавить; победить; налететь', *talan* 'грабеж' (ср. арм. *tlap*), *tütaq* (<*tütäq*) 'свирель, дудка', *ağa* 'господин', *koç* (<*köç*) 'кочевка', *ortax* 'пайщик, компаньон', *darman* (<*därman*) 'лекарство', *qamaz* (<*qamtaç* <*qapmaz*) 'бестолковый, невежа', *suval* 'поглаживание', *şıxa* 'бурка', *hapşax* (<*hapşaq/apşaq*) 'только лишь', а также антропонимы и топонимы: *yurşax* 'кыпчак', *muval* (по-видимому, азербайджанец зоны Ках-Белоканы)⁶⁶, *ğazan* 'Газан', *sultan* 'Султан', *Bäjlär bāji* 'Бек беков', *Biya* (Буга — полководец-эльханид), *Argun* (Аргун — царь-эльханид), *Ağap* 'Аран — Албания', *Muval* 'Муганская степь' и многие другие⁶⁷. Одна часть этих слов встречается как у предшественников, так и у современников Фрика, другая — такие, например, как *köç*, *ortax*, *qamaz*, *şıxa* и т. д. — впервые в произведениях Фрика.

Внимание исследователей привлекли тюркизмы в сочинениях Ованнеса Ерзнкаци. Родился он в Арзинджане, владел тюркским языком и даже сочинял на этом языке или переводил на него стихи. Тюркизмы Ованнеса Ерзнкаци приводятся в научно-критическом издании его сочинений Арменуи Срапяном⁶⁸. Лингвистический анализ этих тюркизмов впервые дан Э. В. Севортяном⁶⁹.

Э. В. Севортян обратил внимание на очень важный момент, характерный для армянского (да и для грузинского) языка XI—XIII веков. Он пишет: «Употребляемые Ованнесом Ерзнкаци заимствования из тюркского разговорного языка и диалектов — собственно-тюркского или арабо-персидского происхождения — являются не авторскими, а общепринятыми в разговорном армянском языке тех далеких веков, о чем свидетельствуют произведения его современников, у которых встречаются те же тюркизмы. У нашего автора их больше и обращение к тюркизмам у него чаще, чем у других писателей»⁷⁰.

Тюркский материал у Ерзнкаци двойного характера: два сплошных тюркских отрывка и отдельные слова и выражения, вкрапленные в стихи на армянском языке. Первый отрывок⁷¹, известный под названием «Сын

⁶⁵ Ашот Иоаннесян. Фрик в свете исторической критики (на арм. яз.). Ереван, 1955, стр. 117.

⁶⁶ Народы Кавказа «мугал»ами называли и называют азербайджанцев зоны Ках-Белоканы. В собрании алфавитов армянского историка XV века Товма Мецопского наряду с албанским, армянским, грузинским и другими алфавитами имеется и алфавит *мугалский*. А. Г. Шанидзе пишет, что мугалы жили в Закавказской зоне, судя по источникам, говорили по-тюрки, даже в 1886 г. там было их до 21 000. (см.: А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — «Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, № 1, стр. 26). По всей вероятности, мугалы были древними кыпчаками, имевшими в раннем средневековье оригинальную письменность, созданную на основе куфической. Наличие села Кыпчак в Кахском районе и реликты *ž/-ç* и *d*-диалекта [см. *žag* в Закавказье, *dag* и *adak* (вм. *ajak*) в Варташене] тоже подтверждают это предположение.

⁶⁷ См.: Фрик. Стихотворения, стр. 35, 37, 67, 80, 86, 87, 111, 113, 171, 172, 209, 210, 212, 214, 220, 226, 230, 233, 239, 250, 253, 267, 268 и т. д.

⁶⁸ См.: Арменуи Срапян. Ованнес Ерзнкаци. Исследование и тексты (на арм. яз.). Ереван, 1958.

⁶⁹ См.: Э. В. Севортян. Тюркизмы у ранних армянских писателей. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 261—275.

⁷⁰ Там же, стр. 266.

⁷¹ Эти отрывки приводятся и в работах азербайджанских литературоведов, которые считают их написанными именно на азербайджанском языке, хотя и не подтверждают это соответствующим лингвистическим анализом (см.: Э. Јереванлы. Азери-ермени әдәби әлағәләри. Ереван, 1968, стр. 264—265; Мирәли Сејидов. Азәрбајҹан-ермени әдәби әлағәләри. Баки, 1976, стр. 103—104).

священника и дочь муллы», состоит всего из шести строк:

Sēn (san) mūsūrman (musurman)⁷², molla ʔyzi (ʔyzy)
 Pēn (pan) Hovannēs kešiš oʔli (pan ērmēni kešiš oʔli)
 Joru, jeru (jeri, jūrū) geavur (govur) oʔli (oʔlu)
 Gotur (geotur) pizten (pantan) muhal sozi
 Sēn (san) Hovannes kešiš oʔli,
 Pēn (pan) mūsūrman molla ʔyzi.
 'Ты — мусульманка, дочь муллы,
 Я — Хованнес, сын священника.
 Иди, иди (или: уходи, уходи, убег), сын гяура,
 Неси от нас (или — от меня) слово «нельзя» (слово *мугала?! — В. Г.*)
 Ты — Хованнес, сын священника,
 Я (же) — мусульманка, дочь муллы'.

Перевод Э. В. Севортяна.

Другой отрывок состоит из двадцати строк (пять четверостиший)⁷³:

Sēn syn ari ʔyz Mariam,
 Jeazyxlarymē (jeazyxlarime) terman
 Tangri tyr sēntēn toʔan,
 Tangri(m) anasi⁷⁴ Mariam (Mariem)
 Evēl atatan olti
 Oʔul tūnjeaja (tunjeajē) qēlti
 Xristos Mariamtan toʔti
 Tangri(m) anasi Mariam (Mariēm)
 Zennēt ʔapusun ačdi,
 ʔayli jollari čezti,
 Pizi tamuxtēn xutarti
 Tangri(m) anasi Mariam
 Altyntēn (altuntan) tirek olti,
 Xristos jemišin (jemišyn) vērti,
 Pizi jektēn (ekten) qurtarti (xutarti)
 Tangri(m) anasi Mariam
 Altynten (altuntan) aziz Mariam
 Zoherten aziz Mariam,
 Učmax jēasi (zēnnēt jēasi) Mariam (Meriem)
 Tangri(m) anasi Mariam.
 'Ты, святая дева Мария,
 Исцеление моих грехов,
 Господь родился от тебя,
 Матерь господа моего Мария.
 Сначала он произошел от отца,
 Сын пришел в мир,
 Христос родился от Марии,
 Матерь господа моего Мария.
 Она открыла врата рая,
 Она отомкнула запертые пути,
 Спасла нас от ада,
 Матерь господа моего Мария.
 Из золота возник столп,
 Христос дал (нам) свои дары (букв.: плоды),
 Избавил нас от дьявола,
 Матерь господа моего Мария.
 Драгоценнее золота Мария,
 Драгоценнее алмаза Мария,
 Владычица рая Мария,
 Матерь господа моего Мария.

Перевод Э. В. Севортяна.

⁷² Разнотение дано Арменуи Срапяном (см.: *Арменуи Срапян*. Указ. раб. стр. 164—170).

⁷³ См.: *Арменуи Срапян*. Указ. раб., стр. 257—258.

⁷⁴ Здесь либо автором, либо переписчиками нарушено правописание: *-m* из окончания *-im* написана как начальная буква следующего слова, и вместо *anasi* получилось *mapasi*. Поэтому нами *-m* отнесено к слову *tangri(m)*.

В отдельных строках, написанных на армянском языке, имеются тюркские слова: *yaḡib/yaḡib* 'странник, чужестранец', *yaḡir* (<*qādir*) 'достойнство' (в сочетании: *yaḡiripin yaḡiryn gitenaj* 'знал бы цену странника'), *yalat* (<*qālāt*) 'ошибка, промах', *halal* и *haḡam* 'приобретенный честным и нечестным путем', *yaṭi* 'злостный, суровый' и т. д.⁷⁵

Анализируя эти тюркизмы, Э. В. Севортян отмечает, что «язык приведенных отрывков в целом относится к турецкому и более точно — к турецкой диалектной речи Восточной Анатолии»⁷⁶. Мнение Э. В. Севортяна не вызывает сомнения: Ованнес родился и жил в Арзинджане, следовательно, в его лексиконе арзинджанское наречие занимало особое место. Однако проводить четкое разграничение южнотюркских языков XII—XIII веков не всегда возможно. Поэтому не случайно Э. В. Севортян в стихах Ованнеса находит азербайджанские и туркменские формы.

Вместе с тем в произведениях Ованнеса имеются такие азербайджанизмы, которые Э. В. Севортян относит либо к восточноанатолийскому диалекту турецкого языка, либо же к туркменскому языку⁷⁷, тем более, что наблюдаемая у предшественников и современников Ованнеса закономерность замещения звуков в азербайджанизмах присуща и его стихам (передача: *ä > a*, *ö > o*, *eo*, *ü > u*, *x > k/q*, *q > γ*, *q > x*, *d/t > t/t* и т. д.). Ованнес наряду с *ben* (*pen*), *sen*, *benden* (*penten*), *jogu* и т. п. употребляет также — *bān* (*pan*), *sān* (*san*), *bāndān* (*pantan*), *jeri*, *götür* (*geotur*) и подобные им азербайджанские формы, которые имеют место не только в творчестве Гасаноглы, Насими, Хатаи и последующих поэтов, но и у Низами, Хагани, Говси Тебризи и других (см. выше). Киракос, уроженец Гянджи, тоже употребляет эти формы (см. выше).

Слова с начальным *γ*- (*γuz*, *yalat*, *yaḡib*...), а также *tangri*, *atatan*, *tirek* и другие Э. В. Севортян относит к туркменизмам. Он не учитывает того, что слово *tangri*/*tanγira* имеется и в закавказских источниках VII—XI веков, а слова *ata*, *tirek* издревле являются азербайджанской формой (см. у Насими: *Доггуз ата*, *једди ана*, *дөрд дајадән вер хәбәр*⁷⁸). Что же касается начального *γ*-, то, во-первых, он имеется и у Киракоса (см.: *γojpa*, *γigḡap* и т. д.) и у Фрика (см.: *γamaz*, *γazan*...), во-вторых, этот звук широко представлен в произведениях классиков азербайджанской литературы (см.: у Насими: *Еј кули-хәнданум, ачыл, пәрәдән чығ гөнчә тәк*⁷⁹; у Физули: *Гәми-пунһан мәни өлдүрдү, бу һәм бир гәм кими*⁸⁰ и т. д.).

По Э. В. Севортяну, «к туркменскому можно отнести весьма старую, как оказывается, разговорную форму *жуґаб* 'ответ', которая ближе к туркм. *жоға:п...*»⁸¹. Надо отметить, что данное слово (*žuḡab*) неизменно сохраняется в диалектах азербайджанского языка⁸², откуда было заимствовано и в удинский язык⁸³.

В словах *termap* (ср. *darmap* — у Григора Нарекаци и Фрика), *Maḡiam* и *āziz* тоже можно видеть азербайджанскую форму. Весьма интересны слова *иґтах* 'рай' и *tamux* 'ад', зафиксированные в эпосе «Китаби деде Коркут», в стихах Насими (см.: *Ол күндә вә'дәји-һәг учмағ илә бәгадур*)⁸⁴, Хатаи (см.: *Олдур бу кечә ки, әһли-иман, Учмағ илә*

⁷⁵ См.: *Арменци Срапян*. Указ. раб., стр. 154—155, 157, 167, 169, 225 и сл.

⁷⁶ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 270.

⁷⁷ Там же, стр. 274.

⁷⁸ См.: Чананкир Гәһрәманов. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Баку, 1970, стр. 32.

⁷⁹ Там же, стр. 33.

⁸⁰ Фүзули. Лејли вә Мәчнун. Баку, 1958, стр. 49.

⁸¹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 273.

⁸² Р. Ә. Рүстәмов. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 272; М. Ширәлијев. Азәрбајҗан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962, стр. 47.

⁸³ См.: Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, стр. 246.

⁸⁴ Чананкир Гәһрәманов. Указ. раб., стр. 60.

чавидан гавышды)⁸⁵ и в творчестве последующих поэтов. Хотя иѣтах по происхождению согдийское ('wštm'x)⁸⁶ слово, однако у Ерзнкаци представлена его азербайджанская форма.

Таким образом, несмотря на то, что Ерзнкаци жил вдали от Азербайджана, в его произведениях отмечено большое число азербайджанизмов. Это, по-видимому, объясняется тем, что азербайджанская лексика, заимствованная армянским языком того периода, нашла соответствующее отражение как в произведениях армянских писателей, так и в народном творчестве. Азербайджанские заимствования очень часто использовались для создания рифмы в стихах. Например:

Qaql el es **baха-bаха**
Sev **ѣха**, qaqlmır **јаха**
'Стоишь (ты) глядя
В черной бурке, красной сорочке'

или:

Бахча jem, **bar** ѣnem jes,
Ajva jem, **nar** ѣnem jes
'Бахча я, но бесплодный,
Айва я, но без граната'.

М. Х. Абемян пишет, что на классическом грабаре стихи — haјrepі сочинялись без рифмы, «ибо наш язык беден рифмой, мало у нас гармонизирующих слов; рифмы появились после XI—XII веков в устном народном творчестве; сочинители народных песен за рифмой часто обращались к знакомым им тюркским (азербайджанскому и турецкому. — В. Г.) языкам⁸⁷.

В заключение отметим, что приведенные выше заимствованные лексические и лексико-грамматические элементы, получившие отражение в закавказских источниках V—XIII веков, позволяют сделать следующие выводы:

1. Все эти заимствования относятся к *ž-/č-, d-, j-, c-*диалектам (наряду с *jüz, jегі, ʋojup* и т. п. — *žebʋu, žogʋa, žag, beduk, tidʋn*. расапк/расі-пак...) и представлены с того времени в азербайджанском языке (см.: *jʋg- ~ žʋg-* 'рвать, порвать', *gijiš- ~ gižiš-* 'зудеть', *geјim ~ gežim* 'одеяние', *aјaq ~ adaq* 'нога', *žag ~ dar* 'яр', *jumgu ~ dumgu* 'круглый', *сај ~ сај* 'чай', *ѣох ~ сох* 'много', *ѣарāg ~ сарāg* 'забор', *ѣever- ~ dever-* 'вернуть, перевернуть')⁸⁸, а также в удинском языке [*žʋgvʋt* 'джигит', *qʋdyʋl ~ qʋžʋl* 'короткий ростом', *ѣalʋu* 'глупец', *ѣак- ~ сак-* 'молния, сверкать (о молнии)', *žuk > žuk* 'веретено' и т. п.]⁸⁹. Отсюда можно заключить, что дивергенция языков тюрков савиро-хазарского союза на *j-, d-, c-, ž-/č-*диалекты происходила до V века. Эти диалекты являлись опорными при формировании азербайджанского языка, поэтому их элементы и функционируют в нем до сих пор.

2. Все слова, зафиксированные в закавказских источниках V—XIII веков, составляют часть лексики (в большинстве случаев исконной)

⁸⁵ *Хатаи. Дәһнамә. Баку, 1959, стр. 124.*

⁸⁶ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 617; Э. В. Севортян. Указ. словарь, стр. 614.

⁸⁷ М. Абемян. Народные песни (на арм. яз.). Вагаршапат, 1904, стр. 34—35; *его же*. Народные стихи Гусан (на арм. яз.). Ереван, 1940, стр. 19.

⁸⁸ Об этом см.: М. Ш. Ширалиев. Кипчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). — В сб.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 11; В. И. Асланов. Историческая лексикология азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 7—11.

⁸⁹ Ворошил Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 15—18; *его же*. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

азербайджанского языка; в тех же значениях они употреблялись в произведениях классиков азербайджанской литературы. Многие из этих слов с небольшими фонетическими изменениями встречаются и в современном азербайджанском языке (*jüz > üz, dāngiz > dāniz, geng > gen, tangri > tanrı...*).

3. В закавказских источниках V—X и XI—XIII веков зафиксированы одинаковые формы слов, подобно: *avci, aruγ/aruq, arx, gög, arkan, jarıpzi, cıxa, tangri*, а также такие сложные слова, как: *gögjar* 'молния' (букв.: 'неборасекающий'), *tangrihan* 'бог, хан', *eltamya* 'народная тамга', *uluagx* 'большая канава', *ulusu* 'полноводная река', *ilanbalex* 'город Илан', букв.: 'миноги', *qaratikan* 'держи дерево' и десятки других.

4. Уже в VII—XIII веках элементы *-ci/-cy, -lik, -ly, -cug, -ca, -tan/-dan ~ -dān, -lar/-lār* функционировали в азербайджанском языке в качестве словообразовательных и формообразовательных суффиксов.

5. С этого же периода гласные *ä, ö, ü* выступают в качестве фонем азербайджанского языка.

ОНОМАСТИКА

К. А. МИЗИЕВ

О ТОПОНИМИИ БАЛКАРИИ

В последние годы ведутся активные исследования в области топонимии Кабардино-Балкарии. Работы Дж. Н. Кокова¹, Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева², П. С. Рототаева³ и других ученых дают общее представление о топонимии Кабардино-Балкарии, раскрывают этимологию, семантику, географическое расположение основной части топонимических названий. Эти исследования, как отмечают сами авторы, не претендуют на полноту освещения проблемы, а могут служить базой для проведения дальнейших, более детальных исследований в области топонимии.

В данной статье предлагаются толкования отдельных топонимов в дополнение к «Балкарскому топонимическому словарю» Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева, а также некоторые коррективы к этимологии ряда топонимов.

В топонимии Балкарии сохранились слова, происхождение которых уходит в глубь истории. Анализ некоторых топонимов позволяет проследить их непосредственную связь с древнетюркским языком.

Кочевые тюркские племена последовательно сменяли друг друга на обширной территории от Енисея до Дуная. Язык древних тюрков сохранился не только в письменных памятниках, но и во многих топонимах.

Семантика ряда балкарских топонимов, тюркских по происхождению, в современном балкарском языке не сохранилась. На наш взгляд, это объясняется тремя причинами: 1) развитием и изменениями, происшедшими в самом карачаево-балкарском языке; 2) принадлежностью этих топонимов языку тюркских народов, кочевавших в горах Северного Кавказа; 3) участием в этногенезе балкарцев и карачаевцев тюркоязычных народов (гунны, булгары, половцы, хазары, печенеги и др.).

Рассмотрим некоторые топонимы тюркского происхождения, значения которых в современном карачаево-балкарском языке сильно изменились, либо вообще не сохранились.

Baksan — река, ущелье и город в Кабардино-Балкарии. Предлагались разноречивые толкования для определения значения этого топонима. Согласно дошедшим до нас преданиям, «Баксан возводится к имени

¹ Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.

² Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

³ П. С. Рототаев. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

знаменитого витязя Баксена, прославившегося в глубокой древности»⁴, а также сопоставляется с историческим лицом, князем антов Боксом, который был убит наследником «царя готфского». Как отмечает Дж. Коков, «это сравнение тем более интересно, что Бокс, по историческим известиям, был умерщвлен наследником „царя готфского“». А согласно преданию, повторяем: Баксан „убит готфским царем“»⁵. Думается, Ш. Ногмов, учитывая обстоятельства смерти князя Бокса, счел возможным сопоставить Бокса с Баксиеном. Записывая предания, Ш. Ногмов мог связать имеющиеся сведения об убийстве князя Бокса наследником «царя готфского» с фольклорной темой, изменив при этом действующее лицо.

К. Ф. Ган объясняет происхождение гидронима *Baksan* из черкесского *bahe* ‘пар’ и *sape* ‘вино’; *Bahsen* ‘пенеющаяся вода’⁶. Вслед за К. Ф. Ганом это повторяют М. С. Боднарский⁷ и П. С. Рототаев⁸. Считая все предыдущие толкования ошибочными, В. А. Никонов делает предположение, что это название имеет иранское происхождение⁹, а А. В. Суперанская, связывая гидроним *Baksan* с названиями поселений в Крыму *Baksy* и *Baksan*, предлагает этимологизировать его по имени собственному Бака-Асан-Хаджи¹⁰.

Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев пишут: «Балкарцы название реки употребляют в формах *Baksan* и *Bashan*»¹¹. Добавим, что подавляющее число балкарцев употребляет название реки в форме *Bashan*, а в литературе за последние годы оно приняло форму *Bahsan*.

Никто из вышеуказанных авторов не пытался сопоставить название реки *Bashan* с множеством топонимов с гидронимичным элементом *han*. Но элемент *han* с различными фонетическими вариантами *kan*, *kam*, *kem*, *hom*, *gan*, *gon*, *gun* и другими имеется в названиях рек на всем протяжении от Дальнего Востока до Западной Европы. «Древность этого термина несомненна, — пишет Э. М. Мурзаев, — что подтверждается авестийским *han*, *hon* ‘колодец’, ‘источник’»¹². Этот же термин в форме *kan* встречается в древнетюркских (орхонских) надписях¹³. Э. М. Мурзаев этот элемент в названиях рек выводит из индоевропейских языков. Аналогичного мнения придерживался и А. П. Дульзон¹⁴. В. И. Абаев показал широкое развитие значений глагольной основы *kan* в иранских языках: ‘рыть’, ‘копать’, ‘насыпать’, ‘наполнять’, ‘источник’, ‘колодец’, ‘бассейн’.

Не вдаваясь в существо дискуссии о происхождении элемента *kan*, *han*, можно с уверенностью утверждать одно: это слово, имевшее в далеком прошлом нарицательное значение «вода», «река», «источник» и т. д., является убедительным показателем взаимодействия древних тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и индоевропейских языков, оно дошло до нас в одних языках в переосмысленном виде, в других — сохра-

⁴ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 43.

⁵ Дж. Н. Коков. Указ. раб., стр. 111.

⁶ К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 40. Тифлис, 1909, стр. 21.

⁷ М. С. Боднарский. Словарь географических названий. М., 1954, стр. 35.

⁸ П. С. Рототаев. Указ. раб., стр. 27.

⁹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 40.

¹⁰ А. В. Суперанская. Тезисы доклада «Топонимический словарь Крымской области». — В кн.: «IV Республиканская анимистична конференция (тези)». Киев, 1969, стр. 147.

¹¹ Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев. Указ. словарь, стр. 37.

¹² Э. М. Мурзаев. Центральноазиатские топонимические миниатюры. — В кн.: «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964, стр. 5.

¹³ С. Г. Кляшторный. Кангуйская этнонимика в орхонских текстах. — «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 62.

¹⁴ А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — В кн.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 9.

нив свое первоначальное семантическое значение, а в третьих и вовсе исчезло из словарного состава, оставшись топонимической единицей.

В древнеиндийском языке *kan* означает «вода», в уйгурском *kan* — «источник», в корейском — «река», в тувинском *hem* — «река», в бурятском *ugin* — «вода», «река», *gorhon* — «речка», в китайском *hā* < *hon* — «река» и т. д. В тунгусских языках *kan* означает «ручей», «приток»¹⁵.

Географический термин *kan*, *han* и т. д. распространен довольно широко: *Gaŋ* в Индии, *Huanhā* в Китае, *Oghon* в Монголии, а также множество рек на территории Советского Союза — *Maĵtakan* в Хабаровском крае, *Urkan* в Амурской области, *Gonam* в Якутии, *Ubaġan* в Кустанайской области, *Zaksy-Kon*, *Gersankan*, *Baskan* в Казахстане и др.

Наличие термина *kan*, *han* и т. д. в топонимии Северного Кавказа несомненно, и это подтверждается множеством примеров, причем эти примеры показывают, что указанный термин во многом повторяет дальневосточные варианты и, видимо, их происхождение связано с продвижением тюркских кочевых племен по направлению от востока к западу. Более поздними заимствованиями являются, на наш взгляд, гидронимы, включающие в себя комплекс *kan*, *kon*.

В один ряд с гидронимами на *kan*, *han* и т. д. мы ставим названия рек в Карачаево-Черкесии *Bežgon*, *Gonaqyzy*, *Gonačhyr*, *Gondaraj* (не заключено ли в этом названии и другое слово, обозначающее реку — «дарья»?), а также рек *Kam*, *Ullu Kam*, *Lesken*, *Bashan* в Кабардино-Балкарии. Сюда же, правда с оговорками, можно отнести и реку *Segem* с возможным членением его на *sek+kem* «пограничная река».

Подобные сопоставления с названиями рек ряда ареалов Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока позволяют сделать вывод о том, что название реки *Baksan/Bashan* этимологически однотипно с вышеуказанными гидронимами.

В семантическом же плане *Bashan* мы сопоставляем с названиями реки и ущелья *Bashan* в Казахстане¹⁶ и предлагаем переводить его как *bas* (в балкарском *baš*, но в диалектах встречается и *bas*) «главный», «большой» + *han* «приток», «река». Отсюда *Baksan/Bashan* «главный приток», «большая река». Первое значение, на наш взгляд, больше соответствует географическому положению этой реки. Как известно, *Baksan* является основным притоком реки Малки.

Это положение подтверждается и историческими документами. В персидских летописях XIV века говорится о том, как Тимур дошел до горы Эльбрус, затем, решив идти походом на Пулада, по дороге «один день простоял в местности Балкан»¹⁷. Этот топоним может быть сопоставлен с двумя современными названиями в Кабардино-Балкарии: *Bashan* и *Balkar*.

Сравнивая название *Bashan* с указанным топонимом *Balkan*, мы исходим из факта обитания некогда на этой территории болгар. Известно, что болгары жили на Северном Кавказе, поэтому не исключено, что этот топоним сохранился со времени болгар, в языке которых отмечается звуковое изменение *l/š*, являющееся болгаро-чувашизмом, то есть соответствием общетюркскому *š* буквы *l* в болгарском языке. Тогда *Balkan* > *Baškan* или *Baskan*. Переход *š/s* в кыпчакских языках,

¹⁵ Н. Я. Марр. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории. — «Известия АН СССР», 1926, стр. 353.

¹⁶ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 58.

¹⁷ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. II. М.—Л., 1941, стр. 122.

как известно, — закономерное явление. Его можно наблюдать и в тюркских рунических памятниках¹⁸.

Bedik — пастбище на берегу р. Чегем за селением Нижний Чегем, а также название населенного пункта и совхоза. В «Балкарском топонимическом словаре» это название не переводится. На наш взгляд, *Bedik* семантически связан с целым рядом оронимов в Тувинской АССР: города *Ak-Bedik*, *Bedik-Sat*, *Tarbagannig-Bedik*, *Ak-Bedik-Dag*¹⁹ и другие, где значение слова *bedik* соответствует древнетюркскому «высокий», «высота», «возвышенность», «гора». В балкарском языке слово *bedik* употребляется как *bijik* «высокий», «возвышенный», отсюда *bijiklik* «высота». Например, *Adaj bijiklikleri* «Адайские высоты», «Адайская возвышенность».

Переход *d > j*, вполне закономерный для карачаево-балкарского языка (см.: древнетюрк. *adaq*²⁰, кар.-балк. *ajaq* «нога»), как видим, в балкарской топонимии не наблюдается, что лишний раз указывает на разнородность тюркских народов, участвовавших в этногенезе балкарцев и карачаевцев.

Надо заметить, что *Bedik* не единственный топоним, дошедший до нас в столь древнем виде. В Карачае находится озеро *Badukköl*²¹, название которого можно семантически сопоставить как с приведенным нами значением *bedik* «высокий», «высокогорное озеро», так и с другим значением *bazyq* «крупный», «большой», «большое озеро».

Bitikle — местность на берегу р. Жылги, притока Чегема в районе старинного балкарского аула Верхний Чегем. В «Балкарском топонимическом словаре» Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев это название переводят как «укрепления»²². На наш взгляд, это объяснение не совсем убедительно. Вероятно, семантику этого топонима может раскрыть более древний слой балкарского языка. В древнетюркском языке *bitig* означает: 1) «книга», «надпись», «документ»; 2) «амулет»²³. Следует заметить, что это очень древнее слово сохранилось лишь в языке турецкого племени юрюков²⁴ и караимов²⁵, исчезнув из словарного состава почти всех тюркских народов. Казалось бы, какая связь может существовать между древнетюркским *bitig* и названием местности на Чегеме? Обратимся к работе Г. Ю. Клапрота, который во время своего путешествия по Кавказу писал: «*И. Улу-Эльт (Уллу Эль)* — в высоких горах у Чегема. В этой деревне находится старая церковь, длиной всего в три сажени, на скале, в которой проделан змеевидный ход, оборудованный по обе стороны железными перилами. Там сохранились остатки книг, из которых Паллас получил несколько страниц, доставленных оттуда под угрозой большой опасности. Первым из этих страниц был листок из Евангелия на древнегреческом языке, а другие — из греческих церковных книг»²⁶.

Факты, указывающие на то, что балкарцы исповедовали христианство, приводятся и в другой работе: «В 1207 году грузинская царица Та-

¹⁸ Э. Р. Тенишев. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 289.

¹⁹ «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Тувинской АССР». М., 1971, стр. 25.

²⁰ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 8.

²¹ М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 83.

²² Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев. Указ. словарь, стр. 46.

²³ «Древнетюркский словарь», стр. 103.

²⁴ М. Tsakyroglous. Die Jürükten. — «Das Ausland», 1891, № 19, стр. 367.

²⁵ «Караимско-русско-польский словарь». М., 1975, стр. 123.

²⁶ Г. Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. — В кн.: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв». Нальчик, 1974, стр. 255.

мара, покорившая осетин и другие кавказские народы, подвергла той же участи и балсаран (то есть балкарцев). Она повсюду ввела христианство, некоторые остатки которого сохранились до сих пор у этих татар вкупе с древними церквями в их горах»²⁷.

Таким образом, можно проследить прямую связь между существованием в этих местах христианства и церковью на берегу Чегема, в которой еще сохранились остатки церковных книг. Это подтверждают и сведения, полученные от местных жителей. Зная о хранящихся в церкви священных книгах, люди, видимо, и дали название местности. А о том, что она считалась священной, достаточно ясно говорят слова Г. Ю. Клаппота о страницах, «доставленных оттуда под угрозой большой опасности».

«Недалеко от села (Верхнего Чегема. — К. М.), вверх по скале, в местности Bitikli тянется искусственно пробитая тропа, над которой видна надпись на неизвестном языке. Говорят, что такие надписи встречаются еще в этих местах»²⁸. Таким образом, Bitikle можно перевести и как 'надписи'. Кстати, топонимы с таким значением встречаются и в Бурятии, и в Казахстане, и в других местах.

Переход звонкого *g* в глухой *k* вполне объясним; к тому же в карымском языке, очень близком к современному балкарскому, слово bitig читается также bitik. *La/le* — аффикс множественного числа. Мы считаем, что слово bitikle 'священные книги', 'письмена', 'надписи' указывает на местность, где в свое время оставило след существовавшее здесь христианство. Приходится только сожалеть, что никаких шагов к проведению археологических раскопок в районе предполагаемой церкви не проводится, хотя они, думается, могли бы пролить свет на некоторые вопросы истории и истории языка балкарцев.

Zylgy — левый приток Чегема у селения Эльтюбю. Это название по непонятным причинам вообще не попало в «Балкарский топонимический словарь». Оно, несомненно, связано с целым рядом топонимов Средней Азии и Сибири: «*Джилга* из тюрк. — овраг, балка, ложбинка; в Казахстане — *жилга*, *жылга* — ручей, речка в овраге»²⁹. В Бурятии имеются речки с тем же названием *Irga*, «что производят от якутских слов *ыл-гын* — „мизинец“ или *элгэ* (вернее, *элгээм*) „голубая речка с высокими крутыми берегами“»³⁰. Сюда же относится название речки в Балкарском ущелье, произносимое с присущим малкарскому диалекту фонетическим изменением — *zylgy suu*.

Карсагај — гора и теснина близ Верхнего Чегема. Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев возводят этот топоним к этнониму кыпчак³¹. Несостоятельность этого толкования, думается, подтверждается обилием подобных названий, встречающихся в Средней Азии, Восточной Сибири и Дагестане. Они производятся с небольшими фонетическими изменениями и означают «теснина», «ущелье». В тюркских языках *karsagaj*, в монгольском и бурятском языках — *habsagaj*³².

Что же касается топонима *Карсагај*, то думается, что к сегодняшнему дню наиболее убедительным является мнение Е. Койчубаева: «Тюрк. *кап* „каньон“, „узкая щель“ + афф. *-чоғ* и уменьшительный аф-

²⁷ И. Ф. Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа, I. — Там же, стр. 429.

²⁸ М. И. Ермоленко. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928, стр. 55.

²⁹ Э. М. Мурзаев. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 73.

³⁰ М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969, стр. 38.

³¹ Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев. Указ. словарь, стр. 84.

³² М. Н. Мельхеев. Указ. раб., стр. 39, 98, 106.

фикс *-тай* относится к узким течениям реки»³³. В балкарском же названии *Қарҕагај тау* — *taγ* 'теснина' является наслоением, очевидно, позднего периода, когда значение кар 'каньон' в карачаево-балкарском языке уже не сохранилось.

Minj-tau — высочайшая вершина Кавказа — Эльбрус имеет свыше десятка названий. Грузины называют его *Jal-buzi*, кабардинцы *Ošamaḥo*, а коренные жители Приэльбрусья — балкарцы и карачаевцы именуют его *Minj-tau*.

Предлагались различные варианты истолкования этого топонима. Среди них *Min-tau* 'тысячная гора', *Minjč-tau* 'седловинная гора' и др. Если допустить первое толкование, то трудно объяснить появление протетического *i*, тем более, что ударение в названии горы падает именно на этот слог — *Minj-tau*.

Почти во всех тюркских топонимах, в составе которых имеются количественные числительные, ударение падает именно на них. Приведем ряд топонимов, встречающихся в Средней Азии: *Minbulak*, *Minkuŝ*, *Min-teke*, *Žety-Oguz*, *Alty-Kuduk*³⁴. Данные топонимии показывают, что количественные числительные являются наиболее устойчивыми компонентами сложных топонимов.

Не убеждает и второе толкование значения этого топонима. В языке балкарцев и карачаевцев издавна и широко употребляется слово *ijer*, обозначающее «седло», поэтому вряд ли была нужда в создании нового слова, выражающего это же значение. Нам кажется, что это слово связано с топонимом чисто внешне (Эльбрус похож на седло) и является одним из вариантов народной этимологии.

Значение данного топонима, думается, следует искать в древнетюркском языке. В ономастике встречаются фонетические инварианты древнетюркского слова *minj*, *теңй*, *теңу*, *туңу*. Имеется оно и в работах Рашидаддина³⁵. Судя по всему, именем этим называли людей знатного происхождения, каганов. Таковыми и были *Meңu-kaap*, *Meңu-Timur*, упоминающиеся в летописях. В переводе с древнетюркского языка первое значение *теңй* 'вечный'³⁶. Само имя кагана должно было выражать его величие и незыблемость занимаемого им трона. Это значение слова *теңй* не может, конечно, соответствовать карачаево-балкарскому *minj*, то есть *Minj-tau* 'вечная гора'. К тому же в топонимах (например, в монгольских) довольно часто встречаются «восхваляющие эпитеты, что можно объяснить, с одной стороны, культом гор, влиянием ламаизма, а с другой — естественным желанием видеть прекрасное в окружающем мире, любовью к Родине, ее просторам и богатствам»³⁷. Здесь же можно привести монгольский топоним *munh* 'вечный' — *Munh-Najran*.

Довольно интересным и наиболее близким к подлинному значению топонима *Minj-tau*, на наш взгляд, является второе значение слова *теңу*, а именно: «радость», «счастье». Горы с такими названиями часто встречаются в Средней Азии и Монголии. Например, гора *Žargalan* 'блаженство', 'счастье', 'радость' в Западной Монголии, *Žyrgalan* с тем же значением в Киргизии и др. Как мы указывали выше, кабардинцы называют Эльбрус «Горой счастья» — *Ošamaḥo*. Древнетюркское значение бал-

³³ Е. Койчубаев. Указ. словарь, стр. 118.

³⁴ Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, стр. 225.

³⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. II. М.—Л., 1960.

³⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 342.

³⁷ Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики, стр. 239.

карского топонима *Miŋi-tau* также несет эту смысловую нагрузку. Балкарцы и карачаевцы — коренные обитатели Приэльбрусья. Кабардинцы их близкие соседи, и взаимопроникновение языковых элементов у этих народов длится на протяжении всего исторического процесса их общения. Думается, что кабардинское название Эльбруса — *Ošhamaho*, это прямая калька с древнетюркского значения балкарского топонима *Miŋi-tau* 'гора счастья'. Подобное явление довольно часто встречается в топонимии: *Beštau* — 'Пятигорск', *Aq-suu* — 'Белая речка', *Aju-dag* — 'Медведь-гора' и др. Слово же *miŋi* с течением времени вышло из употребления в балкарском языке, закрепившись в нем лишь в форме топонима.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. А. СОКОЛОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИИ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Система средств выражения чужой речи как в общелингвистической литературе, так и — применительно к тюркским языкам — в специальной тюркологической литературе освещена довольно полно. Обычно даже в нормативных грамматиках подробно излагаются правила построения косвенной и прямой речи, косвенных вопросов, в лексикологических исследованиях всесторонне рассматриваются значения и функции глаголов речи, в синтаксических исследованиях — особенность конструкций, центром которых являются глаголы речи и т. д. Однако все еще недостаточно раскрыты и даже спорными представляются такие вопросы, как точное определение соотношения сферы выражения чужой речи и синтаксической системы языка вообще, статуса разновидностей чужой речи в грамматической системе языка. Наблюдаются различные подходы к трактовке вопроса о соотношении так называемых «предложений с прямой речью» и различных типов сложноподчиненных и бессоюзных сложных предложений. В тюркологической литературе почти не рассматривалась несобственно-прямая речь. Наконец, некоторые периферийные, но довольно своеобразные и интересные участки системы средств и разновидностей выражения чужой речи до последнего времени оставались вне поля зрения исследователей. Однако следует иметь в виду, что отдельные случаи употребления и функционирования чужой, в частности, прямой речи, кажущиеся иногда особыми и носящими характер исключений и феноменов, в конечном счете оказываются глубокими проявлениями типологических особенностей тюркских языков. Система синтаксических средств выражения чужой речи, являясь естественной частью синтаксического строя языка, несет вместе с тем на себе отпечаток своеобразия, обусловленного специфичностью ее коммуникативного назначения.

В системе выражения чужой речи, которая понимается как высказывание или мысль другого лица или самого говорящего, введенные в авторское повествование¹, выделяются обычно прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, хотя такой перечень разновидностей или вариантов чужой речи не признается многими исследователями исчерпывающим или даже достаточным. Современные исследователи отмечают недостаточность и несовершенство учения А. М. Пешковского о трех «шабло-

¹ «Грамматика русского языка». Том II — Синтаксис, часть вторая. М., 1954, стр. 404.

нах» чужой речи: прямом, косвенном и несобственно-прямом². Среди лингвистов нет также единого мнения о месте прямой речи в грамматической системе языка. Одни из них считают, что это — глубоко своеобразное явление, имеющее свои особенности и закономерности (А. И. Зарецкий, Р. А. Будагов)³, другие не только отказывают предложению с прямой речью в грамматической специфике, но и вообще отрицают наличие грамматической связи между его компонентами — прямой речью и авторскими словами (И. К. Кучеренко). Очевидно, конструкции с прямой речью обладают своей синтаксической спецификой, характеризующейся большей самостоятельностью компонентов (прямая речь и слова автора) по сравнению, например, с обычными сложными предложениями. Кроме того, они отличаются большей экспрессивностью по сравнению с конструкциями, не включающими в себя прямую речь.

Организирующим центром в конструкциях с прямой речью являются глаголы речи⁴ и мысли (для разновидности прямой речи — внутренней речи). Глубокое и всестороннее исследование семантики глаголов речи в тюркских языках дано в статье Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой «Глаголы речи в тюркских языках»⁵.

В русском языке конструкции с прямой речью могут синтаксически представлять собой простое предложение, сложное предложение, сложное синтаксическое целое. Сложное предложение с прямой речью характеризуется следующими основными признаками: оно состоит из двух частей, передающих высказывание различных лиц, — вводящего предложения автора-рассказчика и предложения прямой речи, ведущейся от лица, чья речь передается; оно является бессоюзным сложным предложением с подвижной вводящей частью, порядок слов которого изменяется в зависимости от положения ее; предложение, вводящее прямую речь, имеет в своем составе глагол или имя говорения или мысли, а также заменяющие их слова⁶. В. И. Кодухов указывает, что в тех случаях, когда авторское предложение и предложение прямой речи объединяются в сложное предложение, возникает особое бессоюзное сложное предложение, называемое предложением с прямой речью⁷.

В турецком языке «сложные предложения с прямой речью» могут строиться асиндетически, а также при помощи вводящего союза *ki*⁸. В первом случае слова автора, в том числе глагол речи, либо находятся в препозиции по отношению к самой прямой речи, либо глагол речи отрывается от остальных слов автора и переходит в интерпозицию или постпозицию по отношению к прямой речи. Другим принципиально отличным вариантом является также асиндетическое построение, при котором подлежащее и сказуемое предложения, выражающего мысль автора, инвертируются, находясь в интерпозиции или постпозиции по отношению к прямой речи. При вводящем союзе *ki* прямая речь следует всегда за словами автора. Прямая речь может соединяться с авторскими слова-

² См., например: Г. М. Чумаков. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975, стр. 11.

³ А. И. Зарецкий. Что такое прямая и косвенная речь? — «Труды Воронежского университета», т. 59, 1957, стр. 65; Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 311.

⁴ М. К. Милых. Конструкции с прямой речью в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1962, стр. 22—23.

⁵ «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 322—460.

⁶ См.: В. И. Кодухов. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л., 1957, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1093.

ми при помощи слова *diye* — деепричастной формы глагола речи *de-*, которая в функции служебного или полуслужебного слова непосредственно следует за прямой речью. При таком построении прямая речь предшествует комплексу *diye* + глагол в финитной форме; остальная часть авторских слов ставится в начале предложения. Прямая речь может включаться при помощи слова, раскрывающего содержание прямой речи, с аффиксом принадлежности третьего лица и последующим падежным аффиксом, соответствующим управляющему глаголу определенной семантики. Наиболее типичен в турецком языке способ асиндетического построения сложных предложений с прямой речью, когда слова автора и в том числе глагол речи находятся в препозиции по отношению к самой прямой речи, или же глагол речи отрывается от остальных авторских слов и переходит в интерпозицию или постпозицию по отношению к прямой речи.

При асиндетическом соединении авторских слов и прямой речи может наблюдаться инверсия подлежащего в части, выражающей слова автора и находящейся в интерпозиции или в постпозиции по отношению к прямой речи: *Eski atletlerden bir şura kurduk klüpte, dedi Naci* (Н. Танер. *Piliç makinası*) «Мы создали в клубе совет из бывших атлетов», — сказал Наджи»; *Başka bir gün: — Seninle Avrupaya kadar bir uzanalım, demişti karısına* (М. Cevdet Anday. *Aylaklar*) «Как-то в другой раз он сказал жене: «Давай-ка с тобой совершим путешествие в Европу!»».

Такая конструкция возможна и со словом *diye*: *Onu da bize bırakmalar bari, diye giriş yaptı Seyfi* (Н. Танер. *Piliç makinası*) «Хоть бы и это предоставили нам!» — начал Сейфи».

Возможно построение предложения с прямой речью без глагола *de* или его словоформы *diye* с препозицией слов автора:

Soruyorum: — Kaç yaşındasın sen? Abeysi cevaplıyor: — On iki (О. Kemal. *Boyası*) «Спрашиваю: «Тебе сколько лет?» Его старший брат отвечает: «Двенадцать»»; *Sonra hepinize bakarak ilâve etti: «Açın bakalım, sizlere ne bırakmış?»* (Н. Ziya Uşaklıgil. *Altın nine*) «Затем, посмотрев на всех нас, он сказал: «Ну, разверните, посмотрим, что она оставила вам в наследство?!»».

В некоторых случаях в той части сложного предложения с прямой речью, которая выражает слова автора, вовсе отсутствует глагол речи: *Sonunda, kuşkuyla başını kaldırdı: «Beş lira eksik»* (О. Hançerlioğlu. *Oyun*) «Наконец, он в недоумении поднял голову, сказал: «Пять лир не хватает»»; *Nasip, yeniden alevlendi: «Hay o müdürüm boynu altında kalsın, dertsiz gün görmesin inşallah»* (О. Hançerlioğlu. *Oyun*) «Насип снова разгорячился: «Чтоб этому начальнику было неладно, чтоб не видать ему радостных дней!..»».

Прямая речь может включаться также посредством аффикса принадлежности 3-го лица и падежного аффикса, которым управляет глагол определенной семантики⁹. При этом авторские слова подразделяются на две части: первая часть, включающая все члены предложения, кроме сказуемого, открывает сложное предложение с прямой речью, далее следует прямая речь, после которой стоит слово определенной семантики с аффиксом принадлежности 3-го лица и падежным аффиксом, затем — управляющий глагол-сказуемое: *Fenerbahçe kulübünde top oynayan çocuklara mı varacaksın? cevabını alıyordu* (Ö. Seyfeddin. *Antiseptik*) «Она слышала в ответ: «А ты что, собираешься выйти замуж за одного из тех юнцов, которые играют в мяч в клубе „Фенарбахче“?»»; *Büyük baba:*

⁹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., § 1094.

«*Çocuklar buraya gelsinler...*» *emrini verdi* (Н. Ziya Uşaklıgil. Altın nine) 'Дедушка приказал: «Пусть дети придут сюда!»'.

Наконец, несколько более ограниченным синтаксическим способом построения сложных предложений с прямой речью является употребление союза *ki* после глагола речи при обязательной препозиции слов автора: *Namık dedi ki: «Bende tılsımlı bir su var...»* (Ö. Seyfeddin. Antiseptik) 'Намык сказал: «У меня есть волшебная вода...»; *Yanımda bir ses bana dedi ki: «Bu kadar haşin gördüğün bu at, şimdi bak, şeyhin altında ne kadar sakın ve muti olacak!»* (Y. Kadri Karaosmanoğlu. Bir serencam) 'Кто-то возле меня произнес, обращаясь ко мне: «Вот посмотри, сейчас этот неукротимый конь, когда на него сядет шейх, станет таким кротким и послушным»'.

Гибкой структурой обладают бессоюзные сложные предложения, одна часть которых содержит опорный глагол *de-*, а вторая передает прямую высказанную или невысказанную внутреннюю речь. В равной мере здесь возможны препозиция, интерпозиция и постпозиция предложения, сказуемое которого выражено формами глагола *de-*: *Dedim ya, burada çok çabuk ahbap olunuyor* (N. Hikmet. Yeşil elmalar) 'Я ведь уже сказал, что здесь очень быстро становятся друзьями'; *Genç aktris — Ustat yeni tiyatroya geldikten sonra çok eski aktörleri, rejisörleri filân kovmuş diyorlar* (N. Hikmet. Her şeye rağmen) 'Молоденькая актриса — Говорят, (что) маэстро, когда он пришел в театр, выгнал многих старых актеров и режиссеров'; *Daha demin dünyada bir insan hiçbir şey yapamaz diyordun, şimdi dünyada pek az insanın yapabileceği hafifliklere kalkışıyor-sun* (S. Ali. İçimizdeki şeytan) 'Только что ты говорил, что один человек в этом мире ничего не может сделать, а сейчас пытаешься совершить легкомысленные поступки, которые только очень немногие могут совершить'; *Ben beklemek kadar kötü bir şey yoktur diyorum dünyada* (F. Baykurt. Efkâr tepesi) 'Я говорю, что на свете нет ничего хуже, чем ожидание'.

Аналогичным способом строятся сложные предложения типа: *Niye geldimdi unuttum* (H. Taner. Keşanlı Ali destanı) 'Я забыл, зачем я пришел', где во втором компоненте вместо глагола речи употребляется глагол, по своей семантике означающий «раскрытие того или иного содержания». Ср. еще: *Mebuslardan biri önerge vermiş okumadın mı?* (H. Taner. Keşanlı Ali destanı) 'Один депутат внес предложение, разве ты не читал?'; ... *çiftçilerle konuştum. Nasıl ekip kaldırıyorlar nasıl çalışıyorlar, sordum* (F. Baykurt. Efkâr tepesi) '... Я разговаривал с земледельцами. Спросил, как они сеют и собирают урожай, как работают'.

Однотипными по построению являются сложные предложения с опорными глаголами: *san-, zannet-, belle-, addet-, telâkki et-* (с общим значением 'думать', 'полагать', 'считать')¹⁰.

В ряде случаев наблюдается стирание граней между прямой и косвенной речью, что выражается и графически: *Bu gece gelecek diyor*¹¹ 'Он говорит, что придет сегодня ночью'. *Bunu duyunca arkadaşları kaba-*

¹⁰ О конструкциях с глаголами мысли см.: K. Grönbech. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936, стр. 178—179; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 1040—1044; *его же*. О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», XXII. М., 1966, стр. 13—18; *его же*. Türkçede birleşik cümle problemi. — «VIII. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1957'den» (ayrı basım). Ankara, 1960, стр. 176—179; *его же*. О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 11—12.

¹¹ Muharrem Ergin. Türk dil bilgisi. İstanbul, 1962, стр. 384.

*hat senindir dediler*¹² 'Услышав об этом, его товарищи сказали, что это, мол, твоя вина'.

Иногда связь с исходной функцией прямой речи — процессом, актом говорения становится иллюзорной или даже фиктивной. Несомненно, что во многих случаях, когда употребляется глагол *de-*, конкретный акт речи не имеет места и даже заведомо не предполагается. Так, например, в предложении: *Son sözü bu oldu dersin* (H. Taner. Keşanlı Ali destanı) 'Ты скажешь, что это было его последнее слово' совсем не предполагает произнесение указанных слов собеседником, а имеется в виду лишь соответствующая мысль: «Ты подумаешь (мысленно скажешь), что это его последнее слово». Еще большая удаленность от исходного значения глагола «говорить», то есть еще более значительная абстрагированность его функционально-семантического модуса наблюдается в следующем примере: *Yorgunluk ta kendini iyiden iyiye hissettiriyordu. Oturayım dedim* (O. Veli. Kan.) 'Усталость также порядочно давала о себе знать. Я решил сесть'. Здесь не только не подразумевается реальный речевой акт, но и мысленная репрезентация представляется чисто условным синтаксическим приемом описания. Подобное явление мы наблюдаем и в нижеследующем отрывке:

— *Dayanabilir misin?*

— *Hanım evlâdı değilim ya!*

— *Bilmem. Hürşit efendi bizi cehennemın göbeğine attı deme sonra da...* (O. Kemal. Eskiçi dükkânı).

— А ты выдержишь?

— Я же не маменькин сынок!

— Не знаю. Только потом не пеняй, что Хуршит эфенди бросил вас (дескать, бросил вас) в самое пекло'.

Значение мотивации действия и внутреннего решения наиболее четко прослеживается в сочетании глагола *de-* с формами повелительного и желательного наклонений других глаголов: *Biz de burada erisin diyoruz* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Мы здесь желаем, чтобы он (смер) растаял'; *Bire kaç aldıklarını öğreneyim dedim* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Я решил узнать, во сколько раз урожай у них больше посеянных семян'. *Yenenler, yenilenlerin keselerini dışarı çıkarttılar. Aktarıp indirerek, yanımızda kendimiz götürelim dedik* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Победители заставили побежденных вынуть их мешочки. Мы решили взять их с собой, перекладывая при пересадках'; *Bir cip mîp bulayım diyeceksin, ücretler burarlarda tam «Kalkınma» marka* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Ты вздумаешь найти машину, плата за нее точно в духе «подъема»'.

Следует обратить внимание на отсутствие внутри последней реплики знаков препинания, характерных для прямой речи. Ощущение контекста и ситуации ориентирует при переводе на косвенную передачу речи, что является не столько переводческим приемом, сколько выражением определенных внутренних закономерностей.

В следующих примерах при наличии прямой речи в структурном отношении смысл высказывания ориентируется в большей мере на косвенную передачу: *Dördü yalan dördü de gerçek olsa gene çok diyoruz biz de* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Пусть четыре из них выдуманы, а четыре действительно имели место, все равно мы считаем, что это много'; *Şimdi, okşanmalarını bırakın doğru dürüst haklarını bile alamıyan insanların çalışmaları gene de verimli olur diyebilecek miyiz?* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Ну ладно, оставим пока в стороне поощрения, разве можно утверждать,

¹² Muharrem Frgin. Указ. раб., стр. 384.

что плодотворным будет труд людей, не получающих за него даже справедливого вознаграждения'; *Bir gün beni de çevirirler mi dersin?* (N. Hikmet. Sabahattin Ali üstüne) 'Ты скажешь (здесь: ты думаешь), что они когда-нибудь переведут и мои произведения'; *Fakat üzerinde Fransız edebiyatının büyük bir tesiri olmuştur denemez* (N. Hikmet. Sabahattin Ali üstüne) 'Невозможно утверждать, что на него оказала большое влияние французская литература'.

Собственно прямая речь в ее непосредственном функциональном назначении имеет в турецком языке эксплицитное, правда не всегда последовательное, графическое выражение: сама прямая речь выделяется с обеих сторон кавычками (иногда тире и кавычками); после авторских слов, если они вынесены вперед, ставится двоеточие; в диалогах художественных произведений при отсутствии авторских слов вместо обрамления прямой речи кавычками перед ней ставится тире; слова автора, если они находятся в постпозиции или интерпозиции по отношению к прямой речи, отделяются от нее запятой¹³. В отличие от вышеуказанных случаев, конструкции прямой речи в непрямом функционально-стилистическом использовании не получают систематического типизированного графического оформления. Как правило, в этом последнем случае «прямая речь» совершенно не отделяется пунктуационно от «слов автора»¹⁴. Таким образом, в письменном языке различие в графическом — пунктуационном оформлении указанных конструкций в собственном и несобственном функциональных назначениях является релевантным. В результате возникает двойственность статуса конструкций второго типа: внешне они оформлены (структурно, но не графически) как прямая речь, а в функциональном и коммуникативном отношениях выступают не как прямая речь, а как специальное синтаксическое средство выражения отношений причины, следствия, цели и т. д., то есть мотивации в широком контексте.

Наконец, наибольшей степенью удаленности и абстрагированности конструкций, формально однотипных с прямой речью, от ее непосредственного функционального назначения, характеризуются конструкции с деепричастной формой *diye* от глагола речи *de-* в служебном использовании¹⁵.

Аналогичное переносное значение глагола *de-* наблюдается в деепричастной форме *derken*: *Yanından sıyrılalım derken istemiye bir tarafına çarparım* (O. Veli. Denize doğru) 'Пытаясь от него отстраниться, я сам, того не желая, задеваю его'.

Столь же далеко от исходного значения «говорения» отошли словоформы *der demez*, которые также приобрели служебную функцию: *O buraya geldi der demez yollar kapanıverdi* («Türkçe sözlük». 6. baskı, Ankara, 1974, стр. 211) 'Как только он сюда приехал, тотчас же дороги оказались закрытыми'. Ср. деепричастие на *-meden* от глагола *de-*, полностью утратившее непосредственную связь с речью и получившее временное значение: *Cok şükür Allaha ki, on yıl demeden, memleketimizi Arabistana, radyolarımızı Kahire radyosuna döndürdük* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Благодарение аллаху, не прошло и десяти лет, и мы превратили нашу страну в Аравию, а наши радиостанции в каирские'; *İlle Mart dokuzu gelecek, Mart dokuzu demeden sizin boru açılmaz* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Обязательно наступит девятое марта. Пока не наступит девятое

¹³ См.: *İsmet Gönülal*. Noktalama. Ankara, 1961, стр. 15—17, 89—91, 99—102.

¹⁴ См.: *Muharrem Ergin*. Указ. раб., стр. 384.

¹⁵ К. Grönbech. Указ. раб., стр. 177—178; А. Н. Кононов. О союзном слове *diye* в турецком языке. — Сб. статей «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 137—144; его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 1081—1087.

марта, ваши трубы не оттают'. Ср. также такие переносные фразеологизированные значения глагола *de-*, как: а) *kalkışmak, yeltenmek* 'пытаться, пробовать, стремиться': *Kımlıdanayım deme kurşunu yersin* («Türkçe sözlük». 6. baskı, стр. 210) 'Не пытайся шевелиться, получишь пулю'; *Ağzımı açayım deme çok fena olursun* («Türkçe sözlük». 6. baskı, стр. 210) 'Не пробуй возражать, а то плохо тебе придется'; б) отрицательная форма глагола *de-* в значении «не придавать значения», «не обращать внимания» (*-önem vermemek*): *Yağmur, kar demedi yola çıktı* («Türkçe sözlük». 6. baskı, стр. 210) 'Не обращая внимания на дождь и снег, он отправился в путь'. Соответственно, глагол *de-* столь сильно подвергается метафоризации, что подчас бывает трудно установить связь данного контекстуального словоупотребления с этимологом указанного глагола: *Hayat insanları — genç koca demiyor — okullardan daha iyi eğitiyor anlaşılan* (F. Baykurt. Efkar tepesi) 'Разумеется, жизнь учит людей — безразлично, молодых и старых — лучше (всяких) школ'.

Завершением этого процесса абстрагирования глагола речи *de-*, утраты им непосредственной связи с актом речи — «говорением», приобретения им новых синтаксических функций, связанных с выражением мотивации действия в самом широком контексте, является употребление конструкций с деепричастными формами *diye, derken* и другими, ставшими служебными словами в союзной функции и соединяющими мотивирующий компонент, оформленный как прямая речь, и последующий результирующий компонент¹⁶.

Рассмотренные выше синтаксические конструкции представляют собой сложные предложения, один из компонентов которых в формальном отношении построен по типу прямой речи, но в функционально-коммуникативном отношении по существу таковой не является. Эти конструкции могут рассматриваться в качестве стилистико-синтаксического приема, служащего для передачи экспрессии. Однако, вследствие частотности и распространенности, а также ввиду явного перехода в «новое синтаксическое качество» с новыми синтаксическими функциями, превращения в общеязыковые синтаксические модели, не ограниченные определенными функциональными стилями, эти конструкции выходят за рамки стилистического приема и приобретают типологический характер. Вместе с тем в сфере их употребления перекрещиваются универсально-языковые категории и типологические особенности тюркского синтаксиса. При их углубленной общелингвистической интерпретации следует опираться, очевидно, на концепцию «скрытых» грамматических категорий¹⁷. При этом в системе их функционирования лексико-грамматические категории коррелируются с семантико-синтаксическими¹⁸. Употребление конструкции, структурно однотипной с прямой речью, но не являющейся по существу прямой речью как таковой, естественно, сочетается с абстрагированием глагола речи от его исходного значения.

¹⁶ Ср. деепричастную форму *gen* в других тюркских языках. (П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Часть II, синтаксис. СПб., 1897, стр. 39—40).

¹⁷ См.: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 78—94.

¹⁸ Там же, стр. 214.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

В. Д. АРАКИН

ОБ ОМОНИМАХ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

I

В лексической системе любого языка омонимы занимают свое определенное место.

Исследованием проблемы омонимов ученые занимаются уже много десятилетий, тем не менее единая согласованная точка зрения на различные стороны ее пока еще не выработана.

Одни лингвисты (1, 31—43; 12, 127) относят к омонимам пары слов только различного происхождения, одинаковый звуковой состав которых объясняется причинами исторического характера (фонетическими изменениями, заимствованием, словообразовательными процессами). Это так называемые гетерогенные омонимы.

Другие языковеды (6, 35—92; 7, 84—111) относят к омонимам, кроме названных выше, также лексические пары с тождественным звуковым составом, возникшие вследствие распада некогда единого слова (распад полисемии); это так называемые гомогенные омонимы.

Ряд исследователей языка (5, 12) включает в состав омонимов только такие лексические пары, все словоформы которых взаимно совпадают по своему звуковому составу.

Существует также мнение, что омонимы — это отдельные, совпадающие по своему звуковому составу словоформы в остальном не омонимичных слов (11; 8, 68—76).

Единственно, в чем единодушны исследователи, так это в том, что каждый член омонимической пары имеет свой собственный смысловой стержень, вокруг которого группируются отдельные значения многозначного слова (4, 32), свое особое общее инвариантное значение (2, 73).

Термин «омоним» по самой своей сущности предполагает наличие в словарном составе данного языка по крайней мере двух отдельных лексических единиц, в противном случае он теряет свой реальный смысл.

Таким образом, омонимы — это прежде всего различные слова, различные лексические единицы, имеющие тождественную звуковую структуру (форму). Слово, как особая единица языка, наряду со своей исторически сложившейся звуковой структурой (формой), обладает также исторически сложившейся семантической структурой, причем и то, и другое находятся в диалектическом единстве.

С другой стороны, каждое слово представляет собой систему словоформ и словообразовательных рядов, проявляющихся в связной речи. Это зачастую приводит к тому, что одна или несколько словоформ одного, отнюдь не омонимичного, слова получают звуковую форму, сходную с одной или несколькими словоформами другого слова.

Различие между случаями, когда два или более слова имеют тождественную звуковую структуру (форму) во всех своих словоформах или же только в части их, не носит принципиального характера, поскольку оно не приводит ни к возникновению новых лексических единиц, ни к исчезновению уже существующих.

Наряду со звуковой структурой (формой) слово обладает также и своей исторически сложившейся смысловой структурой, что выражается в потенциальной способности его сочетаться с другими словами в речи. Иначе говоря, каждое слово обладает своей особой валентностью.

В этом легко убедиться на примерах с так называемыми полными омонимами, то есть с двумя словами (лексемами), у которых все словоформы совпадают по своей звуковой структуре. Такие случаи дают основание считать, что здесь выступают не два слова, а одно, с различными, правда, несколько далекими значениями.

Для примера можно взять два турецких слова *kurt* 'волк' и *kurt* 'червяк'. Системы словоформ этих двух существительных полностью совпадают. Смысловая же структура данных слов и, следовательно, их валентность совершенно разные, в чем можно убедиться, проследив их способность: **во-первых**, сочетаться с различными словообразовательными аффиксами: так, от основы *kurt*- 'червяк' образуется производное слово — прилагательное *kurtlu* 'червивый', тогда как от основы *kurt*- 'волк' оно не образуется; **во-вторых**, образовывать сложные слова или устойчивые словосочетания: так, существительное *kurt* 'червяк', сочетаясь с рядом существительных, образует с ними многочисленные названия разновидностей червей и насекомых — *ağaç kurdu* 'древесный червь'; *eşek kurdu* 'мокрица'; *ipek kurdu* 'шелковичный червь'; *yıldız kurdu* 'светляк'; *pembe kurt* 'розовый червь' (вредитель хлопчатника) и т. д.; сочетание же слова *kurt* 'волк' с указанными существительными совершенно невозможно. В свою очередь, слово *kurt* 'волк' образует ряд словосочетаний, невозможных для слова *kurt* 'червяк': *yeleli kurt* 'гривоносный волк (гиена)'; *dişi kurt* 'волчица'; *eski kurt* 'обманщик'; ряд сложных слов — *kurtkapanı* 'волчья яма'; *kurtgidişi* 'легкая рысь (о лошади)'; **в-третьих**, образовывать фразеологические единицы, к числу которых относятся также пословицы типа *kurt kurdu yemez* 'ворон ворону глаз не выклюет', букв. 'волк волка не съест'; *kurdu kulağından tutmak güçtür* 'волка за уши не поймаешь'; *kurttan çoban olmaz* 'из волка не сделаешь пастуха (чабана)'.

Из приведенных примеров явствует, что различие значений, то есть семантический критерий является основным при определении слова как члена омонимической пары. На этот далеко не новый критерий указывают многие языковеды (10, 159; 3, 111). В применении к гетерогенным омонимам он себя полностью оправдал.

В случае гомогенных омонимов один из сложившихся в семантической структуре слова смысловых стержней утрачивает смысловую связь с остальными, что оказывает дифференцирующее влияние на валентность слова. Одним из признаков выделения омонима как результата распада омонимии может быть образование своей особой системы словоформ и словообразовательного ряда; ср. русские слова «лист», множественное число «листья», прилагательное — «лиственный» (например, «лиственный лес») и «лист», множественное число — «листы»; прилагательное — «листовой» (например, «листовое железо»). В качестве другого примера можно взять лексическую пару «ячмень» — злак и «ячмень» — заболевание сальных железок в веке глаз.

Первый омоним имеет свой словообразовательный ряд — «ячменный»; свою сочетаемость — «ячменный хлеб (колос)», «ячменная мука»,

«ячменное поле». Второй омоним словообразовательного ряда не имеет, но имеет свою сочетаемость — «ячмень сел на правый глаз».

Сказанное позволяет определить омоним как слово, обладающее тождественным с другим словом звуковым составом всех или части словоформ и своей особой семантической структурой и валентностью.

Такое понимание омонимов позволяет ограничить явление омонимии только так называемой лексической омонимией, то есть омонимией слов. В данной статье не рассматриваются так называемые омоформы, то есть омонимичные формы **одного и того же слова**, как, например, *odaları* = *odalar-ı* 'его комнаты' и *odaları* = *oda-ları* 'их комната'.

Для классификации омонимов в турецком языке основным критерием может служить критерий тождественности **всех** словоформ данной пары слов, или же только **их части**.

В первом случае при тождестве всех словоформ двух или более слов следует говорить о **классе полных омонимов**¹. Во втором случае при тождественности части словоформ двух или более слов — о **классе частичных омонимов**. Каждый из выделенных классов в свою очередь делится на ряд подклассов, а подклассы на несколько групп, в зависимости от ряда признаков.

Если при тождественности звуковой структуры двух слов (лексем) оказывается сходной и их графическая форма, то такие омонимы составляют подкласс первого класса, который на основании двух признаков — тождественности звуковой структуры и графической формы — может быть назван **подклассом омофонографов**. Этот подкласс представлен наибольшим числом омонимических пар, причем оба члена каждой пары относятся к одной и той же части речи. В зависимости от этого все омонимы данного подкласса делятся на три группы:

а) группа омофонографов — существительных (омофонографы, имеющие обе категории числа):

arda 'жердь'
ardala 'колокольчик (у верблюда)'
arz 'земля'
as 'мирт'
bağ 'сад', 'виноградник'
bahar 'весна'

bar 'род игры'
bel 'поясница', 'талня'
bere 'синяк', 'ушиб'
dağ 'гора'
dal 'ветка'
dalak 'селезенка'
dam 'крыша'
devir 'время, эпоха'
dil 'язык'
don 'платье'
dönüm 'дёнум (мера поверхности)'
ekim 'октябрь'
el 'племя'
han 'хан'
ihtiyar 'старик'
kanun 'закон'

kayın 'деверь', 'шурин'
kaza 'каза' (уезд)
koltuk 'кресло'
koyun 'пазуха'

— *arda* 'потомки', 'семья' (неологизм);
 — *ardala* 'приложение' (неологизм);
 — *arz* 'доклад', 'представление';
 — *as* 'горностай';
 — *bağ* 'связка', 'узел', 'повязка';
 — *bahar* 'пряность', 'ароматическое вещество';
 — *bar* 'бар';
 — *bel* 'лопата, заступ';
 — *bere* 'берет, шапочка';
 — *dağ* 'клеймо';
 — *dal* 'спина';
 — *dalak* 'соты (мёда)';
 — *dam* 'дама (в игральных картах)';
 — *devir* 'круг', 'оборот', 'виток';
 — *dil* 'сердце' (уст.);
 — *don* 'мороз';
 — *dönüm* 'поворот';
 — *ekim* 'посев';
 — *el* 'рука';
 — *han* 'каравансарай';
 — *ihtiyar* 'выбор';
 — *kanun* 'канун' (музыкальный инструмент);
 — *kayın* 'бук';
 — *kaza* 'авария';
 — *koltuk* 'подмышка';
 — *koyun* 'баран, овца';

¹ Полные омонимы были подтверждены лексическим материалом словаря «Türkçe Sözlük». Türk Dil Kurumu Yayınları, № 293. Ankara, 1969, стр. XV, 829.

küre 'шар', 'глобус'	— küre 'доменная печь';
mal 'имущество'	— mal 'скот';
manda 'мандат'	— manda 'буйвол';
mil 'милля'	— mil 'игла', 'шприц', 'ось';
pusula 'записка'	— pusula 'компас';
sandal 'сандалия'	— sandal 'лодка';
somun 'круглый хлеб'	— somun 'гайка';
şiş 'вертел'	— şiş 'опухоль';
tabaka 'портсигар'	— tabaka 'слой';
tavşan 'заяц'	— tavşan 'резчик по дереву';
top 'пушка'	— top 'шар', 'ядро';
ton 'тон'	— ton 'тонна';
toy 'дрофа'	— toy 'угощение';
yen 'рукав'	— yen 'иена';
zar 'пленка'	— zar 'игральная кость'.

Омофонографы *riğinç* 'рис' и *riğinç* 'латунь' употребляются только в единственном числе.

б) группа омофонографов — глаголов:

hellemek 'заучивать'	— hellemek 'копать лопатой';
bitmek 'кончатся'	— bitmek 'растить';
hakketmek 'вырезать'	— hakketmek 'заслужить (что-либо)';
köklemek 'выкорчевывать'	— köklemek 'стегать'; 'настраиивать (инструмент)';
yenmek 'быть съеденным'	— yenmek 'победить';
yüzmek 'плавать'	— yüzmek 'содрать шкуру'.

в) группа омофонографов — прилагательных:

atasız 'безыменный'	— atasız 'безлошадный';
belli 'имеющий талию'	— belli 'явный', 'очевидный';
dal 'показывающий'	— dal 'голый';
sağ 'живой, здоровый'	— sağ 'правый';
şehri 'городской'	— şehri 'месячный';
yaşlı 'пожилой'	— yaşlı 'в слезах'.

Если же при тождественности звуковой структуры и различий значений двух слов (лексем) наблюдаются различия в их графической форме, то их следует отнести ко второму подклассу первого класса, который может быть назван **подклассом омофонов**. Этим подчеркивается их идентичность только в отношении звуковой структуры.

В подклассе омофонов имеется лишь одна группа — группа омофонов — существительных:

âlem 'знамя, флаг', 'знак'	— âlem 'мир, вселенная';
çek 'чек'	— çek 'чех';
kazak 'свитер'	— Kazak 'казак';
tatar 'гонимец'	— Tatar 'татарин';
yâr 'пропасть, бедна'	— yâr 'друг', 'помощник'.

В этот класс входит значительно меньше омонимических пар, нежели в подкласс омофонографов, но так же, как и в этом последнем, все омонимы относятся к одной и той же части речи.

Классу полных омонимов противостоит обширный и разнообразный по своему составу класс частичных омонимов. К нему относятся омонимические пары, у которых при наличии части сходных по своей звуковой структуре словоформ, имеются также словоформы, отличающиеся друг от друга по своему звуковому составу. Члены таких омонимических пар могут относиться как к одной и той же, так и к различным частям речи.

Омонимы, принадлежащие к одной части речи, составляют **подкласс частичных лексических омонимов** — термин, предложенный А. И. Смирницким и обоснованный им применительно к аналогичному явлению английской омонимии (10, 165).

Подкласс частичных лексических омонимов, в зависимости от характера соотношения членов омонимических пар, делится на две следующие группы.

К первой группе относятся частичные лексические омонимы, члены омонимических пар которых различаются между собой наличием в основе соответствующих омонимов глухих и звонких фонем, например, *atım* 'моя лошадь', *adım* 'мое имя'. Последние в ряде падежей — именительном, исходном и местном — в единственном числе и во всех формах падежей множественного числа реализуются в своих глухих вариантах, например, *attan* 'от лошади' и *attan* 'от имени', вследствие чего основы этих существительных имеют тот же звуковой состав, что и основы с конечной глухой фонемой. К этой подгруппе относятся следующие омонимические пары:

<i>at</i> 'лошадь' (основа <i>at-</i>)	— <i>at</i> 'имя' (основа <i>ad-</i>);
<i>âdet</i> 'обычай' (основа <i>âdet-</i>)	— <i>âdet</i> 'число' (основа <i>aded-</i>);
<i>haç</i> 'крест' (основа <i>haç-</i>)	— <i>haç</i> 'паломничество' (основа <i>hac-</i>);
<i>harp</i> 'арфа' (основа <i>harp-</i>)	— <i>harp</i> 'война' (основа <i>harb-</i>);
<i>kar</i> 'плащ' (основа <i>kar-</i>)	— <i>kar</i> 'сосуд, посуда' (основа <i>kab-</i>);
<i>ot</i> 'трава' (основа <i>ot-</i>)	— <i>ot</i> 'огонь' (основа <i>od-</i>);
<i>palamut</i> 'желудь' (основа <i>palamut-</i>)	— <i>palamut</i> 'тунец' (основа <i>palamud-</i>);
<i>saç</i> 'волосы' (основа <i>saç-</i>)	— <i>saç</i> 'железная доска' (основа <i>sac-</i>);
<i>saç</i> 'волосы' (основа <i>saç-</i>)	— <i>saç</i> 'тисовое дерево' (основа <i>sac-</i>).

К этой же группе следует отнести и такие омонимы, как *emir* 'приказ' и *emir* 'правитель', так как первый омоним отличается от второго выпадением гласного в некоторых падежах, как, например, *emiri* — винительный падеж единственного числа — 'приказ', *emiri* — винительный падеж единственного числа — 'правителя'.

Ко второй группе относятся омонимы, члены омонимических пар которых принадлежат к одной и той же части речи и имеют неполные парадигматические ряды, то есть один из омонимов не имеет формы единственного или чаще множественного числа. В эту группу входят существительные — названия различных отвлеченных понятий, материалов и веществ и других неисчисляемых предметов:

<i>atlas</i> 'атлас' (геог.)	— <i>atlâs</i> 'атлас' (материя);
<i>bal</i> 'крыло' (поэт.)	— <i>bal</i> 'мед';
<i>bez</i> 'железа'	— <i>bez</i> 'полотно, бязь';
<i>bor</i> 'земля, непригодная для обработки'	— <i>bor</i> 'бор' (хим. элемент);
<i>çay</i> 'река'	— <i>çay</i> 'чай';
<i>çelik</i> 'черенок'	— <i>çelik</i> 'сталь';
<i>çile</i> 'моток' (ниток)	— <i>çile</i> 'труд', 'испытание';
<i>çiçek</i> 'цветок'	— <i>çiçek</i> 'оспа';
<i>devlet</i> 'государство'	— <i>devlet</i> 'счастье', 'богатство';
<i>esir</i> 'пленник'	— <i>esir</i> 'эфир';
<i>gam</i> 'гамма'	— <i>gam</i> 'горе', 'печаль';
<i>kal</i> 'слово'	— <i>kal</i> 'плавление', 'очистка';
<i>kurum</i> 'общество', 'лига'	— <i>kurum</i> 'сажа';
<i>orta</i> 'полк янычар'	— <i>orta</i> 'середина';
<i>pas</i> 'ставка в игре'	— <i>pas</i> 'ржавчина';
<i>sandal</i> 'лодка'	— <i>sandal</i> 'сандаловое дерево';
<i>saz</i> 'саз' (музыкальный инструмент)	— <i>saz</i> 'тростник';
<i>tâvla</i> 'конюшня'	— <i>tâvla</i> 'триктрак (игра), нарды';
<i>yaş</i> 'слеза'	— <i>yaş</i> 'возраст'.

Второй подкласс составляют частичные омонимы, относящиеся к различным частям речи, то есть имеющие различные парадигматические ряды. Эти омонимы могут быть названы лексико-грамматическими омонимами (10, 166).

В зависимости от того, какие словоформы входящих туда омонимов оказываются омонимичными, этот подкласс делится на две группы. К первой из них относятся те омонимы, у которых начальные так называемые

мые «словарные формы» имеют тождественную звуковую структуру. Все их остальные словоформы, как правило, имеют различный звуковой состав. Ко второй группе могут быть отнесены омонимы, у которых не омонимичны так называемые «словарные формы».

Омонимы первой группы можно разбить на несколько подгрупп в зависимости от того, к какой части речи относятся члены омонимичной пары.

1. Подгруппа глагольно-именных омонимов, у которых омоформы относятся к глаголу и существительному. Эта подгруппа в свою очередь делится на две, в зависимости от того, какой формой глагола представлен один из членов омонимичной пары. Как известно, исходной, начальной формой для всей системы формообразования турецкого глагола служит форма повелительного наклонения единственного числа. В то же время так называемой «словарной формой» считается имя действия на *-tak/-mek*. Чтобы избежать путаницы, подгруппу глагольно-именных омонимов можно подразделить на «подгруппу а», в которой омонимичны формы на *-tak/-mek*, и «подгруппу б», в которой омонимами являются основы глагола, совпадающие по форме со 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения:

а) омонимы, один из членов пары которых выражен формой имени действия на *-tak/-mek*:

boğtak 'задушить'	— boğtak (ğı) 'сустав пальца';
çaktak 'вбивать'	— çaktak (ğı) 'зажигалка', 'кремель';
ekmek 'сеять'	— ekmek 'хлеб';
kaumak 'скользить'	— kaumak 'сливки', 'крем';
oymak 'выдалбливать'	— oymak (ğı) 'племя';
yemek 'есть, кушать'	— yemek 'пища';
yumak 'мыть'	— yumak (ğı) 'клубок';

б) омонимы, один из членов пары которых выражен формой повелительного наклонения:

al! 'возьми!'	— al 'хитрость, уловка';
at! 'бросай!'	— at 'лошадь';
dal! 'окунься!'	— dal 'ветка';
düz! 'устраивай!'	— düz 'виноградная водка';
gül! 'улыбнись!'	— gül 'роза';
iç! 'пей!'	— iç 'внутренняя часть';
inan! 'верь!'	— inan 'вера';
kal! 'останься!'	— kal 'плавание';
yaz! 'пиши!'	— yaz 'лето';
yüz! 'плыви!'	— yüz 'лицо'.

2. Подгруппа глагольно-адъективных омонимов:

ak! 'лейся!'	— ak 'белый';
al! 'возьми!'	— al 'алый';
düz! 'устраивай!'	— düz 'ровный';
kır! 'бей, разбивай!'	— kır 'светло-серый'.

3. Подгруппа глагольно-числительных омонимов:

bin! 'садись верхом!'	— bin 'тысяча';
kırk! 'стриги!'	— kırk 'сорок';
yüz! 'плыви!'	— yüz 'сто'.

4. Подгруппа адъективно-именных омонимов:

akar 'проточный'	— akar 'недвижимое имущество';
aksa 'отдаленный'	— aksa 'препятствие';
arı 'чистый'	— arı 'пчела';
dağlı 'клейменный'	— dağlı 'горец';
dolu 'полный'	— dolu 'град';

düz 'ровный'	— düz 'водка';
gök 'синий'	— gök 'небо';
ihtiyar 'старый'	— ihtiyar 'выбор';
kalın 'толстый'	— kâin 'приданое';
kanuni 'законный'	— kanuni 'игрок на кануне';
kara 'черный'	— kara 'суша, земля';
kır 'светло-серый'	— kır 'степь, равнина';
kırık 'разбойник'	— kırık 'любовник';
koca 'старый'	— koca 'муж';
mat 'матовый'	— mat 'мат (в шахматах)';
murabba 'четырёхугольный'	— murabba 'мармелад';
mürekkep 'составной'	— mürekkep 'чернила';
pat 'плоский'	— pat 'астра';
seri 'быстрый'	— seri 'серия';
soluk 'полиялый'	— soluk 'дыхание';
tez 'быстрый'	— tez 'диссертация';
yaş 'мокрый, влажный'	— yaş 'возраст, год'.

5. Подгруппа местоименно-именная:

ben 'я'	— ben 'родинка';
biz 'мы'	— biz 'шило';
semi 'весь, целый'	— semi 'множество';
kül 'весь, целый'	— kül 'зола, пепел'.

6. Подгруппа числительно-именная:

altıncı 'шестой'	— altıncı 'золотых дел мастер';
beşer 'по пяти'	— beşer 'человеческий род';
yüz 'сто'	— yüz 'лицо'.

7. Подгруппа наречно-именная:

arifane 'как подобает знающему'	— arifane 'пирушка вскладчину';
azar 'понемногу'	— azar 'оскорбление, упрек';
ergeç 'рано или поздно'	— ergeç 'козел'.

8. Группа междометно-именная:

aman 'увы!'	— aman 'милость';
arş 'марш!'	— arş 'дуга (трамвая)';
ay 'ох! ах!'	— ay 'месяц';
pist 'брысь!'	— pist 'бегая', 'летное поле'.

Кроме этих подгрупп, имеются еще несколько отдельных единичных омонимических пар, таких, как уemiş — причастие II от глагола уemek и существительное uemiş 'фрукты'; kaç 'беги!' и kaç 'сколько?', не входящих в группы.

Ко второй подгруппе, для которой характерно отсутствие омонимии в так называемых «словарных формах», относится весьма ограниченное число омонимов:

bende 'раб'	— bende 'у меня';
yazar 'писатель'	— yazar 'он (она) пишет';
yağa 'рана'	— yağa 'в пропасть' (в бездну);
yer 'место'	— yer 'он (она) ест';
yurdu 'ушко иголки'	— yurdu 'его дом' (винительный падеж).

Все сказанное выше позволяет представить омонимию в современном турецком языке в виде схемы (см. стр. 55).

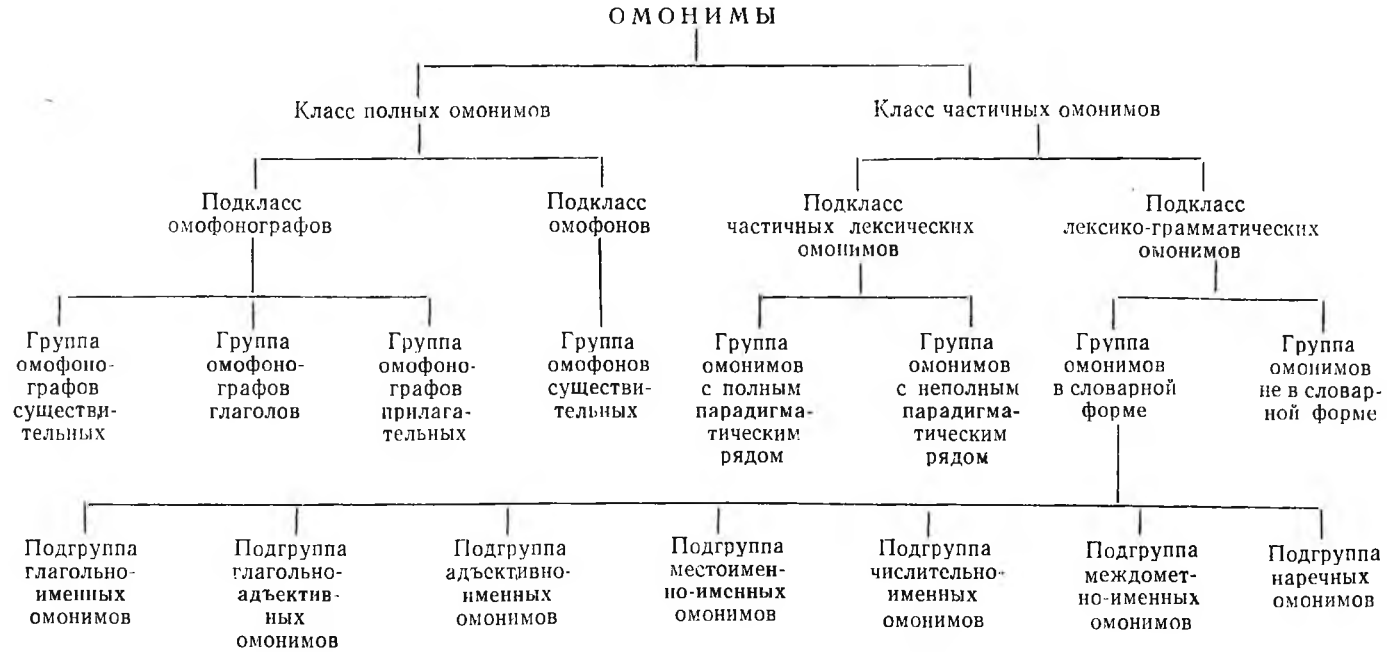
II

До сих пор омонимы рассматривались нами с точки зрения системы, образуемой ими в современном турецком языке.

Теперь остановимся на источниках возникновения омонимов в турецком языке.

1. Как показывают факты, значительное число омонимов возникло на базе турецкого языка.

СХЕМА ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Самые ранние письменные источники, которыми располагает наука, датированы VII—VIII веками — это орхонские и енисейские памятники древнетюркской письменности, где можно встретить ряд сложившихся омонимов, таких же, как и в современном турецком языке; ср. орх. *kurt* 'волк' — *kurt* 'червяк', *jaš* 'возраст' — *jaš* 'слеза', *jüz* 'лицо' — *jüz* 'сто' и т. д.

Отсутствие других данных не позволяет выявить причины образования этих омонимов, поэтому ограничимся лишь перечислением омонимических пар, где оба компонента имеют тюркское происхождение. Распределим их по частям речи:

а) существительное — существительное:

<i>at</i> 'лошадь'	— <i>at</i> (основа <i>ad-</i>) 'имя';
<i>bel</i> 'поясница'	— <i>bel</i> 'лопата';
<i>çelik</i> 'черешок'	— <i>çelik</i> 'сталь';
<i>dal</i> 'ветка'	— <i>dal</i> 'спина';
<i>el</i> 'рука'	— <i>el</i> 'племя';
<i>kayın</i> 'деверь'	— <i>kayın</i> 'бук';
<i>kök</i> 'корень'	— <i>kök</i> 'колок' (музыкальный инструмент);
<i>kurt</i> 'волк'	— <i>kurt</i> 'червяк';
<i>ot</i> 'огонь'	— <i>ot</i> 'трава';
<i>saç</i> 'волосы'	— <i>saç</i> (основа <i>sac-</i>) 'тишовое дерево';
<i>şiş</i> 'вертел'	— <i>şiş</i> 'опухоль';
<i>tavşan</i> 'заяц'	— <i>tavşan</i> 'резчик по дереву';
<i>yağ</i> 'пропасть'	— <i>yağ</i> 'слюна';
<i>yaş</i> 'возраст'	— <i>yaş</i> 'слеза';

б) существительное — прилагательное:

<i>buğsak</i> 'горох'	— <i>buğsak</i> 'вьющийся';
<i>dolu</i> 'град'	— <i>dolu</i> 'полный';
<i>düz</i> 'водка' (виногр.)	— <i>düz</i> 'ровный';
<i>kalın</i> 'приданое'	— <i>kalın</i> 'толстый';
<i>kır</i> 'поле, степь'	— <i>kır</i> 'светло-серый';
<i>öz</i> 'долина'	— <i>öz</i> 'подлинный';
<i>pat</i> 'астра'	— <i>pat</i> 'плоский';
<i>yaş</i> 'возраст'	— <i>yaş</i> 'сырой, зеленый';

в) существительное — глагол:

<i>boğmak</i> 'сустав (пальца)'	— <i>boğmak</i> 'душить';
<i>çakmak</i> 'курок'	— <i>çakmak</i> 'вбивать';
<i>oymak</i> 'племя'	— <i>oymak</i> 'выдавливать';
<i>uymak</i> 'клубок'	— <i>uymak</i> 'мыть';

г) существительное — местоимение:

<i>ben</i> 'родинка'	— <i>ben</i> 'я';
<i>biz</i> 'шило'	— <i>biz</i> 'мы';

д) существительное — числительное:

yüz 'лицо' — *yüz* 'сто'.

2. Ряд омонимов обязан своим возникновением обилию неологизмов, появившихся в турецком языке после победы национально-освободительного движения 1918—1922 годов и провозглашения Турции республикой в 1923 году. Отметим следующие омонимы:

Старые слова	Неологизмы
<i>arda</i> 'жердь'	— <i>arda</i> 'потомки';
<i>ardala</i> 'колокольчик'	— <i>ardala</i> 'приложение';
<i>kurum</i> 'сажа'	— <i>kurum</i> 'общество, лига'.

3. В процессе развития языка наблюдаются случаи, когда в прошлом единое слово (лексическая единица) в результате развития полисемии расщепляется на две лексемы, характеризующиеся своей особой

системой значений, категориальной характеристикой и словообразовательным рядом, что часто приводит к переходу новых лексем в иную часть речи. Подобное явление можно наблюдать и в турецком языке, причем образовавшиеся указанным путем омонимы начинают выражать различные понятия: например, предмет и процесс, или предмет и качественный признак. Мы не касаемся здесь сложного вопроса о характере смысловой структуры турецких имен, способных совмещать в себе как значение предмета, так и значение признака или процесса: например, *yuvarlak* 'круглый' и 'шар (ик)'; *soğuk* 'холодный' и 'холод'. Это явление носит общетюркский характер (ср. як. *tupnuu* 'холод', 'холодный', тув. *izig* 'жара', 'жаркий') и, видимо, отражает древнее состояние тюркских языков.

Из-за недостаточной изученности истории тюркских языков вообще, и турецкого языка в частности, можно выделить лишь несколько таких, так называемых гомогенных, омонимов и то в порядке рабочей гипотезы.

А) существительное — существительное:

<i>aralık</i> 'промежуток'	— <i>aralık</i> 'декабрь';
<i>çiçek</i> 'цветок'	— <i>çiçek</i> 'оспа';
<i>ekim</i> 'посев'	— <i>ekim</i> 'октябрь';
<i>osak</i> 'печка, камин'	— <i>osak</i> 'январь'.

Существительные, приведенные слева, обладают категорией как единственного, так и множественного числа. В противоположность им существительные, находящиеся справа, обладают только одной категорией единственного числа.

О гомогенности омонимов свидетельствует тот факт, что в ряде тюркских языков сохранилась лишь одна лексема, а другая оказалась замененной другим словом. Так, слово *çiçek* первоначально должно было иметь значение «цветок», на что указывает, в частности, обилие словосочетаний, приведенных в словаре В. В. Радлова (9, 1987 и 2144—2145) в гнезде «цветок», а также на значение этого слова у Махмуда Кашгарского, и заметно более ограниченное их число на значение «оспа». Можно высказать предположение, что значение «оспа» развилось постепенно как переносное.

В дальнейшем единая лексема в разных тюркских языках распалась на две с различным числом грамматических категорий: единственного и множественного числа у слова *çiçek* 'цветок' и категорией единственного числа у слова *çiçek* 'оспа', с различными словообразовательными рядами. От омонима *çiçek* 'цветок' был образован ряд производных — *çiçekçi* 'продавец цветов', *çiçeklenmek* 'цвести, расцвести', *çiçekli* 'украшенный цветами', *çiçeklik* 'цветочная клумба', 'ваза с цветами'. От омонима *çiçek* 'оспа' в турецком языке образованы такие слова, как *çiçek-sime* 'накожная сыпь', и лишь одно сложное слово *çiçekbozluğu* 'изрытый оспой', 'рябой' — слово, которое не может быть образовано от *çiçek* 'цветок'.

В одних тюркских языках один из омонимов исчез, в других — оба члена омонимической пары сохранились, как это видно из таблицы на стр. 58.

Приведенное выше позволяет сделать вывод, что один член омонимической пары — слово *çiçek* 'цветок' имеет: 1) свой смысловой инвариант; 2) свой словообразовательный ряд: *çiçekçi* 'продавец цветов', *çiçekli* 'украшенный цветами', *çiçeklik* 'цветник', *çiçeklenmek* 'расцветать, цвести'; 3) свой круг сочетаемости: *çiçek bahçesi* 'цветник'; *çiçek demiti* 'букет цветов'; *çiçek tarhi* 'клумба'; *çiçek sergi* 'цветочная оранжерея'; *açuon çiçeği* 'цветок мака'; *karanfil çiçeği* 'гвоздика'; *kasım çiçeği* 'хризантема'; входит в состав пословицы: *bir çiçekle yaz olmaz* 'один цве-

ток весны не делает'. Другой член омонимической пары—слово *çiçek* 'оспа' имеет: 1) свой смысловой инвариант; 2) свой словообразовательный ряд: *su çiçeği* 'ветряная оспа'; 3) свой круг сочетаемости: *çiçek çıkarmak* 'заболеть оспой', *çiçek aşısı* уартак 'привить оспу' и т. д.

Язык	Цветок	Оспа
тувинский	чечек — <i>čecek</i>	—
алтайский	чечек — <i>čecek</i>	—
киргизский	—	чечек — <i>čecek</i>
каракалпакский	—	шешек — <i>šešek</i>
узбекский	чечек — <i>čecek</i>	чечек — <i>čecek</i>
башкирский	сәскә — <i>säskä</i>	сәсәк — <i>säsäk</i>
татарский	чәчәк — <i>čäčäk</i>	чәчәк — <i>čäčäk</i>

Все сказанное дает основание считать обе лексемы членами одной омонимической пары, то есть омонимами.

Б) существительное — прилагательное:

çil 'куропатка' — *çil* 'пятнистый';
gök 'небо' — *gök* 'синий';
kağa 'суша' — *kağa* 'черный'.

Здесь, так же как и в группе «а», члены левой омонимической пары имеют категорию числа и падежа, в то время как члены правой омонимической пары их не имеют. Члены правой омонимической пары имеют словообразовательные ряды, отличные от существующих у членов второй омонимической пары: *çil* 'пятнистый', *çilli* 'в пятнах', *çillenmek* 'покрываться веснушками', *gök* 'синий', *gökçül* 'голубоватый', *göklük* 'синева'. Лексема *gök* 'небо' эти словообразовательные суффиксы не принимает, зато имеет свои средства словопроизводства, например, *göksel* 'небесный'. Слово *kağa* 'черный' имеет свой словообразовательный ряд: *karalık* 'чернота', *karaltı* 'чернота, пятно', 'силуэт' и образует большое число сложных слов, где выступает первым компонентом, например, *kağaboуа* 'железный купорос', *kağasığەر* 'печень', *kağagöz* 'теневой театр'.

В) существительное — глагол:

çaktak 'кремень' — *çaktak* 'убивать';
ekmek 'хлеб' — *ekmek* 'сеять';
kaутak 'сливки' — *kaутak* 'скользить';
уетек 'еда', 'кушанье' — *уетек* 'есть, кушать'.

Омонимы этой группы имеют совершенно различные грамматические категории: левые компоненты — категории числа и падежа, правые компоненты — категории наклонения, времени, залога, числа, лица. Кроме того, они выступают в предложении в совершенно различных функциях — левые компоненты в функции подлежащего и дополнения или реже — именной части сказуемого; правые компоненты — в функции глагольного сказуемого. Таким образом, левые и правые компоненты омонимического ряда практически не перекрещиваются, что дает достаточные основания считать эти пары омонимами.

4. Словообразовательные процессы, протекавшие в турецком языке, также послужили причиной возникновения омонимов:

altıncı < *altın* 'золото' + -сı 'золотых дел мастер';
altıncı < *altı* 'шесть' + -псі 'шестой';
tımarcı < *tımar* 'уход' + -сı 'санитар';
tımarcı < *tımar* 'тимар' + -сı 'феодал';

dağlı	< dağ 'гора'	+ -lı 'горец';
dağlı	< dağ 'клеймо'	+ -lı 'клейменный';
yaşlı	< yaş 'возраст'	+ -lı 'пожилой';
yaşlı	< yaş 'слеза'	+ -lı '(в) слезах';
belli	< bel 'талия'	+ -li 'имеющий талию';
belli	< bel 'знак'	+ -li 'явный, очевидный';
sarılı	< sarı 'желтый'	+ -lı 'желтоватый';
sarılı	< sarı 'завертывать'	+ -lı 'завернутый';
soluk	< sol 'вянуть'	+ -uk 'увядший';
soluk	< solu 'дышать'	+ -(u)k 'дыхание';
köklemek	< kök 'корень'	+ -le + -mek 'выкорчевывать';
köklemek	< kök 'колок'	+ -le + -mek 'стегать'; 'настраи́вать (инструмент)';
yüzlü	< yüz 'лицо'	+ -lü 'имеющий лицо';
yüzlü	< yüz 'сто'	+ -lü 'содержащий сто единиц'.

5. Многочисленные заимствования, отложившиеся в течение веков в турецком языке в результате различных экономических, торговых и культурных контактов турок с соседними народами, также явились одной из причин появления в языке достаточно большого числа омонимов. Для удобства их классификации они сгруппированы по языку — источнику заимствования. Вот некоторые примеры²:

а) турецко-арабские омонимы:

тур. akar 'проточный'	— ар. akar 'недвижимое имущество';
тур. azar 'понемногу'	— ар. azar 'нагоняй, выговор';
тур. kal! 'оставайся!'	— ар. kal 'слово', 'речь'; в выражении 'не принимать во внимание';
тур. kül 'зола, пепел'	— ар. kül 'весь';
тур. küre 'доменная печь'	— ар. küre 'шар';
тур. sandal 'лодка'	— ар. sandal 'сандаловое дерево';
тур. somak 'морда'	— ар. somak 'сумак' (дубильное вещество);
тур. sur 'судьба', 'рок'	— ар. sur 'городская стена';

б) турецко-персидские омонимы:

тур. bağ 'связка', 'узел'	— перс. bağ 'сад';
тур. bende 'у меня'	— перс. bende 'раб';
тур. çile 'моток' (нить)	— перс. çile 'труд', 'испытание';
тур. dağ 'гора'	— перс. dağ 'клеймо';
тур. dal 'показывающий'	— перс. dal 'голый';
тур. dil 'язык'	— перс. dil 'сердце' (уст.);
тур. gül! 'смейся!'	— перс. gül 'роза';
тур. han 'хан', 'монарх'	— перс. han 'хан', 'каравансарай';
тур. saz 'тростник'	— перс. saz 'саз' (музыкальный инструмент);
тур. уar 'пропасть'	— перс. уar 'друг';

в) турецко-французские омонимы:

тур. bere 'синяк'	— фр. bere 'берет';
тур. dam 'крыша'	— фр. dam 'дама' (в картах);
тур. kar 'сосуд'	— фр. kar 'плащ';
тур. kor 'горящий уголь'	— фр. kor 'корпус';
тур. pas 'ржавчина'	— фр. pas 'ставка' (в игре);
тур. sandal 'лодка'	— фр. sandal 'сандалия';
тур. tire 'нитки'	— фр. tire 'тире';

г) турецко-греческие омонимы:

тур. somun 'гайка'	— гр. somun 'круглый хлеб';
--------------------	-----------------------------

д) турецко-итальянские омонимы:

тур. ortanca 'средний'	— ит. ortanca 'гортензия';
------------------------	----------------------------

² Эти омонимы сверены с данными словаря «Türkçe Sözlük». Türk Dil Kurumu Yayınları, № 293. Ankara, 1969, стр. XV, 829.

е) турецко-японские омонимы:

тур. уеп 'рукав' — яп. уеп 'иена';

ж) арабско-арабские омонимы:

ар. âlem 'знамя'	— ар. âlem 'мир';
ар. amal 'действия'	— ар. amal 'надежда';
ар. an 'мгновение'	— ар. an 'разум';
ар. arz 'ширина, широта'	— ар. arz 'земля';
ар. cemi 'весь'	— ар. cemi 'множество' (мат.);
ар. devlet 'государство'	— ар. devlet 'счастье';
ар. emir 'султан'	— ар. emir 'приказ';
ар. esir 'пленник'	— ар. esir 'эфир';
ар. ihtiyar 'старик'	— ар. ihtiyar 'выборы';
ар. kabile 'акушерка'	— ар. kabile 'племя';
ар. kanun 'закон'	— ар. kanun 'канун' (музыкальный инструмент);
ар. tugabba 'четырёхугольник'	— ар. tugabba 'мармелад';
ар. mürekkep 'составной'	— ар. mürekkep 'чернила';

з) арабско-французские омонимы:

ар. ag 'стыд', 'позор'	— фр. ag 'искусство';
ар. arş 'престол'	— фр. arş 'дуга';
ар. bor 'земля, непригодная для обработки'	— фр. bor 'бор';
ар. harp 'война'	— фр. harp 'арфа';
ар. mil 'игла', 'шприц'	— фр. mil 'миля';
ар. seri 'быстрый, скорый'	— фр. seri 'серия';

и) арабско-греческие омонимы:

ар. gam 'горе', 'дума' — гр. gam 'гамма';

к) арабско-итальянские омонимы:

ар. tâvla 'конюшня' — ит. tâvla 'триктрак' (игра), 'нарды';

л) арабско-армянские омонимы:

ар. haş 'паломник' — арм. haş 'крест';

м) персидско-французские омонимы:

перс. mat 'мат' (шахм.)	— фр. mat 'мастовый';
перс. tez 'быстрый'	— фр. tez 'диссертация';

н) персидско-английские омонимы:

перс. bar 'ноша', 'груз' — англ. bar 'бар';

о) французско-французские омонимы:

фр. arş! 'марш! (команда)' — фр. arş 'дуга';

п) греческо-греческие омонимы:

гр. palamut 'желудь' — гр. palamut 'туец'.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. М. Абаев. О подаче омонимов в словаре. — «Вопросы языкознания», 1957, № 3.
2. К. А. Аллендорф. Значение и изменение значения слов. — «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореца». т. 32, 1965.
3. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
4. Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953.
5. В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.

6. «Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР». — «Лексикографический сборник». Вып. III, 1960.

7. В. П. Конецкая. Характеристика лексических омонимов — слов, генетически связанных, и пути их образования в английском языке. — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, № 166. Исследования по лексикологии». М., 1961.

8. С. С. Маслова-Пашанская. Об омонимии в шведском языке. — «Ученые записки МГУ, № 321. Серия филологических наук», № 67, 1963.

9. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. СПб., 1905.

10. А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956.

11. А. И. Смирницкий. Некоторые замечания об английской омонимии. — «Иностранные языки в школе», 1948, № 5.

12. А. Я. Шайкевич. О принципах классификации омонимов. — В сб.: «Процессы развития в языке». М., 1959.

13. «Türkçe Sözlük». Türk Dil Kurumu Yayınları, № 293. Ankara, 1969, стр. XV, 829.

14. «Yeni yazım (imlâ) kılavuzu». Türk Dil Kurumu Yayınları, № 309. Ankara, 1970, стр. XXI, 261.

Ф. ХАКИМЗЯНОВ

ДВУЯЗЫЧНЫЙ БУЛГАРСКИЙ ПАМЯТНИК

В числе известных надгробий с надписями на языке волжских болгар имеется лишь один двуязычный памятник, находящийся на кладбище села Татарское Шапкино Алькеевского района Татарской АССР¹. Изысканная титулатура² арабоязычного текста позволяет предположить, что здесь захоронена женщина знатного рода, да и само надгробие отличается от других памятников данного региона монументальностью и красотой оформления. На нем высечена своеобразная восьмилепестковая розетка, что на болгарском памятнике встречается впервые.

Данная эпитафия является ценной находкой не только для историков и эпиграфистов, но и для лингвистов, так как текст ее содержит несколько новых слов, не встречавшихся ранее в надгробных надписях. Дублетное написание (на арабском и тюркском языках) ряда слов позволяет выявить некоторые закономерности графической системы языка надписей, ибо «графика дает ключ именно к составу фонем»³.

Приводим тюркский текст эпитафии:

1/ عثمان اچك

2/ هير حسين كيال

3/ مارخوم جكر

4/ الت زيارتى رحمة

5/ الله عليها رحمة

6/ واسعة

Транслитерация

1. 'oθmān äčkä
2. hiri Hösäin kijäli [в транскрипции keli]
3. mariχum (?) Čäkär
4. älti zijäräti [в транскрипции zeräti] rähmätü

¹ См.: Г. В. Юсупов. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961—1963 гг. в Татарской АССР. — «Эпиграфика Востока». Л., 1972, XXI, стр. 53.

² Ср. с надписью Кенизек Хатун на мавзолее «Манас-гумбез» (см.: А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. — «Эпиграфика Востока». М.—Л., 1948, II, стр. 17) или с надгробиями Сабар-елчи, дочери Бураш-бека (см.: Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. — «Известия общества археологии, истории и этнографии». Казань, 1905, т. XXI, вып. 3, стр. 265), Фатимы-елчи, дочери Аюба (см.: *его же*. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. — «Казанский музейный вестник». Казань, 1921, №№ 1—2, стр. 54).

³ Л. Р. Зиндер. К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности. — В сб.: «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963, стр. 148.

5. āllahi 'ālājha rāhmātān
6. wāsi'ātān.

Перевод

1. Османа-отца
2. дочери, Хусайна жены,
3. покойной (?) Чекер
4. госпожи место погребения. Да будет милость
5. бога над ней милостью
6. обширную!

Рассмотрим отдельные слова этой надписи.

Āčkā. На основании арабской редакции эпитафии Šākār ālči binte 'oṭmān āl-bulṣārī 'Шекер-елчи, дочь Османа Булгарского' данное слово переводится как «отец, глава патриархальной большой семьи» и Г. В. Юсупов допускает чтение ātkā, что по-татарски означает «отца»⁴.

В большинстве современных тюркских языков в данном значении выступает общетюркское слово *ata* в различных фонетических вариантах, в том числе и в чувашском — *атте*, диал. *ати*. В татарском языке, как известно, производную форму *аткә* (<палатализованный вариант *эти* + уменьшительно-ласкательный аффикс *-кә*)⁵ можно встретить лишь с притяжательными, а также с притяжательными+падежными аффиксами, например: *И, туган тел! И, матур тел! Әткәм-әнкәмнең теле...* (Г. Тукай. Родной язык) 'Родной язык — святой язык, отца и матери язык...' Однако это может быть и результатом стяжения: *эти+кәй > аткәй* и далее *аткәй+ем > аткәем > аткәм*.

В словаре В. В. Радлова же (1,733) приводятся формы и с аффиксом *kā//gā*, например: *ānākā* 'бабушка', 'матушка (при обращении)' и *ānāgā* 'мать', 'матушка', 'мачеха', 'кормилица'; у Л. З. Будагова также зафиксирована форма *اچک* (1, 9).

Имеющаяся в надписи форма *āčkā*, по нашему мнению, образовалась не на почве булгарского языка, в результате известного звукового перехода *tī → č*, а существовала, возможно, еще в эпоху урало-алтайской общности. Она зафиксирована и в древнетюркских памятниках: ср. *ази* 'отец' (ДТС, 74), *аša* 'родственник' (ДТС, 4), *аши* 'отец (при обращении к богу)' (ДТС, 6), *еši* 'старший брат' (ДТС, 162), *āši* 'старший родственник' (Малов, 363), *ача* 'старший брат', 'дядя', 'бабушка', 'мать', 'старуха' (Радлов, I, 502), *اچى* 'старший брат' (Будагов, I, 13), *اچى* 'брат отца' (Хотутсма, 45), которую последний считал заимствованной из монг. *اچک* 'отец'. По мнению В. Г. Егорова⁶, диалектальное слово *ёскей* 'старший брат мужа' проникло в чувашский язык из финских (пермских) языков: ср. удм. *иськавын* 'родственник', *эксей* 'царь', мар. *ача* 'отец'.

В различных тюркских языках все значения термина *ача//еже* охватывают понятие 'старший родственник'⁷, сюда же относится и понятие 'отец'⁸.

⁴ Г. В. Юсупов. Указ. раб., стр. 53.

⁵ В татарском языке имеются формы: лит. *ата//эти*, диал. *атей//этэй*, *эзи*. Слово *аткә* в «Диалектологическом словаре татарского языка» (Казань, 1969) не приводится, однако зафиксировано у Л. З. Будагова (I, 9).

⁶ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 66.

⁷ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 29.

⁸ См. об этом: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 231—234.

То, что *č*-показатель в слове *äčkä* не является результатом перехода *ti* → *č*, подтверждается и наличием формы *älti* 'госпожа', воспроизведенной на памятнике с буквой *t*, что является характерным признаком *t*-диалекта⁹.

Kel. Это слово следует сопоставить с тюркскими *kelin* 'невеста', 'невестка' (ДТС, 296), *käli*/*kälin*/*käläš* (<*käl*+*äš*) 'невестка', 'невеста', 'сноха', 'любовница', 'молодая жена' (Радлов, II, 1116), *كالبين* 'невеста' (Хоутсма, 95), ср. с современным чув. *кин* (<*кил*+*ен*) 'невестка', 'сноха', тат. *килен* 'сноха', 'невестка', 'молодуха', *кэлэш* 'невеста', 'молодая жена' и т. д. Эта же форма встречается и в некоторых финно-угорских языках¹⁰.

Общетюркский глагол *kil* в чувашском языке имеет значение и 'выходить замуж', что показывает его тесную связь со словом *килен*. Татарское слово *келә-*, сохранившееся в сергачском говоре западного диалекта и употребляющееся в составе идиомы *кыз келәтү* со значением «послать сватов», «сватать девушку», на первый взгляд, происходит от того же корня. Однако это лишь омонимы, и глагольная основа *келә-* имеет ряд параллелей со значением «желать, хотеть» и т. п. во многих языках урало-алтайской группы.

Как видно из вышеприведенных примеров, все они являются производными от глагола *кэл*/*кел*/*кил*. Видимо, волжские булгары называли так и жену.

В таком случае написание *كيال* нужно отнести к графическим особенностям надписей болгарских надгробий и следует транскрибировать как *kel*, а не *kijal*.

Как полагает А. Т. Тагирджанов, на графику надгробных надписей оказали сильное влияние классический арабский язык и коранические тексты, что нашло свое отражение в написании звука э. По его мнению, звуковой комплекс *j*+алиф следует читать как э¹¹.

Аналогичную мысль высказывал и Н. И. Ильминский в письме к В. В. Григорьеву, предполагая, что данный звук булгары произносили как «единичный звук, средний между "и" и "а"»¹². Следовательно, если *كيال* читать как *kel*, то и в чтение других болгарских слов, где в середине имеется сочетание *j*+алиф, следует внести некоторые коррективы. Это — *حيات* 'семь', *بيالم* 'пятый', *جيارم* 'двадцать'. По причине неразработанности графической теории болгарских надписей и исходя из своих концепций, исследователи предлагали различные варианты прочтения указанных слов. Так, например, числительное «семь» Н. И. Ашмарин¹³ читал как *s'ädi*, Н. И. Ильминский¹⁴ — *жъяти*, *жети*, А. Б. Булатов¹⁵ — *жуати*/*жияти*/*жуйати*, Н. И. Золотницкий¹⁶ — *свичче*, Н. В. Никольский¹⁷ — *ситтё*,

⁹ См.: Ф. Хакимзянов. Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 9.

¹⁰ См.: B. Collinder. Fenno-ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955, стр. 144.

¹¹ См.: А. Т. Тагирджанов. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» на «Кисса-и Йусуф» Али и «Йусуф и Зулайха» Шайхада Хамзы. — «Палестинский сборник». Л., 1970, вып. 21 (84), стр. 57.

¹² Н. И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками. — «ИИАО». СПб., 1863, т. 5, вып. 2, стр. 82.

¹³ Н. И. Ашмарин. Булгары и чуваш. Казань, 1902, стр. 74, 103.

¹⁴ Н. И. Ильминский. Указ. раб., стр. 82.

¹⁵ А. Б. Булатов. Эпиграфические памятники Закамья XIV века. — «УЗНИИЯЛИЭ». Чебоксары, 1967, т. 36, стр. 200—201; его же. Булгарские эпиграфические памятники XIII—XIV вв. Правобережья Волги. — «Эпиграфика Востока». М.—Л., 1963, XVI, стр. 60.

¹⁶ Приводится по работе: Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 6.

¹⁷ Н. В. Никольский. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках. — «ИОАИЭ». Казань, т. 28, вып. 1—3, стр. 222.

Г. В. Юсупов¹⁸ — *джййāti*, Н. Ф. Калинин¹⁹ — *джиати*, И. А. Андреев²⁰ — *джиат* и *джити*, А. Т. Тагирджанов²¹ — *джйэти* (видимо, описка или типографская ошибка; следует читать: *джиэти*), Н. А. Баскаков²² — *жй/йэти*, Л. З. Заляй²³ — *жиат*, Т. М. Гарипов, А. Рона-Таш и Ш. Фодор, О. Притцак, И. Бенцинг²⁴ — *žiāti*, Н. Б. Бурганова²⁵ — *жиати* и т. д. Такое же положение наблюдалось и в отношении других слов.

В памятниках древнетюркской письменности и в современных тюркских языках дифтонг в середине данного слова не отмечается. Это всецело относится и к тюркским языкам Поволжья: ср. чув. *сиччэ*, тат. *жиде*, башк. *ете*. Все это, а также варианты написания: جتى، جتا، ججا،

جج، جاج، جات، جج، примененные в надписях, дают основание графему *l*, читать не *-ia-* или *-ja-*, а как *-e-*, то есть так же, как и в древнеуйгурских текстах. Из сказанного следует, что числительные «пять», «семь», зафиксированные в болгарских надгробных текстах, следует читать *bel* и *žeti*.

Mārixum. На первый взгляд, это слово вернее было бы транскрибировать как *mārhūm*, что означает 'тот, к кому проявлено милосердие' или 'покойный, умерший', а написание *mārixum* считать ошибкой резчика. Однако, учитывая то, что на обратной стороне памятника рельефная арабоязычная надпись выполнена мастерски, да и само слово имеет глубоко задненебный фриктивный звук и *алиф* вместо зевного фриктивного согласного и *фатхи*, а *сукун* заменен *кясрой*, сомнений в правильности написания весьма распространенного в эпитафиях слова مرحوم не должно было бы быть. Если даже допустить, что здесь вкралась ошибка, то этого нельзя сказать в отношении примеров из других надписей, где элемент حوم

четко различается. Например, в памятниках из деревень Старое Казеево, Салтыганово Камско-Устьинского района, Сухие Курнали Алексеевского района ТАССР ясно читается اولحوم (= 'сын' + 'чум'). Кроме того, в некоторых эпитафиях имеется выражение هيرحوم (= 'дочь' + 'чум')²⁶.

Второй компонент этого выражения исследователи, вслед за В. Г. Егоровым, этимологизировали как «девушка-пленница или рабы-

¹⁸ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 69.

¹⁹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. — «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, стр. 101.

²⁰ И. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей. — «УЗНИИЯЛИЭ». Чебоксары, 1956, т. 14, стр. 240.

²¹ А. Т. Тагирджанов. Указ. раб., стр. 57.

²² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 234.

²³ Л. Жәләй. Татар теленең тарихи фонетикасы буюнча материаллар. Казан, 1954, стр. 9.

²⁴ Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 42; A. Róna-Taš — S. Fodor. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgar-török feliratok. Szeged, 1973, стр. 153; O. Pritsak. Bolgaro-Tschuwasschica. Ural, 83. XXXI. Wiesbaden, 1959, стр. 30; J. Benzing. Das Hunnische. Donaubolgarische und Wolgabölgarische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Wiesbaden, Bd. 1, 1959, стр. 694.

²⁵ Н. Б. Бурганова. Диалекты татарского языка и памятники древней письменности. — «Вопросы татарского языка и литературы». Казань, 1969, кн. 4, стр. 38.

²⁶ См., например: Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, табл. 5, 7, 13.

ня»²⁷. Если это слово обозначает рабыню²⁸, то как объяснить, что оно встречается и на мужских надгробиях (известно, что для обозначения раба имеется общетюрк. *qol*)?

Еще более серьезным аргументом против того, что надгробия были поставлены в честь рабынь или наложниц, является сам факт существования рабства в Волжской Булгарии. Естественно, на могилах рабов не стали бы воздвигать пышные памятники.

Слово *هوم / حوم* булгарских эпитафий, на наш взгляд, следует поэтому толковать несколько иначе. Известно, что невольницы, родившие ребенка от господина, занимали более привилегированное положение по сравнению с другими рабынями; они не могли быть проданы или подарены кому-либо, а после смерти своего повелителя становились свободными²⁹. Вероятно, детей этих получивших свободу невольниц называли *اول حوم* и *حیر حوم*. Семантика второго компонента и в данном случае тесно связана с древнетюркским *qol*, однако это слово означает не рабыню или раба, а детей вольноотпущенниц.

Что касается исследуемого слова *مار خوم*, то его можно было бы расчленить на *مار + خوم*, где первый компонент может означать этноним «марий»³⁰ или понятие «человек», лежащее в основе племенных названий марийцев, удмуртов и мордвы, входивших в состав Волжской Булгарии. Таким образом, получается сочетание «человек-невольница», то есть «дитя освобожденной невольницы» или то же значение с указанием еще племенного названия.

Такое толкование подтверждается также историческими и археологическими данными. На территории Волжской Булгарии археологи часто находят финно-угорские захоронения, к тому же булгарские ханы иногда закрепляли свои политические связи с соседями брачными узами. Пока ученые не располагают аргументированным фактическим материалом, позволяющим перевести выражение *مار خوم* как «марийка, дочь освобожденной невольницы» или «марийка-наложница», поэтому, оставив данный вопрос открытым, условно останавливаемся на значении «покойница».

Altı. Имеется девять каменных плит, поставленных на могилах булгарок, в текстах которых встречается имя, составленное по схеме «имя + слово *الجی // الت*». Многих исследователей несколько смущал второй компонент этого имени. Так, переписчики копии, снятой по приказу Петра I в 1722 году, — ахун Кадыр-Мухаммед, сын Сюнчелеев и слободской переводчик Юсуф Ижбулатов, не зная, вероятно, этого слова, опустили его

²⁷ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, стр. 78; М. Р. Федотов. Булгарский язык и его отношение к некоторым финно-угорским языкам. — «Советское финно-угроведение», 1968, № 1, стр. 58.

²⁸ Ср.: Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. М.—Л., 1966, стр. 178, 285 (для *кунг* автором приводятся значения 'женщина' и 'дочь').

²⁹ См. об этом: «Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971, стр. 67, прим. 43.

³⁰ В летописях марийцы больше известны под племенным названием «черемис», но они себя так никогда не называли; подробнее об этом см.: К. Четкарев. Племенные названия марийцев. — «УЗМНИИЯЛИ». Йошкар-Ола, 1953, вып. V, стр. 107—130.

(см. текст № 18 Московской копии, хранящейся в ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, ед. хр. 4/4). Нет этого слова у И. Лепехина³¹, Ю. Клапрота³² и у других исследователей. В дальнейшем публикация Ю. Клапрота была использована в монографиях И. Н. Березина³³ и Н. И. Ашмарина³⁴, у которых также не зафиксировано это слово.

Впервые данный памятник, как и второй с аналогичным словом, найденный в 1889—1890 годах в Булгаре, был исследован Н. Ф. Катановым, который прочел упомянутые имена как «Сабар-Ильчи» и «Фати-ма-Элхей»³⁵. В последующих публикациях ученые предлагали оба варианта чтения, но предпочтение отдавалось варианту *ilci*, так как его этимология вырисовывалась более или менее ясно: *il* 'племенной союз, народ, административная единица' + аффикс *-ci*, образующий имя деятеля. Соответственно, *ilci* переводилось как «посол», «вестник», «всякое должностное лицо», «правитель» (ДТС, 169), «эmissар», «гонимец», «пристав» (Владимирцов, 58).

Однако невозможно предположить, что в XIII—XIV веках женщины в Волжской Булгарии могли занимать посты государственных чиновников. Таким образом, вышеуказанные значения не могли соответствовать булгарскому *ilci*. Видимо, исходя из этого исследователи позднее стали считать данное слово вторым компонентом сложного имени или читали его как *Elxej*. Вариант сложного имени с *ilci* мы находим в секретной истории монгольской династии Юань: младшего брата Чингиз-хана звали *Xasjin-elci*, у Дувы-хана был сын *Ильчигидай*, башкирского посла при дворе Ивана Грозного звали «Илче-Тимер» и т. д. Однако и в именах собственных это слово еще не утратило своего первоначального значения «должностное лицо».

Допустимо, что при характеристике женщины слово это имело значение «сваха»: когда невесту брали из другого племени, представительница племени жениха выступала в качестве посла: ср. уйг. *элчи* 'посол, сват' и др.

Г. В. Юсупов³⁶ считал *ilci* словом титулатурного характера, однако его значения не раскрыл, а лишь, упомянув о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен представителей булгарской феодальной верхушки, ставил его в один ряд с титулами *bikā* 'жена князя', *xatun* 'госпожа'.

С. Е. Малов варианты *Эльчи* и *Элхей* употреблял параллельно и в то же время предлагал их соотнести с тур. *älti* 'жена брата' и чагат. *ilti* 'жена'³⁷.

Прежде чем говорить о семантике интересующего нас слова, следует подробнее рассмотреть его фонетический облик. Многие исследователи в своих изысканиях исходили из корня *il*, однако вряд ли с этим можно согласиться. В шести памятниках из девяти оно написано с «чистым»

³¹ И. Лепехин. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771, ч. I, стр. 275.

³² J. Klaproth. Notice et explications des inscriptions de Bolgari. — «Nouveau Journal Asiatique». Paris, 1831, Bd. 8, стр. 483—503.

³³ И. Березин. Булгар на Волге. — «Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом». Казань, 1852, кн. II.

³⁴ Н. И. Ашмарин. Указ. раб.

³⁵ См. примечание 2.

³⁶ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, стр. 105.

³⁷ С. Е. Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. — «Эпиграфика Востока». М.—Л., 1947, I, стр. 40.

алифом без диакритических знаков, в надгробиях из сел Татарское Шапкино Алькеевского района и Кармалы Чистопольского района ТАССР огласовано *фатхой*. Из этого следует, что в начале слова нужно читать *ā-* или *e-*, то есть *āl-* или *el-*, тем более, что в болгарском языке в данной позиции процесс *ā → i* еще не произошел, например: болгар. *āti* (< *arti), др.-тюрк. *erti//erdi* (ДТС, 175), чув. *-ĕĕĕ*, тат. *ide* 'было'.

Вторым не менее важным фактом является то, что в болгароязычном тексте исследуемого памятника это слово высечено через *t*, то есть в виде *اٲ*. Как нам кажется, мы здесь встречаемся с наиболее древней формой слова, представленной в словаре Хоутсма (стр. 53) в значении «госпожа, барыня, владелица».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Будагов* — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, тт. I—II. СПб., 1869—1871.
- Владимирцов* — Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934.
- ДТС* — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
- ИИАО* — «Известия императорского археологического общества». СПб.
- ИОАИЭ* — «Известия общества археологии, истории и этнографии». Казань.
- Малов* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Радлов* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., тт. I—IV, 1893—1911.
- УЗМНИИЯЛИ* — «Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Йошкар-Ола.
- УЗНИИЯЛИЭ* — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР». Чебоксары.
- Хоутсма* — M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- UAIb* — Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden.

Р. ДЖ. ДЖАББАРОВА, С. Т. ГИЯСОВ

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА К ИЗУЧЕНИЮ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

В современном языкознании проблема характера организации всей лексической системы языка пока еще полностью не решена. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие более или менее полных «идеологических» словарей¹, а также словарей элементарных значений мета-языка лингвистики или же конкретных естественных языков². Поэтому главное внимание в настоящее время уделяется изучению системных связей элементов тематических рядов и отдельных лексико-семантических групп, а также выявлению структурной организации сем конкретных многозначных слов³. Для достижения этих целей лексикологи-семасиологи нередко применяют метод компонентного анализа.

Интерес к членению значения слова на более мелкие элементы (семы, дифференциальные признаки, элементарные значения, семантические множители, компоненты значения и т. д.) возник в 50-е годы и впервые как сознательный метод исследования системной организации лексики был применен американскими антропологами В. Гуденафом и Ф. Лаунсберри⁴ при изучении терминов родства в языке индейцев. В настоящее время компонентный анализ стал одним из ведущих методов семасиологических исследований⁵.

¹ Об «идеологических» словарях см.: Х. Касарес. Введение в современную лексикографию. М., 1958; его же. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona, 1957.

² Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 70.

³ См.: Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; В. А. Москвитин. Семантическое поле цветообозначений. Автореф. канд. дисс. М., 1965; Г. А. Путьгин. О принципах организации групп слов в лексические системы. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1975; Г. М. Шипицына. Структура семемы качественного прилагательного и методы выделения ее компонентов. Автореф. канд. дисс. М., 1972; Е. В. Стальмашевская. Однотипные лексико-семантические группы прилагательных со значением «большой» в английском и русском языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1963; О. Н. Селиверстова. Семантический анализ слов типа «все» «all» и типа «кто-нибудь» «some» в русском и английском языках. Автореф. канд. дисс. М., 1965; Э. В. Белкина. Семантический анализ глагольной лексемы «давать» в сопоставлении с немецким и французским эквивалентами. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1972; E. Bendix. Componential analysis of general vocabulary. The Semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. Bloomington, 1966.

⁴ W. Goodenough. Componential analysis and study of meaning. — «Language», v. 32, 1956, № 1; F. Lounsbury. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage. — Там же. Истоки компонентного анализа и история применения данного метода к изучению лексики в работах советских и зарубежных исследователей подробно освещены в статьях Э. М. Медниковой и Л. Г. Михеевой в кн.: О. С. Ахманова и др. Основы компонентного анализа. М., 1969, стр. 6—44; см. также работу: О. Н. Селиверстова. Обзор семантических работ по компонентному анализу. — «Филологические науки», 1967, № 5, стр. 125—132.

⁵ О. С. Ахманова и др. Основы компонентного анализа, стр. 5.

При компонентном анализе исходят из того, что значение слова членимо на более мелкие элементы (подобно членению фонемы на дифференциальные признаки) и представляет собой сумму (набор) определенных семантических дифференциальных признаков. Конечной целью компонентного анализа является составление словаря (инвентаря, конечного списка) сем лексических значений, различные комбинации которых составляют значения бесконечного числа конкретных слов естественного языка. Этот метод наиболее успешно был применен для анализа значений отдельных лексических единиц таких замкнутых и строго организованных систем, как термины родства и цветообозначения, отчасти глаголов движения и перемещения. Попытки подвергнуть строгому компонентному анализу другие лексические группы пока еще не дали ощутимых результатов⁶.

В настоящей статье предпринимается попытка применения метода компонентного анализа для изучения качественных прилагательных узбекского языка в свете понимания системных отношений в языке как диалектических отношений общего (системы) и единичного (элемента). Такой подход к изучению системных отношений в языке был сформулирован и развит на материале морфологии тюркских языков С. Н. Ивановым⁷ и может быть использован и при исследовании системных отношений в лексике.

Вся лексика языка, в том числе и группа качественных прилагательных, представляет собой строго организованную (хотя еще и не выявленную) систему. Если подходить к системной организации лексики с точки зрения диалектических отношений общего и единичного, то изучение иерархической организации лексики получит надежную методологическую основу; вся лексика языка по определенным признакам противопоставления делится на большие группы (например, на знаменательные и незнаменательные слова), выступающие как единицы по отношению к общему (всей лексике). Эти группы, в свою очередь, подразделяются на более мелкие подгруппы, являясь общими по отношению к ним, и т. д. Таким образом, деление доходит до противопоставления отдельных слов. Само собой разумеется, что признаки противопоставления каждого вышестоящего ряда как общие включаются в семантическое содержание всех элементов всех нижестоящих рядов, в которых они получают видовые характеристики и конкретизируются. Значение же слова представляет собой сумму (набор) дифференциальных признаков (сем) всех подгрупп, в которые входит данное слово, начиная от самого верхнего ряда до самого нижнего, и может быть представлено как цепочка последовательно конкретизирующихся сем. Поэтому семы, входящие в компонент значения слова, по степени своей общности являются различными — каждая предшествующая сема выступает по отношению к последующей как интегральная (объединяющая), а каждая последующая по отношению к предшествующей — как дифференциальная (конкретизирующая). С этим связано разграничение, проводимое в лингвистической литературе, между идентифицирующими (интегральными) и конкретизирующими (дифференцирующими) семами. Семы первого порядка называют интегральными (Н. Толстой, Д. Шмелев), подводящими (Г. Гийом), сверхсемами, архисемами или классемами (В. Гак), признаками (Г. Пуत्याгин), а семы второго порядка — дифференциаль-

⁶ О. С. Ахманова и др. Основы компонентного анализа, стр. 21.

⁷ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Ташкент, 1969, стр. 8—26; *его же*. Курс турецкой грамматики. Часть I. Л., 1975, стр. 66—73; см. также: Х. Г. Нигматов. Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1973, № 6; Н. Х. Салехова. Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность. Автореф. канд. дисс. Казань, 1975.

ными (у большинства лингвистов) или компонентами признака (Г. Пу-
тягин)⁸. Однако диалектический подход к компонентной структуре зна-
чения слова обнаруживает отсутствие четких границ между интеграль-
ными и дифференциальными семами. Одна и та же сема в одном отно-
шении выступает как интегральная (по отношению к последующим), а
в другом — как дифференциальная (по отношению к предшествующим).
Поэтому такое разделение сем является в некотором смысле условным.

Для определения семантической сущности какой-либо лексико-се-
мантической группы или конкретных слов на уровне языка одинаково
значимыми являются как интегральные, так и дифференциальные семы
значения, однако для выявления признаков, отличающих ту или иную
лексическую группу (или лексему) от других слов, находящихся с нею в
непосредственных парадигматических отношениях, принципиальное зна-
чение имеют дифференциальные семы, на основании которых данная
группа слов выделяется из остальных, а также все другие признаки, поз-
воляющие подразделить эту лексическую группу на подгруппы. Напри-
мер, для определения сущности имен прилагательных существенными
являются все семы, последующие за семой «признаковость» (C_1)⁹,
выступающей как интегральная по отношению к глаголам и прилага-
тельным. В результате членения слов с семой «признаковость» (C_1) на:

1) слова со значением процессуального признака (C_2), 2) слова со значе-
нием непроцессуального признака ($\bar{C}_2$) образуются группы глаголов и
имен прилагательных.

Деление слов, характеризующихся общей семой (интегральной се-
мой) «непроцессуальный признак», на слова: 1) со значением качествен-
ного признака (C_3), 2) со значением некачественного признака ($\bar{C}_3$)
приводит к общезвестному делению на качественные и относительные
прилагательные, границы между которыми являются довольно зыб-
кими¹⁰.

В рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть
признаки дифференциации всех лексико-семантических групп прилага-
тельных вплоть до уровня оппозиций конкретных слов. Поэтому мы ог-
раничимся здесь анализом признаков противопоставления только оце-
ночных прилагательных положительного признака, сочетающихся с на-
званиями как одушевленных, так и неодушевленных предметов (слова
типа *jaxši*, *tuzuk*, *čirojli*, *körkam*, *gözal*, *zebo* и т. д.)¹¹, и дальнейшее де-

⁸ См.: Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиоло-
гии. — В кн.: «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады
советской делегации». М., 1968; Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лек-
сики. Автореф. канд. дисс., стр. 11; В. Г. Гук. К проблеме семантической синтагматики. —
В кн.: «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972, стр. 370; Г. А. Пу-
тягин. Указ. раб., стр. 8; G. Guillaume. Langage et science du langage. Paris, 1964, стр. 73;
E. A. Nida. Towards science of translating. Leiden, 1964.

⁹ Здесь и далее символы (C), арабские цифры и знаки +, 0 являются условными
обозначениями сем. Они используются также для выражения компонентного состава
сем слова. Знак + означает маркированность, знак 0 — нейтральность признака. Знак

(C) указывает на противоположный признак (например, C_7 — положительный признак,
а $\bar{C}_7$ — отрицательный). Значение нейтрального члена привативной оппозиции понима-
ется так же, как в работах: А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л.,
1971, стр. 80; Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 34.

¹⁰ В современном узбекском языке дополнительным средством отграничения каче-
ственных прилагательных от относительных служит форма сравнительной степени,
характерная только для качественных прилагательных.

¹¹ Следует отметить, что оттенок оценочности имеется почти у всех качественных
прилагательных (ср.: *totli/totsiz* 'вкусный/невкусный'). Однако прилагательные выше-
перечисленного типа называются здесь оценочными чисто терминологически.

ление качественных прилагательных на группы имеет целью выделение именно этой подгруппы прилагательных из общей массы слов со значением качественного признака.

Качественные прилагательные могут быть подразделены на две подгруппы:

1. Первую и очень большую группу образуют прилагательные, выражающие признак предмета, который может быть измерен единицами различных систем мер физических величин (включая освещенность, длину световых волн, силу энергии, скорость и т. д.), или же признак, осязаемый органами чувств. К этой группе относятся прилагательные, обозначающие признак предмета по его: весу (oʻyir 'тяжелый'), размеру (kiçik 'маленький', baland 'высокий', sajoz 'мелкий, неглубокий', uzun 'длинный'), количеству (möl 'много', tansiq 'редкий'), температуре (sovuq 'холодный'), возрасту (joş 'молодой'), крепости (qattiq 'прочный', mört 'хрупкий'), сочности (quruq 'сухой', yög 'неспелый'), местоположению (uzoq 'далекий'), скорости движения (sekin 'медленно'), силе (kuçli 'сильный', zaif 'немошный, хилый'), освещенности (qogonʻi 'темный'), вкусу (şirin 'сладкий'), запаху (xişböj 'благоухающий') и др. Все эти прилагательные, разделяющиеся по различным признакам на десятки мелких подгрупп, объединяются наличием общей семы «физической сущности» (C_4) выражаемого ими признака.

2. Вторую группу образуют прилагательные, выражающие как физические, так и нефизические неизмеряемые признаки предметов и характеризующиеся семой C_4 .

Группа прилагательных, характеризующихся семой C_4 , распадается на две подгруппы:

1) прилагательные, выражающие признак либо одушевленного, либо неодушевленного предмета (C_5);

2) прилагательные, выражающие признак как одушевленного, так и неодушевленного предмета (C_5). В эту же подгруппу входят и рассматриваемые нами оценочные прилагательные.

Прилагательные, объединяемые семой C_5 , разделяются на:

1) оценочные, выражающие субъективную оценку [jaxşi/jomon 'хороший/плохой', çirojli/xunuk 'красивый/некрасивый', zebo/badbaşara 'прекрасный/отвратительный' (на вид) и т. д.]; 2) не оценочные, нейтральные по отношению к сигнализации значения оценки (имена типа jangi/eski 'новый/старый', asil 'настоящий, подлинный').

Оценочные прилагательные по признаку положительности или отрицательности (C_7 и C_7) обозначаемого ими признака подразделяются на антонимические группы:

1) положительных (jaxşi, tuzuk, çirojli, körkam, qiziq и т. д.);

2) отрицательных (jomon, xunuk, badbaşara и т. д.) имен¹².

¹² Поскольку характерной чертой имен прилагательных является антонимичность, по дифференциальному признаку «положительность/неположительность» качественные прилагательные образуют корреляции, то есть данный признак повторяется в противопоставлениях внутри многих лексико-семантических групп прилагательных (ср.: противопоставление joqu/qogonʻi 'светлый/темный', oʻyir/jengil 'тяжелый/легкий'). Такими же общими, повторяющимися, коррелятивными признаками являются особенности, характеризующие имена прилагательные по их сочетаемостным особенностям («сочетаемость с названиями одушевленных предметов», «сочетаемость с названиями лиц» и т. д.), по степени выражения признака (нейтральная, большая, наибольшая, меньшая, наименьшая и т. д.), а также семы стилистических окрасок.

Положительные оценочные прилагательные, объединяемые общей семей $\overset{+}{C}_7$, внутренне оппозитивны по признаку «внешности» признака ($\overset{+}{C}_8$). По признаку маркированности этого признака ($\overset{+}{C}_8$), или же нейтральности по отношению к нему ($\overset{0}{C}_8$) оценочные прилагательные подразделяются на 2 группы:

1) группу имен, выражающих внешний, наружный признак предмета ($\overset{0}{C}_{10}$ ji 'красивый', $\overset{0}{C}_{10}$ kam 'красивый', $\overset{0}{C}_{10}$ zal 'прекрасный', $\overset{0}{C}_{10}$ zebo 'распрекрасный');

2) группу имен, выражающих общую (в том числе и внешнюю) положительную оценку ($\overset{+}{C}_{10}$ si, $\overset{+}{C}_{10}$ zuk, $\overset{+}{C}_{10}$ ziq, $\overset{+}{C}_{10}$ ib, $\overset{+}{C}_{10}$ oib, $\overset{+}{C}_{10}$ lati, $\overset{+}{C}_{10}$ ab и др.).

Группа имен, объединяемых семей $\overset{0}{C}_8$ (общая положительная оценка), разделяется по признаку «необычность признака» ($\overset{0}{C}_9$) на две подгруппы: имена $\overset{0}{C}_{10}$ si, $\overset{0}{C}_{10}$ zuk, нейтральные по отношению к $\overset{0}{C}_9$, и $\overset{0}{C}_{10}$ ziq, $\overset{0}{C}_{10}$ oib, $\overset{0}{C}_{10}$ lati, $\overset{0}{C}_{10}$ ab, $\overset{0}{C}_{10}$ ib, маркированные по признаку $\overset{0}{C}_9$.

Внутри лексико-семантической группы «внешнего признака» слова $\overset{0}{C}_{10}$ ji, $\overset{0}{C}_{10}$ kam, $\overset{0}{C}_{10}$ zal, $\overset{0}{C}_{10}$ zebo образуют градуальную оппозицию по выражению «степени признака» ($\overset{0}{C}_{10}$) ($\overset{0}{C}_{10}$ — нейтральная, $\overset{+1}{C}_{10}$ — большая, $\overset{+2}{C}_{10}$ — наибольшая, $\overset{+3}{C}_{10}$ — меньшая, $\overset{+4}{C}_{10}$ — наименьшая и т. д. степень признака). Здесь $\overset{0}{C}_{10}$ ji характеризуется $\overset{0}{C}_{10}$, $\overset{0}{C}_{10}$ kam $\overset{0}{C}_{10}$, $\overset{0}{C}_{10}$ zal, $\overset{0}{C}_{10}$ zebo — $\overset{+1}{C}_{10}$. По своим стилистическим оттенкам ($\overset{0}{C}_{11}$) эти же слова характеризуются семами: «нейтральность» ($\overset{0}{C}_{11}$) — слово $\overset{0}{C}_{10}$ ji, «экспрессивность» ($\overset{+1}{C}_{11}$) — слова $\overset{0}{C}_{10}$ kam, $\overset{0}{C}_{10}$ zal, $\overset{0}{C}_{10}$ zebo, «книжность» ($\overset{+2}{C}_{11}$) — слово $\overset{0}{C}_{10}$ zebo, «редкая употребительность» ($\overset{+3}{C}_{11}$) — слова $\overset{0}{C}_{10}$ kam, $\overset{0}{C}_{10}$ zebo.

Слова с интегральной семей $\overset{+}{C}_9$ (слова $\overset{+}{C}_{10}$ ziq, $\overset{+}{C}_{10}$ oib, $\overset{+}{C}_{10}$ lati, $\overset{+}{C}_{10}$ ab, $\overset{+}{C}_{10}$ ib) оппозитивны по выражаемой ими степени признака и по стилистическим оттенкам. Здесь $\overset{+}{C}_{10}$ ziq характеризуется нейтральностью ($\overset{0}{C}_{10}$, $\overset{0}{C}_{11}$), $\overset{+}{C}_{10}$ oib экспрессивностью и повышенностью признака ($\overset{+1}{C}_{10}$, $\overset{+1}{C}_{11}$), $\overset{+}{C}_{10}$ ab, $\overset{+}{C}_{10}$ ib книжностью и редкоупотребительностью и повышенностью признака ($\overset{+2}{C}_{11}$, $\overset{+3}{C}_{11}$, $\overset{+4}{C}_{10}$), $\overset{+}{C}_{10}$ lati разговорностью ($\overset{+1}{C}_{11}$) и повышенностью признака ($\overset{+1}{C}_{10}$).

Слова $\overset{+}{C}_{10}$ zuk и $\overset{+}{C}_{10}$ si оппозитивны по степени выражения признака. Здесь $\overset{+}{C}_{10}$ si выступает как нейтральная степень ($\overset{0}{C}_{10}$), а $\overset{+}{C}_{10}$ zuk как меньшая степень ($\overset{+1}{C}_{10}$)¹³.

Компонентный состав значения рассмотренных оценочных прилагательных может быть представлен в виде приводимой таблицы на стр. 74.

Компонентный анализ значения имен прилагательных проливает свет на проблему лексической синонимии и позволяет выделять разную степень синонимических отношений между словами. Если набор дифференциальных признаков двух слов полностью совпадает, то налицо отношение полной (семанτικο-сочетаемостно-стилистической) синонимии (слова-дубликаты) (ср. слова $\overset{+}{C}_{10}$ ab и $\overset{+}{C}_{10}$ ib)¹⁴. Если между двумя словами,

¹³ Ср. оппозицию $\overset{+}{C}_{10}$ zuk и $\overset{+}{C}_{10}$ si в произведении А. Каххара: $\overset{+}{C}_{10}$ si $\overset{+}{C}_{10}$ igitsan 'ты приличный... даже хороший парень'.

¹⁴ О типах синонимии см.: Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 216—255; С. Г. Бережан. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слова как основа синонимичности. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, № 3, стр. 254.

способными выступать в одном и том же окружении, в одном и том же значении, наблюдается различие только в семах стилистической окраски (C_{11}), то такие слова выступают семантико-сочетаемостными синонимами (ср. *ažojib/yalati*, *gözal/zebo*); если же различие между словами только в их сочетаемостных связях, то выступают семантико-стилистические синонимы. Как семантико-стилистические синонимы выступают, например, слова *körkam* и *suluv*. Различие между этими словами проявляется в том, что *körkam* нейтрально по отношению к семе C_5 , то есть может сочетаться как с именами-названиями одушевленных, так и неодушевленных предметов (*körkam хотін* 'красивая жена/женщина', *körkam manzaga/bino* 'красивое зрелище/здание'), а *suluv* маркировано по этому признаку (C_5) и сочетается только с именами-названиями одушевленных предметов (*suluv qiz* 'красивая девушка', но невозможно сочетание *suluv bino*).

Сема «степень признака» (C_{10}) у качественных прилагательных является одним из основных компонентов их смысловой структуры (ср.: *uzun/qisqa* 'длинный/короткий', *katta/kičik* 'большой/маленький' и т. д., где антонимические пары суть слова, различающиеся по степени признака). Поэтому слова, выражающие различную степень признака, не могут как слова, различающиеся в значении, рассматриваться как синонимы¹⁵ (ср.: *qiziq/ažojib*, *čirojli/körkam/gözal*, *tuzuk/jaxši* и др.).

Семемный анализ значения слов отдельных лексико-семантических групп позволяет различать также различную степень семантико-стилистической нагруженности слова. Если сопоставить маркированные семы слова *jaxši* с таковыми других слов данной группы, то легко обнаружить, что слово *jaxši* характеризуется дифференциальными признаками, выступающими для всех остальных оценочных прилагательных положительного качества как интегральные. Поэтому *jaxši* выступает как слово с наиболее обобщенным значением, как семантически наименее нагруженное слово, имеет большую частоту употребления, широкую сочетаемость и в различных сочетаниях (в зависимости от значения определяемого) может реализовать самые разнообразные оттенки значения. Таким образом, *jaxši* выступает как общий репрезентант, ядерное (опорное) слово качественных прилагательных положительной оценки, и вокруг него объединяются остальные прилагательные положительной оценки.

В подгруппе имен, у которых маркирован признак C_8 , таким словом является *čirojli*, а в подгруппе слов с общей семой C_9^+ — слово *qiziq*. Таким образом, в своей лексической системе язык пользуется максимально экономным способом противопоставления. Оппозиции, например, прилагательных положительной и отрицательной оценок осуществляются не путем противопоставления каждого имени прилагательного одной группы всем прилагательным второй группы в отдельности, а противопоставлением ядерных слов (*jaxši* и *jomon*), слова же, объединяющиеся вокруг каждого из этих ядерных слов, противопоставляются внутри своей группы по одним и тем же признакам, в результате чего образуются многочисленные коррелятивные ряды — ряды слов, противопоставленных по одному и тому же признаку. Это дает языку возможность на основании небольшого количества дифференциальных признаков осуществлять противопоставление неограниченного количества слов. На-

¹⁵ Ю. Д. Апресян. Указ. раб., стр. 244.

Слова \ Семы	Семь									Степень признака (C ₁₀)				Стилистическая окраска (C ₁₁)					Набор сем
	«Признаковость» (C ₁)	«Процессуальность» (C ₂)	«Качественность» (C ₃)	«Физичность» (C ₄)	«Сочетаемость с названиями либо одушевленных, либо неодушевленных предметов» (C ₅)	«Оценочность» (C ₆)	«Положительность» (C ₇)	«Внешность» (C ₈)	«Необычность» (C ₉)	Меньшая (C ₁₀) ⁻¹	Нейтральная C ₁₀ ⁰	Большая (C ₁₀) ⁺¹	Наибольшая (C ₁₀) ⁺²	«Нейтральность» 0 (C ₁₁)	«Экспрессивность» ⁺¹ (C ₁₁)	«Книжность» ⁺² (C ₁₁)	«Редкоупотребительность» ⁺³ (C ₁₁)	«Разговорность» ⁺⁴ (C ₁₁)	
jaxši	+	0	+	0	0	+	+	0	0	-	+	-	-	+	-	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁰ C ₁₀ ⁰ C ₁₁ ⁰
tuzuk	+	0	+	0	0	+	+	0	0	+	-	-	-	+	-	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁰ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁰
čirojli	+	0	+	0	0	+	+	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁺ C ₉ ⁰ C ₁₀ ⁰ C ₁₁
körkam	+	0	+	0	0	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁺ C ₉ ⁺¹ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁
gözal	+	0	+	0	0	+	+	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁺ C ₉ ⁺² C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁
zebo	+	0	+	0	0	+	+	+	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁺ C ₉ ⁺² C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁺² C ₁₁ ⁺³ C ₁₁
qiziq	+	0	+	0	0	+	+	0	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁺ C ₁₀ ⁰ C ₁₁ ⁰
ažojib	+	0	+	0	0	+	+	0	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁺ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁺¹ C ₁₁
yalati	+	0	+	0	0	+	+	0	+	-	-	+	-	-	+	-	+	+	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁺ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁺¹ C ₁₁ ⁺⁴ C ₁₁
ažab	+	0	+	0	0	+	+	0	+	-	-	+	-	-	-	+	+	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁺ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁺² C ₁₁ ⁺³ C ₁₁
ažib	+	0	+	0	0	+	+	0	+	-	-	+	-	-	-	+	+	-	C ₆ ⁺ C ₇ ⁺ C ₈ ⁰ C ₉ ⁺ C ₁₀ ⁺¹ C ₁₁ ⁺² C ₁₁ ⁺³ C ₁₁

Примечание: Поскольку C₁—C₅ выступают как интегральные, общие семы для всех качественных прилагательных, их включение в набор сем оценочных прилагательных необязательно.

пример, прилагательные *ġigjli* 'красивый' и *хипик* 'некрасивый' объединяются общим признаком «характеристика предмета по внешности» (C_8), но различаются по противоположному значению, являющемуся не результатом непосредственного противопоставления слов *ġigjli* и *хипик*, а следствием оппозитивности ядерных слов групп, в которые входят *ġigjli* и *хипик* (то есть слова *jaħſi* и *jomop*) и данный признак противопоставления повторяется в оппозициях каждого положительного и отрицательного оценочного прилагательного.

На основании компонентного анализа значений только одной лексико-семантической группы — имен прилагательных положительной оценки — можно заключить, что применение такого метода анализа позволит вскрыть системные связи между словами, точнее определить их значения, способствует их правильному пониманию и сравнительно легкому отождествлению с аналогичными словами других языков¹⁶.

Можно сказать, что компонентный анализ значения слов всех лексико-семантических групп качественных прилагательных позволит выделить сравнительно небольшое число дифференциальных признаков, дающих в различных комбинациях значение тех или иных конкретных качественных прилагательных и осуществляющих системные связи этих слов. А это явится существенным шагом вперед в выявлении самого экономного способа описания значений слов языка путем системного изучения лексики тюркских языков.

¹⁶ Ср.: Т. П. Ломтев. Общее и русское языкознание. М., 1976, стр. 272—299.

РЕЦЕНЗИИ

«ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ АҢЛАТМАЛЫ СУЗЛЕГЕ»

ӨЧ ТОМДА, I ТОМ. А — И. КАЗАН, ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, 1977, 475 стр.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА».

В ТРЕХ ТОМАХ, I ТОМ. А — И. КАЗАНЬ, ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1977, 475 стр.

Социально-экономические, политические и культурные связи татарского народа с русским, территориальное расселение татар на стыке Европы и Азии, а также посредническая роль татарского языка в установлении контактов русского государства с другими тюркскими народами обусловили весьма раннее возникновение и интенсивное развитие татарской лексикографии. Еще в XVII веке были составлены русско-татарские рукописные словари, причем в XVII—XVIII веках таких словарей насчитывалось более десяти¹. На формирование и дальнейшее развитие татарской лексикографии огромное влияние оказали словари Махмуда Кашгари, Ибн Муханны, Абухаяна Гарнатый и др.

Первые попытки составления толкового словаря татарского языка относятся к первой половине XIX века. Известно, что профессор Казанского университета Ф. Эрджман, выдвигая идею создания полного татарского словаря, обратился к Совету университета с просьбой поддержать его в предстоящей работе. В проекте и программе словаря Ф. Эрджман подчеркивал, что в нем должны быть представлены слова татарского языка во всем объеме как простые, так и отвлеченные, относящиеся «к религии, церковным обрядам, древностям, истории, географии, естественной истории, нравам, государственному учреждению, законодательству, мореплаванию, торговле, домашней жизни и ее учреждению, земледелию, охоте, рыбной ловле, фабрикам, мануфактурам, горному делу, военному искусству, врачеванию, волшебству, математике, астрономии, философии, анатомии, дипломатии, алхимии, архитектуре и проч.»².

¹ См.: М. Ногман. XVII—XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан, 1969.

² Документы о проекте составления Ф. Эрджманом полного татарского словаря находятся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. Лобачевского Казанского университета под инвентарным № 4391.

Однако, несмотря на то, что были определены основные принципы построения словаря и проведена подготовительная работа, словарь так и не был создан.

Первый толковый словарь татарского языка принадлежит замечательному татарскому ученому-энциклопедисту К. Насыри. Его «Ләһжәи татари» («Татарский словарь») в двух томах (I том. Казань, 1895, 328 стр.; II том. Казань, 1896, 157 стр.) включает около десяти тысяч слов и выражений, активно употреблявшихся в тот период. Приняв за основу синонимический способ толкования слов, К. Насыри использовал и описательные пояснения. Словарь «Ләһжәи татари» отличается богатством представленного в нем материала живого общенародного языка. Это — первый толковый словарь в истории тюркских языков.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции началась целенаправленная работа по решению задач культурного строительства в национальных республиках. Преподавание татарского языка в школах, техникумах и вузах потребовало издания учебников, различных словарей и пособий. В эти годы создаются многочисленные орфографические, терминологические и двуязычные словари. Тогда же были предприняты попытки создания и толковых словарей. В 1927—1928 годах вышли в свет две части первого тома полного словаря татарского языка талантливого татарского ученого Ж. Валиди («Татар теленең тулы сүзлеге». I жилд. I китәп. Казан, 1927, 352 стр.; II китәп. Казан, 1928, 353—720 стр.). Благодаря фиксации лексического состава татарского языка того времени этот словарь не утратил своего историко-лингвистического значения. В качестве иллюстративного материала в нем представлены различные пласты языка, в том числе язык фольклора, письменной литературы, живой разговорной речи. Два тома словаря охватывают лишь слова, начинающиеся с гласных и нескольких согласных букв. Остальные части словаря, к сожалению, так и не были изданы.

Богатый опыт и традиции татарской, русской и тюркской лексикографии были с успехом использованы татарскими лингвистами при дальнейшей работе над словарями.

Рецензируемый нами «Толковый словарь татарского языка» представляет собой результат многолетней работы сотрудников сектора языка (руководитель Л. Т. Махмутова) Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. Выход в свет данного словаря — знаменательное событие, отражающее экономическое, общественно-политическое и культурное развитие татарского народа, многообразие и богатство его языковых средств.

В словаре зафиксирован и обобщен лексический и фразеологический материал татарского языка, начиная с конца XIX века и до настоящего времени, раскрыты значения слов и оттенки этих значений, дана грамматико-стилистическая характеристика слов, показаны особенности словоупотребления.

Подготовительные работы, в частности, составление картотеки, были начаты еще в 1958 году, на основе сплошного картирования произведений классиков татарской литературы начала XX века, современных писателей, а также литературы, представляющей различные функциональные стили татарского языка. В настоящее время картотечная база словаря насчитывает свыше трех миллионов карточек. В 1964 году была издана Инструкция по составлению словаря³. Составление и редактирование трехтомного словаря (300 а. л.), охватившего свыше 42 тысяч слов и словосочетаний, было завершено к 1970 году.

Его основу составляет общеупотребительная лексика и фразеология современного татарского литературного языка. Вместе с тем в словарь включены просторечная и отчасти жаргонная лексика, этнографизмы, историзмы, широкоупотребительная терминология, диалектная лексика, широкоупотребительные неологизмы.

Авторы и редакторы сочли необходимым включить в словарь некоторые нерегулярные грамматические формы имен существительных, прилагательных, глаголов, отдельные affixes. Например, *алсу*, *бишәр*, *йөзәрләп*, *беленү*, *авырттыру*, *дөп-дөрес* и т. д.

В словаре использованы три способа толкования: описательный, синонимический и отсылочный, причем предпочтение вполне резонно отдается первому способу.

Значения слов четко определены, причем во многих случаях выделено до десяти и более значений слова, что, несомненно, способствует более полному раскрытию семантического богатства языка. Более десяти значений зафиксировано в словах: *исәп* (12 значений), *йөрү* (23), *дию* (16), *бәяләү* (12), *бәрү* (13), *биру* (36), *булу* (39), *аеру* (19), *алу* (32), *басу* (28), *баш* (16), *бер* (18) и т. д.

Каждому слову предпослана грамматическая и стилистическая характеристика, указывающая его принадлежность к определенной части речи, раскрыты отдельные его грамматические формы, типичные синтаксические функции, сфера употребления, эмоциональные оттенки и т. д.

Иллюстративный материал, приведенный, в основном, из художественной, а также общественно-политической, научно-популярной литературы, фольклора и учебников и т. д., способствует более точному раскрытию оттенков значений, а также демонстрирует сочетаемость отдельных лексических единиц друг с другом. Значения многих слов иллюстрируются пословицами, способными доходчиво раскрыть семантику данного слова: *Аксыргак... Аксыргак бар жирдә ат үлмәс* (стр. 36); *Актамыр... Актамыр атка булган үчен сабаннан алыр* (стр. 36); *Алпар... Алпарына күрә тулпары* (стр. 50); *Андыз... Егет үлар кыз-кыз дип, тәвә үлар тоз-тоз дип, ат үлар андыз дип* (стр. 58); *Балпан... Егет булсаң, балпандай талтың* (стр. 119); *Баса... Ата даны белән кыз китә, баса даны белән сүс китә* (стр. 128) и т. д.

В словаре богато представлена фразеология татарского языка, приведенная в качестве иллюстраций, особенно к словарным статьям: *ак* 'белый', *аяк* 'нога', *баш* 'голова', *бармак* 'палец', *бер* 'один', *ике* 'два' и т. д., в которых приводится более шестидесяти словосочетаний. Например, к слову *ике* даются следующие фразеологизмы:

Ике авыз сүз, ике авыз сүз белмәү, ике авыз сүз кайтарып әйтә алмау, ике авыз сүз (жәмлә) оштыра (жыеп әйтә, сөйли) алмау (белмәү) ике азал арасында адашу, ике адым да атлый (китә) алмау (өлгөрмәү), ике адым ыракта, ике адымлык жир, ике адымны бер итү, ике адымның берендә, ике азап әйтмәү, ике ара, ике арага кара мәче керү, ике арага керү (төшү), ике арада, бер турыда (йөрү); ике арада, бер турыда (калу), ике арада бетү (калу), ике арада йөрү, ике арада калу, ике арада киләп сару, ике арадан буш калу, ике араны шомарту, ике ат — бер тиен, ике атлам жир, ике аягын (ботын) бер кунычка (итеккә) тыгу, ике аягына бастыру, ике аяк идәндә, ике аякка (берьюлы) аксау, ике аяклы, ике куллы; ике аяклы бүре (елак, күсе, хайван, эт), ике аяклы хәсрәт (бәла, афәт), ике аякның бер(с)ен дә атламау, ике бармак арасына ит, үсмәү, ике бармак арасынан чагару, ике бармакта тоту, ике башлы кара кош, ике бозауга башак (кибәк) аера алмау (белмәү), ике бәрән (сарык) башы бер казанга сыймау, ике бәя (бәла, хак), ике дигәнче; ике дога, бер жир; ике (дә) үйламау, ике дә өч; ике дөнья — бер кыяр (морза, ұртасы камыр, тиен), ике дөньядан буш калган, ике инә бер жептә, ике имән бер төнтә (булу), ике исәп — бер исәп (хисап); ике кабып, бер йоту; ике каен арасында адаштыру, ике карбыз бер култыкка керү; ике килмәү, ике колагыңны дүрт жирдән тыгу, ике кул белән жил аулаучы, ике кула бер эш, ике кулга дүрт эш, ике кулга шәм тотып эзләү, ике

³ «Хәзерге татар әдәби теленәң аңлатмалы сүзлеген төзү инструкциясе». Казан, 1964, 60 стр.

куллап, ике кулны баглау (бәйләү), ике кулын да кую, ике кулсыз иту, ике кулсыз калу (булу, утыру), ике куян артыннан куу, ике куянын бер атуда егу, ике куянын берьюны ату (куу, тоту), ике көймәненң (куянының) койрыгын берьюлы тоту, ике күзе дүрт булу, ике күзе кебек, ике күзем (карасы, нуры), ике күзем чәчрәп чыксын, ике күзе төсле, ике күзе ут булу, ике күзен дүрт итеп, ике күзен дүрт итү, ике мәгънәле, ике сарылы, ике сыңар — бер кием, ике сөйләмәү (сөйләп тормау, сөйләшмәү), ике сөяк-сандырак, ике сүз, ике сүз арасында, ике сүз булмау, ике сүзгә урын калдырмау, ике сүздә, ике сүз белән, ике сүзле, ике сүзне кушып бер жәмлә тәртиб итә белмәү, ике сүзнең бере (н) дә ике сүз сөйләү, ике сүз әйттермәү, ике тамчы су кебек (шикелле), ике тиен — бер акча, ике тиен тормас(лык), ике тиенгә исәпләмәү, ике тиенлек; ике тирәк бер төптә, ике төймә бер жептә (булу); ике төпле; ике тәкә башы бер казанга сыймау, ике уртада (тору), ике ут арасында (эчендә), ике ут белән уйнау (шәяру), ике чабата — бер кием, ике шалкан — бер тиен; ике юл уртасы (чаты), ике якка да кушылмау, ике якка да юк, ике яклы, ике яклы (йөзле) пычак (пәке), ике яклы уен уйнау, ике ятып бер төшкә кермәү (уйламау), ике әйттермәү, ике әйтү, ике үгез башы бер култыкка сыймау, ике жирдә ике (ң) — дүрт, икенек бере, икесе дә бер базана төбен тантау, икесе дә бер очтан кискән, икесе — ике нәрсә; икесе — кешенеке, өчесе — күршенеке.

Большое внимание уделено отбору и толкованию устаревших слов — историзмов и архаизмов, которые иллюстрируются пословицами и примерами из художественной литературы. Довольно много представлено лексических единиц, отражающих обряды, обычаи, верования, мифологию татарского народа. Например: «БАРАБЫЗ *и. иск.* Авылдан килеп, шәһәр урамнарында артсыз чана белән кеше ташып йөрүче» (стр. 123); «АРЧИЛАУ *ф. этн.* Кызны кияү йортына арчи булып озата бару» (стр. 74); «ИРАБЫЛ *и. бор.* Алдан бару торган гаскәр; авангард» (стр. 405); «ИНЧЕ *и. иск. этн.* Хатынның үз ата-анасыннан бирелгән һәм гомер буге үз милкендә исәпләнгән аяклы малы...» (стр. 401); «ГУЖ. *и. 1. миф.* Дини мифологиядә: ахырзаманда Жир өстенә чыгып барлык азыкны ашап, суларны эчеп бетерергә тиешле, кеше кыяфәтендәге зур жан ниясе...» (стр. 280); «ДӨЛДЕЛ *и. миф.* Канатлы ат» (стр. 322) и т. д.

Особое следует отметить большое количество включенных в словарь звукоподражательных и парных слов: *зырылдау, гөрт-гөрт, гыр-гыр, гырлы-гырлы, былт-былт, гыж-гыж, голт-голт, га-га-га; гадәт-йола, ил-жир, ибе-ябе, бәрелә-сугыла, башлы-күзле, елаш-сыкраш, буын-буыннан* и т. д. В таком количестве эти элементы вводятся в словарь впервые.

Как указывалось выше, в словаре отведено определенное место той части диалектной лексики, которая потенциально может стать источником обогащения литературного язы-

ка (*буйдак, болдыр, ажаган, игәч* и т. д.), а также диалектным словам, зафиксированным и в языке художественной литературы (*зиңку, елавик, багу, бакрач, бәкәйләү, биага, бианай* и т. д.).

В первый том словаря вошли слова, начинающиеся с букв от А до Й. Многие звуки (В, Г, Д, Ж, З) в препозиции татарских слов почти или совершенно не встречаются, но широко употребляются в начале заимствованных слов арабо-персидского, западноевропейского, греко-латинского, русского происхождения. Поэтому в I томе словаря представлено довольно большое количество заимствованной лексики. Наряду с лексическими единицами, усвоенными через устную речь сравнительно давно и потому подчинившимися в своем звучании фонетическим закономерностям татарского языка (*азан, бүрәнә дарт, гармун, бүрәнкә* и т. д.), в словаре нашли отражение и заимствования, вошедшие в татарский язык в советское время в фонетическом оформлении языка-источника.

Как известно, язык произведений художественной литературы включает наряду с литературным и другие функциональные стили — научный, публицистический, официально-канцелярский и пр. Поэтому можно считать естественным включение в словарь и таких заимствованных слов, как *детектор, иллюзия, гальваноскоп, аккорд, блюминг, дифференциация, йодоформ, инкрустация, индивидуум, засада, запрос, египтология, графолог, визирлау* и т. д., которые, будучи употребительными в татарском языке, воспринимаются как «свои». Многие из этих слов усвоены из русского или через посредство русского языка.

Вероятно, результатом все большего распространения русско-татарского двуязычия следует считать включение в словарь таких слов, как *горком, горсовет, запрос, заметка, записка, заявление* и т. д., широко распространенных в разговорной речи и функционирующих параллельно с *шәһәр комитеты, шәһәр советы, мәкалә, язу, гариза* и т. д.

При включении некоторых заимствований целесообразно было бы давать более усвоенные формы. Например, сочетание *зачет книжкасы* (стр. 344) менее употребительно по сравнению с *зачет кенәгәсе, зачетка*; слово *бланманжи* (стр. 172) усвоено в форме *бламажи* (см. у Г. Камала); слово *бляха* (стр. 173) совершенно не усвоено языком, вместо него употребляется слово *аел*.

Одним из словообразующих средств в татарском языке является калькирование русских слов, что также нашло отражение в словаре (полные и частичные кальки). Особенно это касается широкоупотребительной терминологической лексики по различным отраслям знаний: зоологии, ботанике, лингвистике, публицистике, литературоведению, искусству, музыке, географии, общественным наукам и т. д. Например: *заговорчылык, зарурлык, зарарсызландыру, гомумилек, законлаштыру, азчылык, жугтылар, алишарт, агенты, бөтенлекле* и т. д.

Толковый словарь, вероятно, будет выполнять и нормативные функции. Составителями словаря это обстоятельство учтено, и он может быть использован и в этом качестве. Тем более, что краткий «Орфографический словарь татарского языка», изданный более тридцати лет тому назад, стал библиографической редкостью. В дальнейшем толковый словарь, несомненно, будет положен в основу большого татарско-русского словаря, к разработке которого уже приступили татарские лексикографы.

«Толковый словарь татарского языка» имеет не только практическое, но и чисто научное значение. Наряду с удовлетворением запросов творческой интеллигенции, издательств, редакций, учителей-словесников и широкого круга читателей материалы словаря могут быть использованы исследователями-лингвистами при решении проблем полисемии и омонимии, заимствований, двуязычия, фразеологии, исторической лексикологии, развития лексики татарского языка и т. д.

Отметим и некоторые неточности, допущенные в словаре, впрочем, неизбежные в столь капитальном труде, подготовленном большим коллективом составителей: оказались выпавшими отдельные, часто употребляемые

слова (*аглас, дифтонгоид, александрит, абстракционизм, дупль* и т. д.); не всегда отмечены все значения слов (например: *грация* — в значении «корсет», *гольф* — в значении «спортивная игра», *домино* — в значении вида «одежды», *дарэжэ* — в значении послеложного слова, *бастырма* — в значении «кулинарного блюда» и т. д.); иногда в грамматической и стилистической характеристике слова отсутствуют или неполны необходимые пометы (так, например, к слову *аннал* необходима помета об обязательном употреблении его во множественном числе; к словам *дуадак, елдырым, дучмак* и т. д. следовало дать помету «диал.»; к слову *ден* — помету «разг.»; к слову *ашык* — помету «ист.»). В словарь введены и несколько искусственные слова, употребление которых маловероятно, находящиеся на уровне окказионализмов (*запаслылык, бакалячы, бандерольлэп, алмазлану, ажгыр* и т. д.).

Указанные недочеты ни в коей мере не умаляют практического и научного значения «Толкового словаря татарского языка» в культурной и духовной жизни народа — достойного подарка лексикографов к 60-летию Великого Октября.

М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина

І. КЕҢЕСБАЕВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ФРАЗЕОЛОГИЯЛЫҚ СӨЗДІГІ.

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОРЛАР А. ЫСҚАҚОВ, К. ӨМІРӘЛИЕВ. ҚАЗАҚ ССР-нің
«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1977, 712 стр.

Выход в свет фразеологического словаря казахского языка — большое событие в казахском языкознании. Его составитель академик С. К. Кеңесбаев — старейшина языковедов республики, глубокий знаток фразеологии казахского языка, посвятивший ее собиранию и изучению более сорока лет жизни¹.

¹ Еще в конце 1930-х годов С. К. Кеңесбаевым была написана монография «Устойчивые словосочетания в казахском языке», защищенная им в качестве докторской диссертации в 1944 году. См. и другие фразеологические работы автора: І. Кеңесбаев. Қазақ тілінің идиомдары мен фразалары. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1946, №№ 1—2, 3—4; *его же*. «Жеті», «үш», «тоғыз», «қырық» — пен байланысты ұғымдар. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии», 1946, вып. 4; *его же*. Қазақ тіліндегі фразалық қос сөздер. — «Известия АН Казахской ССР. Серия лингвистическая», 1950, вып. 6; *его же*. О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке. — «Известия АН Казахской

Новый словарь — это фундаментальный труд, в котором толкуется более 10 000 фразеологических единиц казахского языка и приводятся о них дополнительные, крайне важные с научной точки зрения, сведения.

Казахский язык обладает обширным фразеологическим фондом, восходящим в своей основе к народным сказаниям и богатейшей

ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1954, вып. 1—2; *его же*. Еще раз о трансформированном повторе в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1961, вып. 1; *его же*. К вопросу об экспрессивно-стилистической функции фразеологизмов (на материале казахского языка). — В кн.: «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1968; *его же*. О природе казахских лексикализованных единиц с формой *-дай/-дей*. — В кн.: «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. 15—17 мая 1973, Маловские чтения (18 мая 1973 г.). Тезисы». Алма-Ата, 1973 и др.

фольклорной песенной традиции. В произведениях классиков казахской литературы, видных прозаиков и поэтов советского периода фразеологические единицы казахского языка отличаются стилистическим разнообразием и яркой выразительностью. Составитель словаря поставил перед собой цель отразить в словаре наиболее распространенные фразеологические единицы, раскрыть удивительную красочность фразеологизмов, используемых в художественной литературе, в периодической печати, в современной разговорной речи.

Словарь отражает историческое прошлое казахского народа — в нем приведены выражения, связанные с этнографией, бытом, психологией, поведением людей, их религиозными представлениями, основными хозяйственными занятиями.

В словарь включены многочисленные сочетания, являющиеся формулами речевого этикета, а также пословицы и поговорки.

Вводный раздел «О структуре и принципах построения словаря» (стр. 5—8) посвящен способам подачи фразеологических единиц в словаре, их вариантов и синонимов, а также фразеологизмов, компоненты которых выступают в определенных грамматических формах; здесь же говорится о диалектных и индивидуально-авторских фразеологизмах, о системе помет.

Десять тысяч фразеологических единиц, приведенных в словаре, расположены в алфавитном порядке. Вслед за фразеологизмом, напечатанным прописными литерами, следует стилистическая помета (строчными литерами в разрядку), затем (курсивом) толкование. Стилистическая помета способствует правильному пониманию и использованию в речи фразеологизмов. Кроме того, выделяются особыми пометами добрые пожелания и проклятия, формулы речевого этикета (слова приветствия, прощания, осведомления о самочувствии), что относится к специфике, отличающей данный словарь.

Предложенные автором толкования характеризуются ясностью, четкостью и в целом лаконичностью, но в необходимых случаях достаточно обширны. См., например, толкование фразеологизма: *Ulyñ ügymä (ürimge), quzyñ Quğymä şübyrsyn! (ketsin, zyt-syn)* 'Пусть сын твой отправится в Византию, а дочь в Крым!' (стр. 542—543). Здесь автор приводит пространное объяснение (по существу небольшое исследование), необходимое ввиду затемненной для современного читателя топонимической основы фразеологизма и необычной смысловой структуры проклятия.

Обычное средство раскрытия фразеологической единицы в Словаре — обозначение объекта (лица, бытового явления и т. д.), к которому может быть отнесено данное выражение. Это обозначение вводится посредством оборота... *turaly ajtylady* 'говорится о...', например: *Esigi tar, pejili tar, sarañ üj turaly ajtylady* (стр. 168) (говорится о скупом, о доме скупца). В иных случаях толкование име-

ет форму развернутого описания, каждый последующий компонент которого уточняет и развивает предыдущий. Это особенно касается образных фразеологизмов. Например: *Zajan žatyp, atty tüsip qarayandaj* (стр. 194) 'Удивительно изящный, привлекательный, очень красивый человек'. Встречаются также толкования-синонимы, не являющиеся фразеологическими единицами: *želke su dıal. bas arıqtayy su* 'вода головного арыка'.

Квадратные скобки служат раскрытию вариантной структуры фразеологизмов. Фонетические варианты (*ürimge*), синонимы (*ketsin, zyt-syn*) или слова, относящиеся к тождественной тематической группе, не меняют значения фразеологизма, а лишь образуют его варианты. Близкие, но не тождественные по значению исходным фразеологизмам синонимы, имеющие отличный от них лексический состав, также представлены в словаре (они отделяются от исходных фразеологизмов знаком ©). Синонимические фразеологические единицы трудно отыскать, так как они не повторяются в составе реестровых, означающих, например 'ты что, с ума сошел!?' (букв. 'Не съел ли ты уха бешеной собаки, волка?', 'Не выпил ли ты воды из поганого колодца?', 'Не съел ли ты мозга бешеной овцы?'). В статье *Qütyrğan ittiñ qılāyyn žedin be?* читатель встретит отделенные знаком © варианты: *Qütyrğan qas-qyrdyñ közin ojyp žedin be?* и *Qütyrğan qıdyqtan su iştin be?* или *Zyndy qojdyñ my-jyn žedin be?* (стр. 368), но не найдет последние три фразеологические единицы на соответствующем месте в общем алфавите. Вообще, в большинстве случаев фразеологизмы представлены в Словаре только по одному разу — в алфавитном ряду слов, с которых они начинаются. Отсылочные статьи отсутствуют.

Вызванное этим неудобство компенсируется в известной мере, с одной стороны, тем, что в казахском языке нет предлогов и фразеологические единицы начинаются всегда с полных слов, с другой стороны — отличным словоуказателем (о котором см. ниже). Но в некоторых случаях явные синонимы (или варианты) приводятся согласно алфавиту первых компонентов в разных местах Словаря, и обнаружить их смысловую близость (а, может быть, и тождество) бывает порой весьма затруднительно, если не невозможно. См., например: *El (kisi) betine qaraj almadı* 'Оказаться в неловком положении' (стр. 160) и *Kisi betine qarajady* (стр. 298). При этом варианты фразеологизма, обусловленные употреблением в одном случае *el*, в другом случае *kisi*, нашли отражение в Словаре, а варианты, обусловленные различием — *almadı (qarajady)*, остались незамеченными автором. См. также: *Muıy-ıynan (mürtynan, mürt astynan) küldi* 'Усмехнулся сквозь усы' (стр. 391). Варианты здесь представлены только один раз, они не выделены в самостоятельные статьи.

Вслед за толкованием помещен иллюстративный материал — цитаты из эпоса и других произведений фольклора, классиков казахской литературы, известных советских писателей и поэтов. Такая документация фразеологизмов вполне подтверждает их достоверность, свидетельствует об их распространении, употребительности в различных сферах речевой коммуникации. Составитель не оставляет без внимания и индивидуально-авторские преобразования нормативных фразеологических единиц — как смысловые [например: *Sülennen şöi tudy (tudyrdy)* 'От благородных людей иногда происходят неблагоприятные люди', приобретает в произведении Мухтара Ауэзова противоположное значение благодаря перестановке первых двух компонентов: *Sölden şülen tudy — tuşyzydy*], так и стилистические (возникающие в результате фонетической деформации отдельных компонентов, например: *Seregine de kelmejdı* 'В подметки не годится' вместо *Siregine de kelmejdı* — также у М. Ауэзова).

С. К. Кенесбаев анализирует и некоторые фразеологизмы, являющиеся продуктом словотворчества отдельных писателей и поэтов. См., например, встречающиеся у Абая фразеологическую единицу *Qoñır kördi* 'Смотрит сквозь пальцы', а также ряд других со стержневой лексемой *şıgek* 'сердце', которые Абай переосмысливает, вкладывая в них новые значения. Однако С. К. Кенесбаев очень строго отбирает индивидуально-авторские фразеологизмы. В Словаре нет выражений, далеких от живого народного языка, которым свойственно окказиональное употребление.

Однако в Словаре приведены некоторые вульгарные и даже бранные слова, что само по себе оправдано, ибо нет другого средства предоставить в распоряжение исследователей табуированную фразеологию.

Прав известный лексикограф К. К. Юдахин, который писал: «Этот вопрос обычно рассматривается с точки зрения русских переводов, а не подлинного значения их в данном конкретном языке» (см.: «Киргизско-русский словарь», 1965, стр. 8). К. К. Юдахин в свой словарь включил целый ряд вульгарных слов и выражений в виде самостоятельного реестрового слова с соответствующим иллюстративным материалом. При этом данные лексемы приведены в полной форме, без каких-либо сокращений (там же, стр. 431—432).

Весьма важным является вопрос о репрезентативности Словаря — о том, в какой мере он отражает фразеологический фонд казахского языка. Конечно, отразить полностью огромные богатства народной и книжной фразеологии не может ни один словарь. Необходимо выяснить, сумел ли автор рецензируемого труда отобрать наиболее ценное, распространенное, характерное для различных ситуаций общения. На этот вопрос следует ответить утвердительно. Автор, руководствуясь определенными теоретическими установками, отбирает из фразеологических серий наиболее яркие фразеологи-

ческие единицы, в компонентах которых в наибольшей степени ощущается семантический сдвиг, и избегает единиц редких, свойственных крайне узким сферам употребления. См., например, серию, образуемую существительным (прилагательным) *žez* 'медь' ('медный'): *žez aıyr, žez ajaq, žez būda, žez tañdaj, žez sauyt* и т. д., из которых в Словарь вошли только две единицы. Отбор фразеологических единиц для Словаря произведен достаточно жесткий, об этом говорит хотя бы то, что более трети фразеологических единиц, собранных автором, осталось не включенным в его труд.

Ряд трудностей, связанных с составлением Словаря, был обусловлен различием существующих взглядов на объект фразеологии, вариативность синонимия фразеологических единиц, признаки, отделяющие слово от сочетания слов.

В данном случае упомянутые трудности усугубляются еще и тем, что тюркская фразеология, как и фразеология вообще, находится фактически в начальном периоде своего развития. Взяться за составление большого фразеологического словаря казахского языка мог только опытный исследователь, имеющий свою точку зрения на каждую из спорных проблем. Фразеологическое сredo С. К. Кенесбаева четко обозначено в напечатанном за текстом Словаря теоретическом очерке «О фразеологизмах казахского языка» (стр. 589—621). Очерк содержит следующие разделы: «Фразеология казахского языка — самостоятельная научная дисциплина», «Фразеологизм и слово», «Фразеологизм и пословицы (поговорки)», «Фразеологическое целое и фразеологическое сочетание», «Некоторые стилистические особенности фразеологизмов», «Фразеологизм и архаичные слова», «Формирование фразеологического значения», «Благозвучие (эвфония) фразеологизмов», «Фразеологические кальки», «Фразеологизм и синонимия», «Фразеологизм и опорные (ядерные) слова», «Некоторые числительные в качестве опорных слов в составе фразеологизмов», «Некоторые грамматические свойства фразеологизмов, способы связи компонентов». Этот перечень показывает, что автор рассмотрел все главные проблемы современной фразеологии. Необходимо отметить, что при этом он в своих суждениях опирается на достижения советской школы фразеологии, учитывает (что весьма ценно) особенности отражения во фразеологическом материале строя тюркских языков и выдвигает ряд собственных оригинальных идей. В частности, правильными, как нам кажется, являются выдвинутые автором критерии фразеологичности: смысловая цельность сочетания (*maýna tutastyıy*), устойчивость сочетаемости (*tirket tyjanaqtylyıy*) и устойчивость употребления (*qoldanu tyjanaqtylyıy*) (стр. 590). В отборе фразеологизмов, включенных в Словарь, автор стремится следовать этим критериям, используя третий из них в основном лишь для многочисленных речевых формул, пожеланий и проклятий.

Пословицы же и поговорки включаются в Словарь только в том случае, когда входящие в их состав сочетания слов соответствуют первому критерию. См., например, на стр. 214 поговорку *Zürgep ajaqqa žörgem iliner* 'Кто делает попытку, тому кое-что перепадает' (иногда также «Попытка не пытка»), в которой сочетание *žörgem iliner* характеризуется сильной степенью смысловой трансформации.

Следующие далее материалы (стр. 622—641), на первый взгляд, не имеют отношения к фразеологии и не должны были бы входить в рецензируемое издание. Однако рассматриваемые здесь явления неотделимы от фразеологии казахского языка по условиям речевого употребления, связаны с ней единой культурной традицией. В Приложении № 1 («О метках и тамге») приводятся сведения в историческом плане (от тамги орхоно-енисейского периода до тамги казахских родов XIX века), снабженные иллюстрациями, а также обширная библиография. В Приложении № 2 («Об обычаях исчисления месяцев») речь идет о соответствиях принятому ныне месячному календарю в арабской традиции, в древней казахской традиции (представленной в различных географических регионах Казахстана) и в системе знаков Зодиака. Приложение № 3 («О летосчислении») содержит интересные данные о древнейшем казахском летосчислении по двенадцатилетнему циклу. Приводятся также таблицы соответствия годам двенадцатилетнего цикла в летосчислении хиджры в современном европейском календаре.

Издание завершается списком источников (более 550 названий, стр. 642—646), словоуказателем (стр. 647—699) и списком фразеологизмов (около 800, стр. 700—711), собранных автором уже после сдачи Словаря в печать и потому не полностью истолкованных. Особого упоминания заслуживает сло-

воуказатель, ибо существующие фразеологические словари различных языков не имеют подобного приложения. Между тем оно позволяет быстро получить справку о наличии или отсутствии фразеологизма, включающего в свой состав тот или иной компонент, а главное — судить о лексическом составе фразеологии казахского языка в целом, о ее самобытности (выражающейся, например, в огромном числе соматизмов² и наименований домашних животных) и чертах, сближающих ее с фразеологией других тюркских и нетюркских языков. Таким образом, словоуказатель оказывается незаменимым подспорьем для исследователей казахской и тюркской, сопоставительной и общей фразеологии.

По своему объему, тщательности разработки фразеологизмов Словарь С. К. Кенесбаева стоит в ряду наилучших образцов фразеографии, изданных в Советском Союзе и за рубежом, и, несомненно, явится ценным источником для будущих фразеологических исследований, а во многом и образцом для создания подобных словарей по другим тюркским языкам, что было единодушно отмечено республиканской прессой.

М. М. Копыленко, Ш. Ш. Сарыбаева

² См., основанные на сопоставлении рецензируемого словаря, Словаря под редакцией А. И. Молоткова и Словаря А. В. Кунина, данные о насыщенности соматизмами фразеологии казахского, русского и английского языков в диссертации: *К. Дуйсетаева*. Семантико-стилистическая характеристика особенностей казахских фразеологизмов (на материале перевода романа-эпопеи М. Ауэзова «Абай жолы» на русский и английский языки). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1977, стр. 11—12.

«ТҮРКМЕН ДИЛИНИҢ ГРАММАТИКАСЫ. II БӨЛҮМ. СӨЗ ДУЗҮМИНИҢ ВЕ ЙӨНЕКЕЙ СӨЗЛЕМИҢ СИНТАКСИСИ».

Б. ЧАРЫЯРОВЫҢ ВЕ Г. САРЫЕВИҢ РЕДАКЦИЯСЫ БИЛЕН.
«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ. АШГАБАТ, 1977, 280 стр.

В туркменской лингвистике многие вопросы синтаксиса, в отличие от другого раздела грамматики — морфологии, по сей день остаются малоразработанными. Поэтому каждое новое исследование синтаксического

строения туркменского языка встречается языковедами с особым интересом.

Первая часть «Грамматики туркменского языка. Фонетика и морфология», написанная коллективом ученых Института языка и

литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР на русском языке, вышла в свет еще в 1970 году под редакцией Н. А. Баскакова, М. Я. Хамзаева и Б. Чарырова.

Рецензируемая работа завершена в 1960 году, но, как отмечается в предисловии (стр. 6), по независящим от авторов обстоятельствам до настоящего времени она не была опубликована.

Над ней работал коллектив авторов: А. Боржаков («Главные члены»), Т. Тачмурадов («Однородные члены»), Б. Ходжаев («Второстепенные члены»), М. Худайкулиев («Классификация предложений по их смыслу»), М. Чарыев («Сведения о простом предложении»), «Слова, грамматически не связанные с членами предложения») и Б. Чарыров («Словосочетания»).

Данная работа в свою очередь также состоит из двух частей. Первая часть (стр. 7—128) посвящена всестороннему анализу словосочетаний в туркменском языке. Словосочетания рассматриваются в соотношении со словом и предложением, здесь сопоставляются простые и сложные, свободные и устойчивые, именные и глагольные словосочетания, анализируются типы связей их компонентов (примыкание, согласование, управление) и другие вопросы, связанные с атрибутивными, релятивными и объективными сочетаниями слов.

Вторая часть монографии (стр. 129—279) посвящена синтаксису простого предложения. В соответствующих разделах рассматриваются: главные и второстепенные члены предложения и выражение их различными частями речи; однородные члены предложения; типы предложений (повествовательное, вопросительное, восклицательное, личное, безличное, обобщенно-личное, неопределенно-личное) и другие вопросы синтаксиса.

В соответствии с традицией туркменского языкознания второстепенные члены предложения подразделяются на дополнения и определения, термин же *ахвалат* 'обстоятельство' отсутствует, однако описание обстоятель-

ства подробно приводится в разделе о дополнениях.

В отличие от вузовского учебника по синтаксису, *дополнение причины и цели*¹ рассматривается отдельно как *дополнение причины* (стр. 193—194) и *дополнение цели* (стр. 191—193), то есть содержание этих грамматических понятий четко разграничивается. В работе намечены и новые аспекты изучения синтаксиса простого предложения в туркменском языке.

Монография разработана на основе богатого фактического материала, почерпнутого из произведений туркменской художественной литературы, фольклора, прессы и других источников. Работа выполнена в целом на высоком научном уровне и отвечает современным требованиям. Отметим некоторые частные замечания: словосочетания иногда представляются предложениями типа: *чалы овуртлады, чельче билен овуртлады* (стр. 14), однако правильнее были бы, на наш взгляд, формы: *чалы овуртламак, чельче билен овуртламак*. В разделе «Сведения о простом предложении» автор утверждает, что самостоятельно употребленные отдельные слова-ответы должны расцениваться как предложения. В том же случае, если за этими словами-ответами следуют поясняющие их слова, то они не могут выступать как предложения (стр. 131). С нашей точки зрения, это недостаточно аргументированное утверждение.

Отмеченные и некоторые другие частные упущения не могут, конечно, умалять бесспорных достоинств столь капитального труда, представляющего еще один значительный шаг туркменской лингвистической науки на пути к созданию академической грамматики туркменского языка.

А. Мурадов, М. Соегов

¹ «Хэзирки заман туркмен дили. Синтаксис». (Под редакцией П. Азимова, М. Н. Хыдырова и К. Сопиева). Ашгабат, 1962, стр. 148—154.

Д. С. НАСЫРОВ. СТАНОВЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА

ИЗД-ВО «КАРАКАЛПАКСТАН», НУКУС—КАЗАНЬ, 1976, 399 стр.

Новая работа видного каракалпакского ученого-языковеда Д. С. Насырова посвящена одной из актуальных задач каракалпакского языкознания — исследованию путей становления каракалпакского общенародно-

го разговорного языка и его диалектной системы.

Объектом исследования монографии являются диалекты каракалпакского языка, изучаемые в синхронном и диахронном срезам, с

привлечением данных письменных памятников и живых родственных тюркских языков с целью прослеживания процесса формирования и развития диалектной системы каракалпакского языка, установления ее структурных особенностей и, в конечном счете, для описания истории становления и развития каракалпакского общенародного языка.

Если учитывать то обстоятельство, что древняя история формирования и развития каракалпакского языка, его своеобразная диалектная система и взаимоотношения с древними и некоторыми современными тюркскими языками до сих пор не изучались в историко-лингвистическом плане, то актуальность выбора данной темы становится очевидной.

Еще в 30-е годы С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов, Н. А. Баскаков, сравнивая некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности каракалпакского народно-разговорного языка и его диалектов с данными булгарского, печенежского, огузского и кыпчакско-половецкого языков, пришли к заключению, что каракалпакский язык, с этой точки зрения, представляет значительный интерес для исследователей.

Как известно, каракалпакская диалектология ныне является одной из ведущих областей каракалпакского языкознания, возникшего и сформировавшегося в советское время. Ныне актуальные вопросы каракалпакского языка разрабатываются в тесной связи с социально-экономическими и историко-культурными процессами развития каракалпакского народа, с учетом новейших достижений в области теории и методологии советской лингвистической науки, в том числе и в первую очередь — советской тюркологии.

В своей книге Д. С. Насыров, исследуя фонетические, грамматические и лексико-семантические особенности диалектов каракалпакского языка в сравнительно-историческом плане, всесторонне анализирует процесс возникновения, становления и развития каракалпакского общенародного языка и его диалектной системы.

В первой главе работы освещена история изучения каракалпакского языка и его диалектов, а также предложена периодизация этапов его развития.

Первый период (30-е годы) — это время изучения диалектов и говоров каракалпакского языка для практических целей, для установления диалектной базы, создания письменности и разработки основ фонетики и грамматики и т. д. Каракалпакское языкознание 30-х годов своим становлением во многом обязано трудам таких ученых, как С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов, Н. А. Баскаков, А. А. Соколов и др.

Вторым периодом, для которого характерно окончательное становление и дальнейшее развитие каракалпакской диалектологии как самостоятельной отрасли каракалпаковедения, являются 60-е годы. Пред-

посылкой для этого стал капитальный труд Н. А. Баскакова¹.

Благодаря тесному сотрудничеству ведущих тюркологов страны и каракалпакских лингвистов достигнуты определенные успехи в разработке актуальных проблем диалектологии, исследовании диалектов и говоров, распространенных на территории автономной республики и за ее пределами.

Во второй главе «Историко-лингвистические сведения о предках каракалпаков и об их языке» рассмотрены основные этапы этногенеза каракалпакского народа на основе историко-этнографических и лингвистических данных.

По мнению С. П. Толстова, предками каракалпаков были сако-массagetские племена Приаралья, прежде всего племя апасианов (или «водных, речных саков»), обитавших в Южном Приаралье в VII—II веках до нашей эры, а также племя аугасиев из низовьев Сырдарьи. Эти древнейшие из известных в настоящее время науке обитатели Южного Приаралья говорили на языках, входящих в индоевропейскую языковую семью (восточную группу иранских языков).

Языки древнейших дотюркских обитателей Приаралья, как и язык раннесредневековых ираноязычных хорезмийцев, явились субстратом для языков, сформировавшихся здесь позднее раннесредневековых тюркоязычных народов.

Начиная с I века до нашей эры, в среду алано-массagetских племен стали проникать с востока — из Семиречья — хуннские племена, и в IV веке нашей эры в низовьях Сырдарьи образовалось гунно-аланско-массagetское варварское государство кидаритов-эфталитов со смешанными культурой и языком. В связи с образованием Западно-тюркского каганата и вхождением в его состав Приаралья в VI веке начинается интенсивный приток на эту территорию тюркских племен, что приводит к постепенной тюркизации эфталитских племен. Таким образом, древнейший этап этногенеза каракалпакского народа, по утверждению историков, характеризуется взаимодействием и смешением в Приаралье указанных местных и пришлых этнических компонентов.

Д. С. Насыров считает, что огузам Приаралья принадлежит существенная роль в этногенезе каракалпаков, и доказывает это на материале каракалпакской родоплеменной структуры, народных преданий, а также с помощью сравнительного анализа элементов материальной культуры туркмен и каракалпаков — сходства орнаментов вышивок, ювелирных украшений, покроя одежды, близости музыкальных мелодий и т. п.

Автор анализирует языковые явления, свидетельствующие о значительной роли огуз-

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951; *его же*. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология. Часть первая (части речи и словообразование). М., 1952.

ских компонентов в этногенезе каракалпаков.

Как отмечает П. П. Иванов, в специальной литературе существует определенное мнение и о непосредственном родстве современных каракалпаков со средневековыми печенегами, получившими после смешения с другими племенами название «черных клобуков» в Киевской летописи XII века.

Синтезируя историко-этногенетические сведения, данные языка средневековых печенежских, огузских и кыпчакских памятников и диалектные данные каракалпакского языка, автор приходит к выводу, что процесс формирования каракалпакского народа и его языка начался благодаря этническому, языковому и культурному сближению и слиянию отдельных родственных племен кыпчакско-ногайской общности, объединившихся вокруг каракалпакского конгломерата племен. Основу этого союза составили племена, называвшиеся в русских летописях «черными клобуками» и «кара бөркли», «кауми-кулахи-сиях» в трудах восточных авторов XIII—XIV веков. Этот процесс, вероятно, начался еще в период создания общностей черноклобуцких племен на территории Киевской Руси, продолжался затем во время образования кыпчакско-половецких и кыпчакско-ногайских племенных объединений до окончательного сформирования и выделения каракалпаков, известных с конца XVI века как отдельный народ со своими сложившимися общенародным языком и культурой, обитающий на Нижней Сырдарье (в окрестностях города Сыгнака) среди кочевых и полукочевых тюркских народов Приаралья.

На основе сравнительного изучения фактов каракалпакского, казахского и ногайского языков автор доказывает, что, хотя они во многом наследовали языковые особенности кыпчакских языков и развивались в среде кыпчакского племенного объединения, начиная с XI—XII веков, в каракалпакском народно-разговорном языке и его диалектах, в отличие от казахского и ногайского, обнаруживаются следы языка огузско-печенежских племен.

Таким образом, каракалпакский общенародный разговорный язык, возникший на базе печенежско-огузских и кыпчакских племенных языков, окончательно оформился в XVI веке.

Вопросы каракалпакского общенародного разговорного и литературного языка, его диалектное членение, структура, фонетико-морфологические и лексические особенности рассматриваются в четвертой и пятой главах монографии.

В результате многолетнего исследования диалектной системы каракалпакского общенародного разговорного языка автор выделяет два территориальных диалекта — северный и южный, имеющие фонетические, морфологические и особенно лексические различия. В свое время Н. А. Баскаков выделил

в составе каракалпакского языка северо-восточный и юго-западный диалекты².

По классификации Д. С. Насырова, в состав северного диалекта каракалпакского языка, распространенного в северных районах республики, входят переходный говор узбеков-аральцев и муйтенский говор, единственный, связанный с языком бывшего родоплеменного объединения и имеющий лишь небольшие фонетические и лексические особенности.

Южный диалект, охватывающий территорию южных районов Каракалпакии, включает в себя бухарский переходный говор каракалпаков, еще не вполне обособившийся.

Д. С. Насыров впервые выделил в составе северного диалекта каракалпакского языка самостоятельный говор — муйтенский. Автор считает, что этот говор, обладающий отличительными признаками северного диалекта, имеет в то же время некоторые собственные специфические лексико-семантические и фонетические особенности. Характерным признаком фонетики данного говора являются типы ассимиляции *нн* < *нл*: *күннер* вместо *куллер* 'дни'; *жинни* вместо *жилли* 'сумасшедший'. Переход *нл*, *лл* > *нн* — устойчивый признак муйтенского говора. Кроме того, имеются некоторые специфические черты в области лексики и семантики: 1) употребление определительного местоимения *гулуу* или *гулууун* 'весь, все'; 2) семантические особенности в употреблении некоторых терминов родства: *аке* 'дед, бабушка' вместо *ата* (непосредственное обращение к старшему, почтенному человеку), *аже* 'старшая сестра' вместо *ажепа* (непосредственное обращение к родной старшей сестре) и т. д.

Автор особо выделяет изолированные говоры каракалпакского языка, носителями которых являются каракалпаки, проживающие в Узбекистане и Казахстане. Первая группа изолированных говоров, распространенных среди ферганской, самаркандской и ташкентской групп каракалпаков, уже входит в состав джекающего или кыпчакского диалекта узбекского языка, тогда как вторая группа говоров, распространенных среди астраханской, уральской и туркестанской групп каракалпаков, может предположительно рассматриваться в составе западной и южной групп говоров казахского языка.

Исследование Д. С. Насырова является заметной вехой в истории изучения диалектов и говоров каракалпакского языка, а также путей становления каракалпакского общенародного разговорного языка, его диалектной системы, оно содержит также ценные историко-лингвистические сведения о предках каракалпаков и их языке.

Работа Д. С. Насырова, несомненно, привлечет внимание всех тюркологов-диалектологов.

У. Д. Доспанов

² Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 3—5.

З. И. БУДАГОВА, Ш. М. СААДИЕВ, А. К. АЛЕКПЕРОВ. САМОУЧИТЕЛЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «ЭЛМ». БАКУ, 1977, 206 стр.

Сотрудниками Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР создан «Самоучитель азербайджанского языка». Книга написана с привлечением существующей научной литературы в этой области, с использованием методического опыта лучших самоучителей других языков. «Самоучитель азербайджанского языка» предназначен для владеющих русским языком. В предисловии сообщаются краткие сведения об азербайджанском языке и изменениях, вносившихся в азербайджанский алфавит. Книга состоит из двух частей.

Первая часть, включающая десять уроков, знакомит читателя с фонетическими и морфологическими свойствами слова как основной предкоммуникативной языковой единицы. В краткой и доступной форме описывается морфемный состав азербайджанского языка, дается характеристика его гласных и согласных, типов слогов, ударения, чередования звуков. Артикуляционная классификация азербайджанских звуков сопоставляется с артикуляцией русских фонем, и это, несомненно, способствует усвоению материала. Все излагаемые положения иллюстрируются примерами.

Характеристика специфических звуков азербайджанского языка, а также сведения о паузе, ритмико-мелодических компонентах (10-й урок), безусловно, заслуживают одобрения.

В целях совершенствования последующих изданий самоучителя выскажем некоторые пожелания.

1. Целесообразнее было бы в десяти начальных уроках охарактеризовать именно специфические для азербайджанского языка (а не общие с русским) звуки и формы, в которых они употребляются. Это устранило бы некоторые неточности (стр. 18—23).

2. Желательно, чтобы в переводах адекватное выражение получали абсолютные лексические омонимы и была указана их принадлежность к частям речи. Так, например, слово *jaz* должно быть отмечено не только в значении «весна», но и в значении повелительного глагола «пиши»; *duz* 'равнина, ровный, прямой, правильный' и *duz* 'называй'; *tut* 'лови, держи, хватай' и *tut* 'ягодка тутового дерева, шелковицы' (стр. 26); *gyr* 'разбей, расколи' и *gyr* 'кир'.

Приведенные омонимы относятся к разным частям речи (существительному и глаголу), а нижеследующие омонимы являются существительными, то есть относятся к одной и той же части речи: *gash* 'бровь' и *gash* 'камень в кольце, в перстне' (стр. 37); лексико-грамматический омоним: *gazan* 'кастриоля' и *gazan* 'зарабатывай' (стр. 37); грамматический омоним *uzum* 'мое лицо' и *uzum* 'я сорву' (стр. 30).

Упражнения, относящиеся к этой части, подобраны удачно, они просты и доходчивы. Одним из интереснейших подразделов вводной части является тот, в котором приведен наряду с подстрочным также и поэтический перевод стихов.

Следует отметить ряд достоинств грамматической (основной) части книги:

1. Все приведенные иллюстративные тексты способствуют усвоению грамматического материала: методические указания, упражнения, дополнительные задания, первоначально простые и доступные, постепенно усложняются.

2. В упражнениях второй части книги учитываются лексические познания изучающих азербайджанский язык, структурно они также даны от простого к сложному. Тексты не только способствуют расширению запаса слов изучающего, но и создают представление о богатой азербайджанской литературе и культуре. Полагаем, что это также имеет значение при изучении языка. Весьма интересные тексты о Закатальском заповеднике, о Н. Нариманове, Дж. Джабарлы, Самеде Вургуне, Уз. Гаджибекове, Ханларе, Мир Джалале, приведенные к урокам X, XV, XIX, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, информируют читателя о ряде фактов истории, этнографии, литературы и искусства Азербайджана.

3. Лексические единицы, используемые в грамматическом материале и упражнениях, подобраны, с научной точки зрения, целесообразно. Наряду с экзотической бытовой лексикой используется и терминология. Следует отметить доступность изложения, а также структурное соответствие грамматического материала и иллюстрирующих его примеров. Грамматические толкования учитывают словарные возможности обоих языков.

4. В конце книги даются образцы устного народного творчества: пословицы, поговорки, народные четверостишия, анекдоты о Молле Насреддине, а также широко распространенные в языке и нередко самостоятельно используемые фразеологические единицы и словосочетания. Метод подачи материала активизирует читателя и делает книгу еще более интересной.

Наряду с указанными достоинствами самоучителя отметим и следующие, нуждающиеся в исправлении, недочеты:

1. В § 8 IV урока, посвященного личным местоимениям, наряду с местоимениями 3-го лица *o*, *onlar* 'он, они', указательные местоимения *bu*, *bunlar* 'этот, эти' также представлены как личные, ибо нигде не оговаривается, что последние местоимения, выполняя в тексте синтаксическую функцию подлежащего, хотя и отвечают на вопрос «кто?», однако не являются личными.

2. В IV уроке следовало бы указать, при каких обстоятельствах аффиксы множест-

венного числа употребляются таким образом, как это показано в приведенных примерах, ибо обычно они присоединяются к корню или основе. При выполнении ситуативно-стилистической функции аффиксы вносят в текст стилистическую окраску, например: *Сиз дэрзилэрсиниз* 'вы портные'; *биз тохучуларыз* 'мы ткачи'; *сиз курчулэрсиниз* 'вы грузины'; *онлар дэрзилэрдир* 'они портные' и т. д. В связи с этим следовало бы объяснить случаи использования аффиксов *лар*, *лэр* (стр. 64, 65, 67) и уточнить грамматическое истолкование материала в § 9.

3. В V уроке материал § 2 следовало бы объяснить ранее, так как, не зная перевода встречающегося в тексте отрицательного слова *дејил*, невозможно понять последующего изложения.

4. В § 12 VI урока имеются неточности. Так, например, при объяснении аффиксов принадлежности в скобках отмечается, что в русском языке таковые отсутствуют. Следовало бы указать, что в азербайджанском языке аффиксы принадлежности соответст-

вуют по содержанию русским притяжательным местоимениям (стр. 74).

5. В § 19 IX урока нужно было дать грамматическое истолкование категорий определенности и неопределенности, ибо предложения *Матвејдэ китаб вар* и *Матвејин китабы вар* — переводятся на русский язык одинаково: «у Матвея есть книга».

6. В самоучителе дается перевод азербайджанских слов безотносительно к контексту. Было бы, однако, желательно, чтобы в скобках указывалось значение слов именно в данном контексте или ситуации, и лишь затем приводились их номинативные значения, например: *көтүрүн* 'берите' (здесь), 'возьмите', 'поднимите' (стр. 87); *тəмизләmək* 'прибрать' (здесь), 'почистить' и т. д.

Все высказанные нами замечания носят характер пожеланий для учета в последующих изданиях самоучителя и нисколько не умаляют несомненной значимости этой нужной и полезной книги.

З. А. Ализаде

HAҲRIYE MEMOVA-SÜLEYMANOVA. TÜRK DİLİ SESBİLGİSİ.

SOFYA, 1976, 232 стр.

Рецензируемая книга Хайрие Мемовой-Сулеймановой «Фонетика турецкого языка» включает три части: I. Введение (стр. 5—42), II. Фонетика (стр. 43—153), III. Письмо и орфографические правила (стр. 154—180). К книге приложены: турецко-болгарский (стр. 181—196) и болгарско-турецкий (стр. 197—211) словари фонетических терминов; библиография (стр. 215—223); заключение.

Каждая часть состоит из разделов. «Введение» включает следующие пять разделов: 1. Язык. 2. Языки мира. 3. Тюркская семья языков. 4. Турецкий язык. 5. Исследования по тюркским языкам в Советском Союзе, Турции, европейских странах и Болгарии.

Вторая часть книги «Фонетика» включает четырнадцать разделов, третья «Письмо и орфографические правила» — два.

Во «Введении» рассматриваются общие вопросы языкознания, в частности тюркской филологии, не имеющие непосредственного отношения к теме книги. В меньшей мере это замечание относится к первым пяти разделам второй части (1. Предмет и задачи фонетики, 2. Физиологическая сторона звуков, 3. Основные понятия по акустике, 4. К фонеме и теории фонем, 5. Классификация звуков речи), составляющим

вместе с «Введением» примерно четвертую часть (77 стр.) общего объема книги.

Такая структура не случайна, ибо в «Предисловии» сама автор указывает, что книга задумана как учебник для студентов отделения турецкой филологии при кафедре западных языков факультета западных филологий Софийского университета «Климент Охридски».

Большой интерес для специалистов-тюркологов представляют разделы, посвященные непосредственно звуковому строю турецкого языка, составляющие основное ядро рецензируемого исследования. К ним относятся 6—14-й разделы второй части, в которых анализируются гласные (стр. 78—90) и согласные (стр. 91—105), дифтонги (стр. 106—107), длительность гласных (стр. 108—109), изменения звуков (стр. 116—129), сингармонизм (стр. 130—138), а также слог (стр. 110—115), ударение (стр. 140—149), пауза и интонация (стр. 150—153).

Известно, что турецкий вокализм классифицируется по трем артикуляционным признакам: по горизонтальному положению языка в полости рта при произношении, по вертикальному положению языка и по положению губ. Хотя в разных исследованиях эти признаки обозначаются различными

терминами (у А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна, М. Эргина и др.), это не меняет симметричную и весьма строгую систему гласных фонем турецкого языка, остроумно представленную известным французским тюркологом Ж. Дени в виде куба.

Упомянутые признаки, положенные в основу классификации турецких гласных, Х. Мемова-Сулейманова дополняет еще двумя: характеризующими подъем и опущение языка (*dilin yükseliş alçalmasına göre*) и положение мягкого нёба (*yumuşak damağın oynadığı yola göre*). В соответствии с первым из этих признаков, гласные турецкого языка подразделяются на высокие (*yüksek*) и низкие (*alçak*), а в соответствии со вторым — на ротовые (оральные, по-турецки *ağız*) и носовые (назальные, по-турецки *geniz*).

Как утверждает автор, в турецком языке носовые гласные отсутствуют. Высокими гласными являются *i, ü, t, u*, низкими — *e, ö, a, o*, полностью соответствующие открытым (*açık, geniş*) и закрытым (*kapalı, dar*) звукам. Таким образом, новое в классификации Х. Мемовой-Сулеймановой имеет скорее не лингвистическое, а методическое значение.

Согласные классифицируются ею по четырем признакам: 1) по способу образования (*ses yolunun tam olarak kapalı veya daralmış bulunmasına göre досл.* «по полному закрытию или же по сужению прохода звука»); 2) по работе голосовых связок (*bogumlanmaları sırasında ses dudaklarının durumuna yani titreşimli veya titreşimsiz oluşlarına göre досл.* «по положению голосовых связок в момент образования звука, то есть вибрирующие и невибрирующие»); 3) по месту образования (*bogumlanma yerlerine göre*) и 4) по образованию шума и голоса (*bogumlanma sırasında gürültü veya tonun decesine göre*), что в известной мере перекликается с классификацией М. Эргина¹. Однако у М. Эргина отсутствует признак «сонорный — шумный», тогда как у Х. Мемовой-Сулеймановой нет признака «оральный — назальный». По наш взгляд, последний для оппозиции турецких согласных *n* и *l* является существенным. Таким образом, при классификации согласных положением мягкого нёба не следовало бы пренебрегать.

Ударение — один из сложных вопросов фонетического строя турецкого языка. Как справедливо отмечает Х. Мемова-Сулейманова, характер и место турецкого ударения уже давно стали объектом различных толкований тюркологов. Этим вопросом занимались И. Кунош, К. Нильсен, М. Ряснен, Т. Бангуоглу, Т. Н. Генджан, М. Тансу и др.

О характере и месте ударения в турецком языке высказывали свои точки зрения и советские тюркологи. По мнению А. Н. Кононова, одного из лучших советских знатоков турецкого языка, «словес-

ное ударение в турецком языке является музыкально-силовым...»². По поводу места турецкого ударения он пишет: «Словесное ударение в отдельно взятом турецком слове в отношении своего места является относительно связанным, так как обычно тяготеет к концу слова»³.

Это мнение разделял и автор «Фонетики турецкого литературного языка» Э. В. Севортян: «В турецком языке ударение является преимущественно экспираторным или динамичным. Помимо него, в слове имеется также музыкальное или тоническое ударение»⁴. Э. В. Севортян высказал и другое тонкое наблюдение: «Экспираторное ударение в турецком слове представляет довольно сложную картину. Помимо главного, в слове имеются еще и второстепенные экспираторные ударения. Второстепенные ударения распределяются в слове неравномерно и допускают значительные колебания. Механизм явлений редукции и стяжения, а также накопленные слуховые наблюдения позволяют выделить среди второстепенных ударений наиболее слабые из них, которые приходится на пред- и заударные слоги основы или наращенной формы»⁵.

Основываясь на высказываниях советских тюркологов, автор рецензируемой книги довольно подробно описывает акцентуационную систему турецкого языка, включая в эту систему все основные виды ударения: силовое ударение (*baskı vurgusu*), музыкальное ударение (*perde vurgusu*), свободное ударение (*serbest vurgu*), устойчивое ударение (*sabit vurgu*), рецессивное ударение (*gelirek vurgu*), главное ударение (*ana vurgu*), второстепенное ударение (*ikincil vurgu*), трехстепенное ударение (*üçüncül vurgu*), фразовое ударение (*öbek vurgusu*), ритмическое ударение (*ahenk vurgusu*) и другие, учитывая при этом специфику книги-учебника.

Определенный интерес представляют разделы, посвященные дифтонгам и длительности гласных.

Х. Мемова-Сулейманова сообщает общие сведения о дифтонгах. По ее мнению, в турецком языке истинных (*asıl*) дифтонгов нет. В нем встречаются только ложные «фонетические» (*fonetik*) дифтонги. Такая ориентация автора полностью соответствует утвердившейся в тюркологии традиционной точке зрения (А. Н. Кононов, Э. В. Севортян, Т. Бангуоглу, М. Эргин). Между тем некоторые примеры, приведенные Э. В. Севортяном, Х. Мемовой-Сулеймановой кажутся неубедительными. Автор книги считает, что в приведенных Э. В. Севортяном словах, произносимых, по его мнению, с восходящими дифтонгами (*bol-*

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 51.

³ Там же.

⁴ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 130.

⁵ Там же, стр. 131.

¹ Muharrem Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, стр. 44—47.

lua, boaz, kögrüe и т. д.), в народно-разговорном языке в действительности звучат скорее долгие гласные (bollā, bāz и др.). Отстаивая свою точку зрения, Х. Мемова-Сулейманова приводит в качестве аргумента тот факт, что зияние гласных для тюркских языков не характерно (стр. 107).

Она считает, что в турецком языке нет и долгих гласных фонем. Появление их в литературном языке — результат диерезы, например, bağlamak > bālamak, ağlamak > ālamak и т. д. В то же время она не отрицает и того обстоятельства, что «в некоторых словах длительность гласного приводит к семантическим различиям: adet 'число, количество',

adet 'обычай', kesir 'дробь', kesir 'многочисленный', hala 'тетка', hāla 'все еще'» (стр. 109).

Интересны разделы, посвященные вопросам слога и интонации, а также третья часть книги, в которой достаточно четко описаны вопросы графики и орфографии.

В заключение следует сказать, что книга Х. Мемовой-Сулеймановой является не только хорошим учебным пособием, но и интересным научным исследованием в области фонетики современного турецкого литературного языка.

А. Ахундов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ПРОБЛЕМА СВЯЗЕЙ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ»

1—3 февраля 1978 года в Новосибирске в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР проводилась конференция «Проблемы связей в сложном предложении в языках разных систем», организованная Отделом языков народов Сибири. Конференция прошла по трем секциям: алтаистики, русистики, германистики. С докладами выступали сотрудники и аспиранты Института истории, филологии и философии и кафедры иностранных языков Сибирского отделения Академии наук СССР, преподаватели и аспиранты университетов и институтов Новосибирска, Иркутска, Тюмени, Воронежа, Магнитогорска и др.

Работа алтайской секции открылась докладом *М. И. Черемисиной* «Основные типы связи частей в конструкциях алтайского бессоюзного гипотаксиса». Проанализировав понятие «бессоюзие», бытующее в европейском и алтайском языкознании, *М. И. Черемисина* показала, что традиционное представление о бессоюзии как отсутствии аналитического показателя связи (союза или союзного слова), правомерное для индоевропейских языков, неприемлемо для языков алтайского типа. Поэтому для оценки предложения с точки зрения его простоты — сложности докладчиком были предложены другие критерии: 1) оформление предикатов в каждой из частей (финитность — инфинитность глагольной формы, которая является сказуемым в данной части предложения); 2) наличие — отсутствие отдельного субъекта действия в каждой из частей конструкции.

М. И. Черемисина отметила непоследовательность традиционного деления предложений на простые и сложные, оппозицию по сложности структуры она характеризовала как градуальную, в которой, соответственно, может быть не два, а несколько типов, различающихся степенью сложности. В докладе были намечены основы разработки такой типологии для алтайских языков.

С сообщениями о некоторых способах связи в тюркском сложном предложении высту-

пили молодые ученые, исследующие тюркские языки народов Сибири.

В докладе *Ю. И. Васильева* «О конструкциях с компаративным сказуемым в якутском языке» были изложены первые результаты исследования синтаксических форм с компаративным показателем *курдук* в сравнениях именного типа.

Доклад *Н. Н. Ефремова* «Парные полипредикативные временные конструкции в якутском языке» посвящался анализу способов организации функционально соотносительных временных конструкций (односубъектных и разносубъектных). Докладчик рассмотрел средства выражения временных отношений, личного оформления и др.

Анализу одного из типов сложного предложения был посвящен доклад *А. Ф. Есиповой* «Придаточные определительные предложения в шорском языке». Докладчиком рассматривались способы оформления подлежащего и сказуемого в этих предложениях, а также синтаксические отношения между главными членами зависимой конструкции.

Г. Г. Фисакова в докладе «Сложные предложения с послелогами в языке бачатских телеутов» проследила использование некоторых употребительных в простом предложении послелогов для связи предикативных узлов сложного предложения. Она показала, что в сложном предложении используется лишь часть послелогов, функционирующих в простом.

На секции были представлены также доклады по другим алтайским языкам — тунгусо-маньчжурским и монгольским.

В докладе *Л. М. Бродской* «Соотносительность временных форм в сложном предложении эвенкийского языка» рассматривался вопрос об абсолютном или относительном характере времени причастий в зависимой части сложного предложения и предлагалось исчисление возможных временных соотношений между моментом речи, временем действия главной и зависимой части. Докладчиком были рассмотрены причастия, могущие употребляться в зависимой части при разных типах такого соотношения. Относитель-

но причастия на *-ри* утверждалось, что оно утрачивает свое абсолютное временное значение и употребляется во всех возможных позициях, тогда как другие причастия временное значение полностью сохраняют.

Интересная классификация предложений эвенкийского языка по степени сложности была представлена в докладе *Л. М. Гореловой* «Модели полипредикативных конструкций эвенкийского языка». Основные ее параметры: 1) односубъектность — разносубъектность предложений; 2) одно- и разноподлежащность; 3) финитность — инфинитность глагольной формы, выступающей в функции сказуемого придаточной части; 4) личное или возвратное оформление сказуемого придаточной части.

В докладе *Е. К. Скрибник* «О синтаксическом функционировании показателей притяжания в монгольских языках» было показано, что притяжание, оформляя зависимую часть полипредикативных конструкций, выступает как показатель грамматического лица зависимого причастного или деепричастного сказуемого.

В заключение *М. И. Черемисина* отметила, что обмен мнениями между синтаксистами, изучающими языки разных систем, несомненно, полезен для развития общей теории сложного предложения.

И. В. Бондаренко, Е. К. Скрибник

PERSONALIA

КАРЛ ГЕНРИХ МЕНГЕС

(К семидесятилетию со дня рождения)

Карл Генрих Менгес, крупный американский ученый, работающий в области славянских, алтайских и постратических языков, профессор алтаистики Колумбийского университета (Нью-Йорк), родился 22 апреля 1908 года во Франкфурте-на-Майне в семье служащего¹. Его родители происходили из немецкой семьи среднего достатка, проживавшей в Бад-Эмсе земли Рейнланд-Пфальц. Начальное и гимназическое образование К. Г. Менгес получил в 1914—1926 годах во Франкфурте-на-Майне; с 1926 года он учился в университете, сперва во Франкфуртском (1926—1927), затем в Мюнхенском (1927—1928) и Берлинском (1928—1932). Последний К. Г. Менгес окончил с ученой степенью доктора философии, получив две специальности — слависта и филолога-тюрколога.

К. Г. Менгес, учившийся у выдающихся ученых-славистов М. Фасмера, Э. Бернекера, А. Брюкнера, тюрколога В. Банга, исламоведа Г. Бергштрессера и других, начал свою научную деятельность как славист и востоковед-тюрколог.

В 1933—1936 годах К. Г. Менгес состоял научным сотрудником при Восточном отделении Прусской Академии наук в Берлине, а в 1936 году был вынужден покинуть Германию и находился в эмиграции (в Праге). В 1937—1940 годах работал в должности профессора русского языка в Турции (в Анкаре), а с 1940 года обосновался в США и стал лектором Отделения восточно-европейских языков Колумбийского университета (Нью-Йорк). Работая в Колумбийском университете, читал лекции и вел спецкурсы по древнеуйгурскому, турецкому, чагатайскому и тюркским языкам Сибири, а в дальнейшем — по алтайской филологии. В 1947 году К. Г. Менгес получил звание профессора (Associate professor) славянских и алтайских языков, а с 1956 года был возведен в ранг профессора алтайской филологии. К. Г. Менгес читал лекции по различным разделам языкознания и в ряде других университетов США и Евро-

пы, в том числе в Калифорнийском (1945—1946), в университете штата Вашингтон в Сиэтле (1947), в «свободном Берлинском университете» (1952—1954, 1960—1961), во Франкфуртском университете (1955—1956). В качестве приглашенного специалиста преподавал в Национальной школе живых восточных языков в Париже (1949), в Венском (1953), Брюссельском (1954), Мюнхенском (1958), Хельсинкском (1960) и Уппсальском (1960) университетах. В дальнейшем он вел лекционные курсы в Уппсале (1968), в Хельсинки (1968), читал отдельные лекции в Малайзийском университете в Куала-Лумпуре (1966—1968), в университете Нью-Дели (Индия, 1968), в Венском университете (1974), в университете Хоккайдо (Саппоро, Япония, 1975—1976). Лекционные курсы К. Г. Менгеса посвящались лексике, грамматике, истории и этимологии славянских и алтайских языков, вопросам истории, географии, истории культуры стран Ближнего и Среднего Востока.

В 1933 году К. Г. Менгесом были изданы восточно-тюркестанские (уйгурские) тексты

¹ Биографические сведения о К. Г. Менгесе см.: БСЭ, 3-е изд., т. 16. М., 1974, стлб. 185; «Казак совет энциклопедиясы», т. 7. Алма-Ата, 1975, стр. 607—608; «Orbis. Bulletin internationale de Documentation linguistique», XIII, 1964, № 1, стр. 345—347.

из лингвистического наследия русского ученого Н. Ф. Катанова, три узбекских текста, а в 1934 году совместно с Л. И. Потаповым — тексты на языках тюркских народов Сибири. В те же годы К. Г. Менгес написал исследование, посвященное орфографии, фонетике и морфологии древнерусской рукописи XII века — студийского устава, которое он защитил в качестве диссертации и опубликовал в 1935 году. Эти работы ученого положили начало новому этапу в его научной деятельности — исследованиям взаимоотношений славянских и тюркских языков, которые вскоре вывели его на тогда еще малоизведанные тропы взаимоотношений и исторических связей славянских языков с алтайскими и другими восточными языками.

В 40-х годах появляются первые работы К. Г. Менгеса по тунгусо-маньчжуроведению. В дальнейшем круг научных интересов К. Г. Менгеса распространялся и на сравнительное изучение дравидских, а также урало-алтайских языков. Им были созданы значительные работы, посвященные самым различным областям языкознания (фонологии, лексикологии, грамматике, этимологии и т. д.), а также тюркологии, славистике и взаимоотношениям славянских языков с языками других групп, труды по тунгусо-маньчжуроведению, алтаистике, урало-алтаистике и но-стратике. К. Г. Менгесом написано более ста сорока научных работ, в том числе: «Каракалпакская грамматика. Ч. I. Фонология» (1947), «Восточные элементы „Слова о полку Игореве“» (1952), «Словарь к текстам из восточного Туркестана» (1955), «Алтайские и дравидские языки» (1964), «Введение в изучение тюркских языков и тюркских народов» (1968), «Тунгусы и ляо» (1968), «Тунгусо-маньчжурские языки» (1968), «Алтайские штудии, I» (1961), «Алтайские штудии, II» (1975), а также целый ряд превосходных исследований по сравнительно-исторической морфологии и этимологии.

Эти и другие исследования выдвинули К. Г. Менгеса в ряд видных и общепризнанных представителей тюркологии, славяноведения, алтаистики и ностратических исследований. Столь широкий диапазон тематики исследований К. Г. Менгеса обусловлен не только его исключительной работоспособностью, но и его обширными познаниями в области самых различных языков. В своей исследовательской работе К. Г. Менгес пользуется латышью, греческим, итальянским, болгарским, арабским, персидским, узбекским, уйгурским, каракалпакским, а также целым рядом живых и мертвых славянских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и дравидских языков.

Особо следует отметить большое внимание, которое уделяет К. Г. Менгес популяризации работ советских языковедов — тюркологов, тунгусо-маньчжуроведов, монголистов в странах Европы и Америки, посвящая тру-

дам советских ученых рецензии и обстоятельные обзоры.

В деятельности К. Г. Менгеса значительное место занимают его научные поездки по странам Европы и Азии. Еще в 1928—1929 годах, будучи студентом Берлинского университета, он посетил Советский Союз, желая ознакомиться со страной и собрать материалы для своей диссертации по древнерусскому языку. В течение девяти месяцев К. Г. Менгес работал в библиотеках Москвы, слушал лекции в университете, а также совершил четырехмесячную поездку по Средней Азии, Кавказу и Кольскому полуострову (Мурманск). Начиная с 1931 года, он ездил в Югославию, Болгарию, Турцию и в страны Ближнего Востока, а также в Японию. Летом 1948 и 1950 годов, желая изучить тюркские диалекты (кашкар и туркмены), он посетил Иран. В 1962 году К. Г. Менгес вновь приехал в Советский Союз и работал в Ленинграде, Ташкенте и Самарканде в основном над тюркскими рукописями. В дальнейшем, в целях изучения тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и их диалектов и ознакомления с новинками литературы по этим языкам, ученый неоднократно бывал в Советском Союзе (1964, 1966, 1968, 1971, 1973, 1975, 1976).

В последний раз К. Г. Менгес посетил Советский Союз в мае—июле 1977 года, в соответствии с программой межправительственного соглашения между СССР и США по обмену визитами ученых высшей квалификации, в качестве гостя Академии наук СССР.

К. Г. Менгес состоит членом издательского комитета (редакционной коллегии) «Центрально-азиатского журнала» (Лейден и Висбаден), много лет являлся членом редакционной коллегии «Урало-алтайского ежегодника» (Висбаден) и ряда других журналов. Кроме того, с 1940 года он работает в издательском комитете Исследовательского проекта по китайской истории при Колумбийском университете и в университете штата Вашингтон (г. Сиэтл). К. Г. Менгес — член ряда научных обществ: Восточного кружка (Oriental club) в Нью-Йорке (с 1940 г.), Финно-угорского общества (с 1946 г.), Общества ирановедения в Тегеране (с 1948 г.), Азиатского общества в Париже (с 1949 г.), Урало-алтайского общества в Геттингене (с 1952 г.), Международной ассоциации по исследованию тамильского языка (Мадрас, Индия, с 1966 г.), Королевского гуманистического научного общества в Уппсале (Швеция, с 1968 г.).

В связи с исполняющимся семидесятилетием со дня рождения советские коллеги желают профессору Карлу Генриху Менгесу доброго здоровья и новых успехов в его многосторонней научной деятельности.

С. Н. Муратов

ХРОНИКА

ЧЕТВЕРТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

3 марта 1978 года в Москве состоялось четвертое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов.

В своем вступительном слове председатель Комитета, академик А. Н. Кононов отметил, что многолюдное и представительное собрание тюркологов свидетельствует о растущем интересе ученых к работе Советского Комитета тюркологов.

Заместитель председателя Комитета Э. Р. Тенишев, выступивший с отчетным докладом о работе Советского Комитета тюркологов за 1977 год, подчеркнул, что минувший год был годом шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и принятия новой конституции многонационального Советского государства. В связи с этим в 1977 году при участии Советского Комитета тюркологов был проведен ряд научных конференций, посвященных юбилею Великого Октября.

21—24 сентября в Нальчике состоялась научная конференция по общим вопросам диалектологии и истории языка, проводившаяся совместно с Научным советом по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка АН СССР и Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. 26—27 сентября в Карачаевске Комитетом совместно с Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Отделении литературы и языка АН СССР, Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики и Карачаево-Черкесским педагогическим институтом была организована научная конференция на тему «Советский опыт в создании и совершенствовании алфавитов и орфографий народов СССР».

В целом итоги развития советской тюркологии за значительный исторический период были подведены в недавно опубликованной специальной статье председателя Комитета А. Н. Кононова¹, поэтому докладчик остано-

вился лишь на некоторых, наиболее важных публикациях 1977 года. Члены бюро и пленума Советского Комитета тюркологов опубликовали в минувшем году следующие книги: А. Н. Кононов, И. И. Иорш «Ленинградский Восточный институт» (М., 1977); С. Н. Иванов «Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола» (Л., 1977); С. Кенесбаев «Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі» (Алматы, 1977); Д. Г. Тумашева «Диалекты сибирских татар» (Казань, 1977; ср. параллельно вышедшее в Уфе в 1977 году учебное пособие Г. Х. Ахатова «Татарская диалектология»); А. М. Щербак «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя)» (Л., 1977); А. А. Юлдашев «Соотношение дееспричастных и личных форм глагола в тюркских языках» (М., 1977). В 1977 году татарскими языковедами выпущен в свет первый том «Толкового словаря татарского языка» (на татарском языке). Множество статей опубликовано в различных сборниках и специальных журналах, в том числе в журнале «Советская тюркология», содержание которого со временем становится все более интересным.

Говоря о работах Советского Комитета тюркологов, проводившихся в 1977 году совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик, Э. Р. Тенишев выделил прежде всего подготовку «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), которая вступила в фазу картографирования и нуждается в кооперировании усилий региональных исполнителей по единой методике. Благодаря инициативе Советского Комитета тюркологов и Комиссии по лингвостатистической географии Географического общества СССР, председателем которой является академик А. Н. Кононов, заместителем председателя — профессор М. А. Бородина, создан постоянный Семинар по тюркской лингвистической географии для составителей тюркских языковых атласов. Подробный отчет о работе Семинара в феврале 1977 года опубликован в журнале «Советская тюркология» (1977, № 2). Впервые составлен полный список всех анкетированных пунктов, разработана карта-основа различных масштабов для ДАТЯ. В результате проведенных теоретических и прак-

¹ А. Н. Кононов. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. — «Вопросы языкознания», 1977, № 3.

тических занятий произведено пробное картографирование. Были точно определены направления работы над ДАТЯ в последующий период, конкретизированы задания региональным исполнителям; разработан одобренный Советским Комитетом тюркологов примерный план дальнейших рабочих встреч составителей ДАТЯ. Для исполнения этого плана Семинар продолжил свою работу над ДАТЯ в феврале нынешнего года (см.: «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 122—124).

В соответствии с рекомендациями Советского Комитета тюркологов налаживается совместная работа Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР и заинтересованных тюркологов из союзных республик. На заседаниях этой Проблемной комиссии в 1977 году обсуждались доклады: В. И. Асланова «Принципы составления „Истории азербайджанского литературного языка“», Э. Р. Тенишева «Карахандиско-тюркский литературный язык» и проспект монографии Э. Р. Тенишева «Типология древнетюркских литературных языков».

Советский Комитет тюркологов ведет учет всей тюркологической языковедческой тематики. Обобщая сведения, поступающие в Комитет от научно-исследовательских учреждений и вузов страны о разрабатываемой тематике, Комитет примет участие в долгосрочном планировании тюркологических исследований по языкознанию, прежде всего в академических центрах. Ведется учет разработки коллективных трудов по литературоведению. Поскольку в представленной к настоящему времени тематике теоретическим проблемам литературоведения уделяется недостаточное внимание, предложено усилить разработку темы «Метод социалистического реализма в литературах тюркоязычных народов СССР» (конкретно по каждой литературе). В области фольклористики выдвигается проблематика по взаимосвязям и взаимовлиянию фольклора тюркоязычных народов.

Завершается подготовка материалов для «Корпуса древнетюркских памятников. I. Рунических памятников Енисея»; в 1977 году были проведены заключительные полевые экспедиции в Туве и Хакасии.

11 октября 1978 года исполняется пять лет со дня организации Советского Комитета тюркологов. В связи с этим Э. Р. Тенишев кратко характеризует работу, которую осуществил Комитет за пятилетие как орган, призванный координировать и кооперировать исследования тюркологов.

Советский Комитет тюркологов курировал наиболее перспективные и крупные научные работы, имеющие общетеоретическое значение. В их числе — «Диалектологический атлас тюркских языков СССР», «Корпус древнетюркских памятников. I. Рунические памятники Енисея»; с 1978 года число курируемых Комитетом работ пополнится «Корпусом эниграфических (булгарских) памятни-

ков Поволжья» и «Корпусом северокавказских рунических памятников»; продолжится работа над «Корпусом древнетюркских памятников. II. Рунические надписи Монголии».

Постоянной заботой Советского Комитета тюркологов был и остается учет тюркологической тематики, которая разрабатывается языковедами, литературоведами и фольклористами страны.

Комитет активно участвует в организации и проведении научных конференций и совещаний, симпозиумов и семинаров, связанных с различными аспектами тюркологических исследований. В июне 1975 года в Ленинграде состоялась VII Тюркологическая конференция. В сентябре 1976 года успешно прошла Всесоюзная тюркологическая конференция в Алма-Ате. При содействии Комитета в сентябре 1977 года были проведены юбилейные конференции в Нальчике и Карачаевске. Первая конференция по тюркской лексикологии и лексикографии состоялась в Москве в марте 1975 года. Положено начало координации работ над ДАТЯ в рамках единой методики: при участии Советского Комитета тюркологов работает постоянно действующий Семинар по тюркской лингвистической географии в Ленинграде, цель которого — оказание действенной помощи составителям ДАТЯ. Усилиями Комитета было обеспечено участие советских тюркологов в XIX сессии РИАК (Хельсинки, июнь 1976 г.). Активная роль ученых СССР в работе РИАК отмечена присуждением Золотой медали РИАК академику А. Н. Кононову.

С участием Комитета подготовлен ряд специальных сборников; некоторые из них уже вышли в свет — это «Тюркологические исследования» (М., 1976), «Тюркологический сборник. 1974» (М., 1978), «Тюркологический сборник. 1975» (М., 1978), «Тюркологический сборник. 1976» (М., 1978).

Важной стороной деятельности Советского Комитета тюркологов является всемерное повышение исследовательского уровня тюркологических работ. По заданию Комитета ведущими специалистами соответствующих отраслей составлены методические руководства по описанию тюркских диалектов и по лингвистическому описанию письменных памятников средневековья; после обсуждения этих руководств на профессиональном уровне и соответствующей доработки они будут представлены к опубликованию на страницах журнала «Советская тюркология». Подготовлена и напечатана «Программа требований по тюркскому языкознанию для поступающих в аспирантуру Академии наук СССР» («Советская тюркология», 1976, № 1). Опубликован проект единой унифицированной фонетической транскрипции для тюркских языков («Советская тюркология», 1977, № 2).

В заключение отчетного доклада Э. Р. Тенишев отметил, что время подтвердило жизнеспособность Советского Комитета тюркологов, который через своих членов связан со

всеми крупными тюркологическими центрами страны.

План работы Советского Комитета тюркологов на 1978 год огласила Л. С. Левитская (Москва) (см. Приложение).

Активная работа тюркологов по выполнению пунктов, намеченных в оглашенном плане, предложенном к обсуждению, уже начата.

8—10 февраля сего года составители «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» собрались в Ленинграде на очередной Семинар по тюркской лингвистической географии. На этот раз Семинар был проведен в организационных формах секции «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов», функционировавшей в рамках IV расширенного рабочего симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании». Работа секции проходила при содействии Комиссии лингвоэтногеографии Географического общества СССР во главе с ее председателем А. Н. Кононовым и заместителем председателя М. А. Бородиной. В работе участвовали 37 диалектологов из союзных и автономных республик, краев, областей. Среди прочих мероприятий под руководством Л. Т. Махмутовой представленные по зонам материалы были объединены в сводные таблицы, а также выработаны условные знаки для лексических и фонетических явлений, подлежащих картографированию в первую очередь. Решено впредь для координации и разработки единой системы условных знаков два раза в год проводить совещания руководителей четырех зон. Первое такое совещание предполагается провести в сентябре—октябре 1978 года в Ташкенте. (Информацию о работе Семинара см.: «Советская тюркология», 1978, № 1.)

27 января сего года было проведено очередное заседание Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков (Институт языкознания АН СССР) на тему «Типы наддиалектных форм языка». В работе заседания приняли участие тюркологи московских и республиканских научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, в частности языковеды Алма-Аты, Баку, Уфы.

Академик А. Н. Кононов выступил с докладом «Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР» (публикуется в настоящем номере журнала).

В обсуждении отчета о деятельности Советского Комитета тюркологов, плана его работ на 1978 год (проводимых совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик) и доклада А. Н. Кононова приняли участие ученые Азербайджана, Башкирии, Грузии, Казахстана, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Карачаево-Черкесской автономной области.

Отвечая на вопрос о тематике VIII Тюркологической конференции в Ленинграде (апрель 1979 г.), С. Г. Кляшторный (Ленинград)

сказал, что на Конференции должны быть представлены три линии тюркологических разработок, а именно: 1) историческое изучение тюркских языков, 2) тюркская поэтика, 3) тюркское источниковедение.

Н. А. Баскаков (Москва) призвал Советский Комитет тюркологов оказывать эффективную помощь научно-исследовательским институтам автономных республик, областей и краев РСФСР и предложил войти с ходатайством в Бюро Отделения литературы и языка АН СССР с тем, чтобы впредь систематически направлять комиссии в указанные научные учреждения для проверки и оказания им помощи. Другое его предложение касалось необходимости рецензирования наиболее значительных работ по тюркскому языкознанию на страницах журнала «Советская тюркология» и других периодических изданий.

Остановившись на проблеме дальнейшего улучшения качества кандидатских и докторских диссертаций, Н. А. Баскаков высказал мнение, что при Советском Комитете тюркологов должна быть создана комиссия (или группа) для координирования тематики диссертаций. Заинтересованные научно-исследовательские учреждения академий наук союзных республик, а также высшие учебные заведения должны высылать в Советский Комитет тюркологов темы, выдвигаемые в качестве диссертационных, для их рассмотрения.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) отметила, что в отчетном докладе представлена впечатляющая картина деятельности Советского Комитета тюркологов, который кооперирует, координирует и контролирует тюркологические работы по очень большому кругу вопросов, во многом способствуя их выполнению. В качестве примера Е. И. Убрятова привела работу над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР». Составителями этого атласа был собран обширный материал, обработка которого тормозилась из-за отсутствия единой методики. В последние два года благодаря усилиям Советского Комитета тюркологов во главе с А. Н. Кононовым, а также активному содействию М. А. Бородиной организационно оформился регулярно действующий Семинар по тюркской лингвистической географии. В рамках этого Семинара составители ДАТЯ обобщают собранный материал, сводя его в таблицы, разрабатывают единообразные условные обозначения для картографирования и т. д.; таким образом, создание карт становится делом ближайшего будущего. В ходе работы исправляются и недостатки «Вопросника».

Опыт работы над ДАТЯ, несомненно, позволит усовершенствовать методику составления лингвистических атласов тюркских языков.

В Новосибирске регулярно проводятся совещания составителей ДАТЯ по сибирской зоне. На 11—14-е апреля сего года назначено очередное совещание, участники которого

должны составить и обсудить сводные таблицы по морфологии. Е. И. Убрятова отметила активную деятельность Н. Н. Широковой по координации и разработке вопросов, связанных с составлением ДАТЯ (сибирская зона). Кемеровский государственный университет, издавший в 1977 году очередной выпуск сборника статей «Языки народов Сибири», впредь намеревается целиком посвящать его информации и материалам по подготовке ДАТЯ (сибирская зона).

В отчетном докладе, сказала Е. И. Убрятова, в основном получили оценку работы ленинградских и московских тюркологов. Поэтому она сочла необходимым проинформировать собравшихся о состоянии тюркологической работы в Новосибирске. Прежде всего заслуживают внимания работы по экспериментальной фонетике тюркских языков Сибири. Под руководством В. М. Надеяева (заведующего лабораторией экспериментально-фонетических исследований при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР) обследована фонетика алтайского языка (в ближайшее время работа выходит в свет; исследование по алтайскому консонантизму опубликовано в 1978 году²), а также фонетика долганского и телеутского языков. В настоящее время ведутся экспериментальные исследования фонетики шорского, тувинского, челканского и некоторых других языков и диалектов. Путем обобщения полученных данных В. М. Надеяев разработал теорию артикуляционной базы речи как своеобразного источника по истории языка. Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР выпустил в 1977 году два сборника — «Исследования по языкам Сибири» (Новосибирск, 1977) и «Сложное предложение в языках разных систем» (Новосибирск, 1977). Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории издал сборник «Вопросы хакасской филологии» (Абакан, 1977).

Е. И. Убрятова призвала более внимательно относиться к юбилеям как современных тюркологов, так и ученых прошлых поколений. Она сообщила собравшимся об исполнившемся 60-летию директора Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, доктора филологических наук Е. И. Коркиной. Приближаются юбилеи (120-летие со дня рождения) таких выдающихся якутоведов, как Э. К. Пекарский (1858—1934), С. В. Ястремский (1857—1931), В. И. Виташевский, предстоит 150-летие со дня рождения Димитриана Попова, принимавшего активное участие в пополнении материалом словаря Э. К. Пекарского. Выразив надежду, что Советский Комитет тюркологов изыщет возможность отметить эти юбилеи, Е. И. Убрятова напомнила об остающемся неиздан-

ным важным коллективным труде «Диалекты тюркских языков».

От имени Советского Комитета тюркологов А. Н. Кононов обратился к Е. И. Коркиной с приветственным словом в связи с ее 60-летием. Указав на необходимость и важность взаимной научной информированности тюркологов Советского Союза, он высказался за то, чтобы журнал «Советская тюркология» регулярнее освещал работу научно-исследовательских учреждений союзных республик.

А. Н. Кононов просит Е. И. Убрятову написать статьи о Э. К. Пекарском, С. В. Ястремском, В. И. Виташевском, Димитриане Попове для журнала «Советская тюркология».

Г. И. Антелава (Тбилиси) высказал мнение, что тематика диссертаций (прежде всего — кандидатских) по тюркологии должна непременно согласовываться с Советским Комитетом тюркологов независимо от того, где эти работы будут выполняться. Точно так же Комитет должен располагать исчерпывающей информацией об исследовательской тематике всех тюркологических центров страны, время от времени оповещая их о темах, признаваемых наиболее перспективными, и указывая на неудачные. Важно также, чтобы в Советском Комитете тюркологов сосредоточивались краткие рефераты тюркологических публикаций в местных органах, и прежде всего вышедших не на русском языке. Такие рефераты должны присылаться научно-исследовательским учреждением или учебным заведением, их издавшим, а также авторами реферируемых работ. Обзоры наиболее интересных рефератов можно было бы помещать на страницах журнала «Советская тюркология». Таким путем может быть преодолена недостаточная взаимная информированность тюркологов о выполняемых научных работах. Г. И. Антелава полагает, что Советский Комитет тюркологов обязательно должен быть представлен в оргкомитетах всесоюзных научных сессий, конференций, совещаний, организуемых по близким его профилю темам.

Т. М. Гарипов (Уфа) выразил удовлетворение отчетом о деятельности Советского Комитета тюркологов и подчеркнул важность сопоставительных исследований в области тюркских и взаимодействующих с ними индоевропейских языков. Такие исследования уже разрабатываются в ряде научных центров, в частности в Башкирском государственном университете, где введен факультативный курс «Turco-slavica».

Проинформировав собравшихся о региональной конференции на тему «Средневековые тюркские литературы и средневековые языки», которая состоится в Уфе в июне этого года, Т. М. Гарипов отметил, что доньше не составленный «Корпус средневековых тюркских памятников» нуждается в обстоятельном текстологическом обобщении (типа «Grundriss» или же «Handbuch»). Другое его предложение касалось создания в журнале «Советская тюркология» постоянной

² См.: М. Ч. Чумакаева. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978.

рубрики типа «Летопись памятных и знаменательных дат отечественной тюркологии»³.

В. И. Асланов (Баку) также выразил беспокойство по поводу недостаточной взаимной информированности тюркологов об их научной работе. По его мнению, научно-исследовательские учреждения республиканских академий наук должны присылать Советскому Комитету тюркологов копии ежегодных отчетов о ведущихся там разработках важнейших тюркологических проблем, включая и тему «Русский язык в тюркоязычных республиках». Желательно, чтобы координационные советы при академиях наук союзных республик, рассматривающие тематику диссертаций по тюркологии, представляли в Комитет протоколы своих заседаний. *В. И. Асланов* информировал собрание о подготовленном азербайджанскими языковедами двухтомном сборнике, посвященном *М. А. Казем-беку*, который намечено выпустить в 1980 году. Он отметил необходимость изучения тюркоязычных рукописей, хранящихся в фондах Индии и Пакистана.

Г. Ф. Благова (Москва) напомнила, что Советский Комитет тюркологов, объединяющий в своих рядах ученых на добровольных и общественных началах, не располагает специальным аппаратом. Откликаясь на пожелания выступающих полнее и всестороннее отражать в отчетных докладах Комитета деятельность республиканских тюркологических центров, ученый секретарь Комитета подчеркнула, что полнота информации зависит, прежде всего, от инициативности и заинтересованности тех членов Комитета, которые работают в академиях наук союзных республик и филиалах Академии наук СССР, в научно-исследовательских учреждениях автономных республик и высших учебных заведениях. До настоящего времени Комитет недостаточно информируется своими членами. Об этом говорит хотя бы то, что высказанное ныне пожелание о предоставлении Советскому Комитету тюркологов копий годовых отчетов научно-исследовательских учреждений выдвигалось еще два года назад⁴, между тем первые два таких отчета Комитет получил только сегодня (см. ниже).

Для того, чтобы в отчетном докладе Комитета можно было с большей или меньшей полнотой осветить состояние тюркологических разработок в стране за минувший год, сказала *Г. Ф. Благова*, Комитет должен получать соответствующие отчеты из республик и тюркологических центров не позднее конца января текущего года. Желательно также, чтобы каждый из членов Советского Комитета тюркологов считал себя обязанным присылать в Комитет годовой отчет о

собственной деятельности и о работе вверенной ему научно-исследовательской ячейки. Если Советский Комитет тюркологов будет систематически и своевременно получать такие годовые отчеты, полнее и информативнее станут отчетные доклады Комитета, появится возможность освещать на страницах журнала «Советская тюркология» достижения каждого тюркологического центра нашей страны.

А. Н. Кононов, поддержав эти предложения, отметил в то же время, что Советский Комитет тюркологов лишен возможности влиять на выбор тем кандидатских и докторских диссертаций, поскольку этот вопрос находится в компетенции местного руководства.

Г. С. Садвакасов (Алма-Ата) рассказал о достижениях уйгуроведения в Казахстане. Первое время советское уйгуроведение было представлено, главным образом, в Ленинграде и Москве. Ныне его центр переместился в Казахстан, где при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР организован отдел уйгуроведения, комплексно изучающий язык, литературу и искусство, историю и этнографию уйгурского народа. В отделе функционируют три проблемные группы — языковедческая, литературоведческая и историческая, в которых работают 25 научных сотрудников (из них 3 доктора и 12 кандидатов наук). В настоящее время уйгуроведы отдела готовят двухтомный «Толковый словарь уйгурского языка», «Историю уйгурской литературы» в трех частях (ч. 1 — фольклор, ч. 2 — классическая уйгурская литература, ч. 3 — уйгурская советская литература) и «Краткую историю уйгурского народа».

С. Я. Байчоров (Карачаевск) сообщил, что Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики запланировал на 1978—1980 годы монографию «Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности и его отношение к волго-донскому и дунайскому ареалам», а также составление «Корпуса северокавказских рунических памятников». Исполнитель обеих работ *С. Я. Байчоров* высказал готовность справиться с этим ответственным заданием при содействии Советского Комитета тюркологов.

А. М. Щербак (Ленинград) поднял чрезвычайно важный вопрос о необходимости развития отечественной алтаистики и, в частности, монголистики. Традиционная монголистика как дисциплина, изучающая семью монгольских языков в целом, в Москве и Ленинграде в настоящее время почти не развивается. На первых порах следует создать дополнительные возможности для подготовки высококвалифицированных кадров монголистов, а при подготовке тюркологов необходимо обеспечить изучение не только тюркского, но и монгольской семьи языков.

А. Н. Кононов обратился с просьбой к *А. М. Щербаку* написать небольшую статью

³ См.: «Третье пленарное заседание Советского Комитета тюркологов». — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 107.

⁴ См.: «Второе пленарное заседание Советского Комитета тюркологов». — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 120.

для журнала «Вопросы языкознания» о состоянии и перспективах развития отечественной монголистики.

Э. Р. Тенишев отметил, что каждый тюрколог в то же время и филолог, что задачи и возможности филологии при поступательном движении тюркологии трудно исчерпать. Так, например, рабочим указателем в Татарии располагает только университетская коллекция рукописей; полностью отсутствуют такие указатели, например, в Башкирии. Э. Р. Тенишев информировал заседание, что Археографическая комиссия при Отделении истории Академии наук СССР, возглавляемая С. О. Шмидтом, приняла рекомендацию о порядке обработки и хранения рукописных фондов, в том числе и восточных; последняя часть рекомендаций адресована Советскому Комитету тюркологов. Чрезвычайно важным представляется собирание рукописей, до настоящего времени хранящихся у частных лиц и еще читаемых старшим поколением. Об интересе к старинным письменным сочинениям может свидетельствовать тот факт, что эпизоды из «Кысас ул-анбия» Рабгузи пересказываются пожилыми татарскими женщинами и казахскими акынами, сохраняющимися при этом языковые архаизмы.

При существующей разобщенности кадров в Улан-Удэ и Элисте монголоведение как дисциплина, изучающая семью монгольских языков в целом, испытывает большие трудности. В Институте языкознания Академии наук СССР и без того малочисленная монгольская группа после смерти профессора Т. А. Бертагаева в 1976 году была объединена с сектором тюркских языков. Попытки сектора тюркских и монгольских языков пополнить ряды монголистов молодыми специалистами, хорошо владеющими современным монгольским языком и изучившими его историю, не увенчались успехом.

М. А. Хабичев (Карачаевск) предложил рассмотреть возможность включения в план работы Советского Комитета тюркологов вопросов дальнейшего усовершенствования алфавитов и орфографий тюркоязычных народов СССР.

По мнению М. А. Хабичева, в работу по составлению Корпуса памятников древнетюркской письменности Северного Кавказа следует вовлечь, наряду с сотрудником Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, также представителей Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, Карачаево-Черкесского педагогического института и Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР — прежде всего тех, кто уже занимается расшифровкой северокавказской руники. Судя по количеству уже известных и вновь обнаруживаемых рунических надписей, грядущее десятилетие будет посвящено дешифровке северокавказской руники, поэтому нереально планировать окончание работы над северокавказским Корпусом на 1982-й, а тем более на 1980 год.

Б. Ч. Чарыяров (Ашхабад) представил на рассмотрение Советского Комитета тюркологов отчет возглавляемого им Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР о научно-исследовательской деятельности за 1977 год. В отчете говорится, что в Институте все разработки по языкознанию велись в плане изучения закономерностей функционирования и развития туркменского языка в советскую эпоху, по литературоведению — в плане изучения закономерностей развития туркменской литературы как составной части мировой литературы. Первое из этих направлений конкретизируется как «Исследование грамматического строя и словарного состава туркменского языка». По относящейся сюда проблематике в 1977 году опубликованы следующие работы: коллективный труд «Грамматика туркменского языка. Ч. 2. Синтаксис словосочетания и простого предложения» (8 п. л.), «Краткий диалектологический словарь туркменского языка» (18 п. л.) — лексика основных диалектов и говоров туркменского языка, не вошедшая в литературный язык, дана в этом издании с переводами на туркменский и русский языки; Б. Ходжаев «Причастные формы глагола в тюркских языках юго-западной группы» (11 п. л.); Г. Ачилова «Устойчивые словосочетания в туркменском языке» (9 п. л.); А. Аннануров «Аналитическая форма глаголов в письменных памятниках туркменского языка» (4 п. л.); Дж. Худайбергенов «Емрелинский диалект туркменского языка» (7 п. л.); С. Куренов, А. Нурмухаммедов, А. Сапаев «Интонация простых вопросительных и повествовательных предложений в туркменском языке» (11 п. л.). Подготовлен к печати сборник по новой для туркменского языкознания отрасли — «Культура речи» (на туркменском языке).

Туркменскими литературоведами разрабатывается проблема «Исследование истории туркменской литературы и народного творчества». В 1977 году завершена монография «Становление и развитие жанра туркменской советской прозы в 20-е годы». Тема «Основные течения и направления в туркменской дореволюционной литературе» предусматривает составление критических текстов ряда произведений; в 1977 году завершена текстологическая работа над дастанами Шабенде «Шаберам», Молламурта «Эмир и Зерли», дастаном Ягшимамада, произведениями Азиди; ее результат — научно-критические тексты названных произведений.

Закончено составление многотомного аннотированного библиографического указателя «Туркменская литература и ее связи с литературами народов СССР». Первая часть указателя, состоящая из трех томов, включает в себя много материалов на русском языке (общие вопросы заглавной тематики; переводы произведений туркменской литературы на русский язык; произведения русских писателей Советской Туркмении).

К числу работ по литературоведению, опубликованных в 1977 году, относятся: коллективный труд «История туркменской литературы», т. 3, кн. 1 (20 п. л.), освещающий своеобразие литературного процесса в Туркменистане в первой половине XIX века; А. Караев «Этапы развития туркменской советской поэзии» (8 п. л.); А. Мамедов «Туркменская действительность в поэзии Советского Востока» (6,5 п. л.); С. Дурдыев «Из истории туркменско-персидских литературных связей» (7,3 п. л.); Ш. Халмухаммедов «Жанровое своеобразие народного юмора и сатиры» (6 п. л.); А. Караев «Чары Аширов» (5 п. л.); К. Джумаев «Керим Курбаннепесов» (4 п. л.).

Д. С. Насыров (Нукус) представил на рассмотрение Советского Комитета тюркологов отчет Института истории, языка и литературы им. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР за 1977 год. Сотрудниками Института изучаются старописменные памятники в аспекте истории науки и культуры каракалпакского народа («Ахид-наме» и др.); образцы этих памятников транскрибируются. Исследуется синтаксический строй каракалпакского языка⁵; написаны разделы, посвященные модальным предложениям и сложносочиненным предложениям с союзами. Продолжается работа над каракалпакской частью «Диалектологического атласа тюркских языков СССР»: подготовлены карты-бланковки, закончен сбор материала в Кегейлийском, Тахтакупырском и Турткульском районах республики, начато картографирование. Продолжается составление фразеологического словаря каракалпакского языка. Каракалпакские языковеды участвуют в составлении вузовских программ по современному каракалпакскому языку, по каракалпакской диалектологии, по практической стилистике каракалпакского литературного языка, а также в создании вузовского учебника «Современный каракалпакский язык». В 1977 году вышла монография У. Доспанова «Лексика южного диалекта каракалпакского языка» (Нукус, 1977, 13 п. л.).

Литературоведы и фольклористы Каракалпаки продолжают разработку следующих тем: «Развитие жанров в каракалпакском советском искусстве», «Исследование истории развития каракалпакской советской литературы (1950—1970 гг.)», «Ажинияз и классическая литература народов Средней Азии и Казахстана», «Взаимосвязи каракалпакской литературы с узбекской и казахской литературами», «История каракалпакского фольклора». Написан вузовский учебник по каракалпакскому фольклору и составлена программа по этому курсу. В 1977 году вышли в свет «Очерки истории каракалпакского фольклора» (13 п. л., на русском языке), монографии А. Насруллаева «Драматургия

Ж. Аймурзаева» (Нукус, 1977, 8 п. л.), К. Байниязова «Сила стиха» (Нукус, 1977, 9 п. л.).

А. Н. Кононов, подводя итоги обсуждению, предложил утвердить отчет Советского Комитета тюркологов о работе за 1977 год и одобрить в целом план работы Комитета на 1978 год, проводящейся совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик (см. Приложение). Он заверил участников заседания, что все высказанные предложения и пожелания о работе Советского Комитета тюркологов будут проанализированы и по мере реальных возможностей включены в план.

Последним пунктом повестки четвертого пленарного заседания Советского Комитета тюркологов значилось обсуждение вопроса об издании в серии «Русские востоковеды и путешественники» (Главная редакция восточной литературы издательства «Наука») библиографических очерков, посвященных выдающимся тюркологам как дооктябрьского периода, так и новейшего времени, а также обсуждение предложенного списка ученых, чья деятельность подлежит освещению в первую очередь.

Заведующий редакцией публикации памятников ГРВЛ С. С. Цельникер (Москва) напомнил, что на третьем пленарном заседании Советского Комитета тюркологов ему совместно с Ф. Д. Ашнинным было поручено составить ориентировочный список тюркологов, которым в первую очередь должны быть посвящены монографии⁶. Предлагаемый список включает пока сравнительно небольшое число имен и, по-видимому, может быть расширен главным образом за счет введения в него имен покойных ученых из тюркоязычных республик.

Вниманию Советского Комитета тюркологов был предложен следующий перечень имен: Алишбек Алиев, У. Дж. Алиев, Г. Х. Алпаров, С. Аманжолов, Н. И. Ашмарин, М. Ауэзов, И. А. Батманов, И. А. Беляев, И. Н. Березин, О. Н. Бётлингк, М. И. Богданова, В. А. Богородицкий, А. К. Богородицкий, К. Бариев, Л. З. Будагов, Дж. Валидов, Ч. Ч. Валиханов, Вл. Вл. Вельяминов-Зернов, В. И. Вербицкий, В. А. Гордлевский, Т. И. Грунин, Н. К. Дмитриев (переиздание), А. П. Дульзон, Н. П. Дыренкова, В. Г. Егоров, К. Жубанов, Л. З. Залая, Н. И. Золотницкий, Г. Г. Ибрагимов, Н. И. Ильминский, Ф. Г. Исхаков, А. К. Казем-бек, Н. Ф. Катанов (переиздание), В. В. Катаринский, Дж. Г. Кыкбаев, Ф. Е. Корш (переиздание), А. Ф. Крымский, М. Х. Курбангалiev, О. С. Лебедева, Д. А. Магазаник, С. С. Майзель, С. Е. Малов, Т. М. Матвеев, П. М. Медиоранский, М. С. Михайлов, В. П. Наливкин, Н. Н. Нариманов, В. М. Насилов, К. Насыров, Н. В. Никольский, А. А. Пальмбах, Э. К. Пекарский, Е. Д. Поливанов, Г. Н. Потанин,

⁵ Эта работа имеет несколько нечеткое название «Некоторые особенности синтаксического строя каракалпакского языка».

⁶ См.: «Советская тюркология», 1977, № 1, стр. 107.

А. П. Поцелуевский, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, В. Д. Смирнов, Ф. Т. Тимофеев, В. И. Филоненко, Н. Г. Хакимов, Л. Н. Харитонов, Б. В. Чобанзаде, Галимджан Шариф, А. А. Шифнер, К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев, С. В. Ястремский⁷.

С. С. Цельникер отметил, что наиболее подробные биобиблиографические очерки должны быть посвящены, в первую очередь, основоположникам отечественной тюркологии, авторам фундаментальных исследований, активным участникам культурной революции в СССР. Желательный объем очерков от 5 до 10 печатных листов.

Ф. Д. Ашнин (Москва), указав на предварительный характер представленного к обсуждению списка, напомнил, что при составлении каждого биобиблиографического очерка необходимо всесторонне изучить эпоху, с которой связаны жизнь и научное творчество ученого, учесть все печатные и рукописные его труды и определить его конкретный вклад в тюркологию. Понятно, что научное наследие таких ученых, как О. Н. Бётлингк, требует привлечения к работе над ним не только тюркологов, но и индологов, русистов. Еще более сложный случай представляет наследие Е. Д. Поливанова. В то же время может оказаться целесообразным объединение в одном издании описания научно-го творчества двух (А. Алиев и К. Бориев)

и более ученых (Д. А. Магазаник, С. С. Майзель, М. С. Михайлов).

В отдельных случаях за недостатком фактических сведений и малочисленности трудов дело может ограничиться опубликованием статей в журнале «Советская тюркология». При любой форме описания необходимо привести не только перечень трудов ученого, но и литературу о нем, а также указать архив, где хранится его личное дело. По мнению Ф. Д. Ашнина, авторы персоналий будут испытывать трудности из-за недостаточной освещенности истории отдельных научно-исследовательских учреждений и учебных заведений тюркологического профиля, поскольку такие очерки, как «Ленинградский Восточный институт» А. Н. Кононова и И. И. Иориша, у нас еще большая редкость.

В заключение А. Н. Кононов, подчеркнув важность изучения истории науки, указал на то, что в биобиблиографических очерках обязательно должны быть приведены полная библиография трудов ученого и библиография публикаций о нем, а также точные и полные сведения о его архиве. Пока мы еще мало осведомлены, сказал он, об учреждениях, с которыми связано развитие тюркологии в разные периоды времени. А. Н. Кононов призвал тюркологов серьезно заняться науковедением.

Г. Ф. Благова⁸

⁷ В этот список должно быть включено и имя Э. В. Севортыяна, скончавшегося 23 марта 1978 года.

⁸ В протоколировании Четвертого пленарного заседания Советского Комитета тюркологов участвовали С. Р. Изидинова и Н. А. Кудачина.

ПЛАН РАБОТ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПРОВОДИМЫХ СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1978 ГОД

1. Продолжить коллективную работу по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (далее—ДАТЯ).

Исполнители: руководитель работы — академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев; руководители зональных разработок—М. И. Исламов, Л. Т. Махмутова, Ш. Шаабдурахманов, Ш. Ш. Сарыбаев, Е. И. Убрытова; составители—диалектологи союзных и автономных республик, краев, областей.

Срок: 1978 год.

2. Очередной семинар по тюркской лингвистической географии провести в организационных формах секции «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов» в рамках IV расширенного рабочего симпозиума «Ареальные исследования в этнографии и языкознании».

Исполнители: Комиссия по лингвоэтногеографии Географического общества СССР (председатель—академик А. Н. Кононов, заместитель председателя—профессор М. А. Бородина, ученый секретарь — А. А. Кручинина), руководители зоны В Л. Т. Махмутова.

Срок: 8—10-е февраля 1978 года.

3. Провести первое совещание руководителей четырех зон ДАТЯ в Ташкенте.

Исполнители: Институт языка и литературы Академии наук Узбекской ССР (академик Академии наук Узбекской ССР Ш. Шаабдурахманов).

Срок: сентябрь—октябрь 1978 года.

4. Участвовать в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).

Исполнитель: Э. Р. Тенишев.

Сроки: 1978—1987 годы.

5. Подготовка материалов ко второму тому «Корпуса древнетюркских памятников» — «Рунические надписи Монголии».

Исполнители: Тюрко-монгольский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (С. Г. Кляшторный), Отдел письменных памятников народов Востока Института востоковедения Академии наук СССР (Д. Д. Васильев).

6. Подготовка «Корпуса эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья» (объем — 30 п. л.).

Исполнители: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (Ф. С. Хакимзянов).

Сроки: 1978—1982 годы.

7. Подготовка «Корпуса северокавказских рунических памятников».

Исполнители: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики (С. Я. Байчоров).

Сроки: 1978—1980 годы.

8. Конференция по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков.

Исполнитель: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Срок: сентябрь 1978 года.

9. Мероприятия по организации Всесоюзной тюркологической конференции 1980 года.

Исполнители: Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР, Академия наук Узбекской ССР, Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Срок: 1978 год.

10. Участие в долгосрочном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических центрах союзных республик.

Исполнитель: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Сроки: 1978—1980 годы.

11. Участие в долгосрочном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.

Исполнитель: Комиссия по координации научных исследований по востоковедению (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1978—1980 годы.

12. Участие в совместной работе Проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР (М. М. Гухман) и группы «Язык фольклора» при Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР (А. В. Десницкая) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнители: Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова.

Сроки: 1978—1980 годы.

13. Подготовка к проведению VIII Тюркологической конференции в Ленинграде.

Исполнитель: Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.

Срок: апрель 1979 года.

14. Подготовка к проведению симпозиума «Взаимосвязи эпического творчества Средней Азии и Казахстана» в Ташкенте.

Исполнители: Институт языка и литературы им. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Х. Г. Короглы) совместно с Научным советом по фольклору при Отделении литературы и языка Академии наук СССР.

Срок: осень 1979 года.

«ЖАНРОВЫЕ И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДАСТАНОВ „ГОР ОГЛЫ”»

16 марта 1976 года на заседании Общественного ученого совета по литературоведению и языковедению Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Жанровые и идейно-художественные особенности дастанов „Гор оглы”, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

старшим научным сотрудником Музея литературы им. Алишера Навои Академии наук Узбекской ССР **Муратовым Маликом Муратовичем**.

Цикл «Гор оглы» состоит более чем из сорока дастанов разной идейно-художественной значимости. Диссертант выбрал для исследования шесть наиболее характерных из них и рассмотрел их жанровые и художественные особенности. В этих дастанах ярко раскрывается борьба трудящихся масс за свободу и независимость, возглавляемая народными героями, в образе которых нашли воплощение высокие человеческие идеалы.

В двух первых главах диссертации рассматриваются среднеазиатские, закавказские и ближневосточные версии эпоса «Гор оглы», характеризуется интерпретация его различными узбекскими поэтическими школами народных сказителей. Диссертант подробно останавливается на Курганской, Булунгурской, Джуминской, Шах-

риябзской, Шерабадской, Кулбулакской поэтических школах и творчестве представляющих их выдающихся сказителей: Эргаша Джуманбулбуль оглы (1868—1937), Фазыла Юлдаш оглы (1872—1955), Мухаммадулла Джонмурод оглы Пулкан (1874—1941), Ислама Назар оглы (1874—1953) и др.

В третьей главе М. М. Муратов подробно разбирает основные мотивы биографических дастанов цикла «Гор оглы»: «Рождение Гор оглы», «Юнус Пери» (юношеские годы), «Эр оглы» (смерть Гор оглы), их возникновение и распространенность на территории Узбекистана, останавливается на жанровых и художественных особенностях этих произведений.

В четвертой, пятой и шестой главах диссертантом анализируются жанровые и стилистические особенности каждого из рассматриваемых дастанов цикла «Гор оглы» — «Далли», «Кундуз и Юлдуз» и «Балогардон».

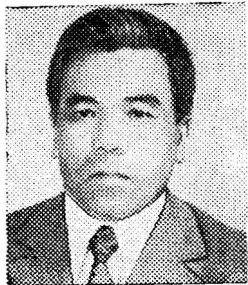
В качестве официальных оппонентов на защите выступили академик Академии наук Узбекской ССР В. А. Абдуллаев, доктор филологических наук, профессора К. Максетов и Х. Раззаков.

Ученый совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. М. Муратову ученой степени доктора филологических наук.

Постановлением ВАК от 30 декабря 1977 года М. М. Муратову была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Э. А. Умаров

«ОСНОВЫ УЗБЕКСКОЙ ПУНКТУАЦИИ»

13 октября 1977 года на заседании Специализированного ученого совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям русский язык и языки народов СССР (узбекский язык) при Ташкентском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени В. И. Ленина

состоялась защита диссертации «Основы

узбекской пунктуации», представленной заместителем декана филологического факультета и доцентом кафедры узбекского языкознания ТашГУ им. В. И. Ленина, кандидатом филологических наук **Назаровым Каримом Назаровичем**.

Диссертация К. Назарова посвящена актуальной, теоретически почти не разработанной проблеме современного узбекского языкознания — научно-теоретическим основам узбекской пунктуации. На современном этапе развития культуры, в частности культуры письма, как никогда, возросла значимость социально-коммуникативной функции пунктуации. Диссертантом изучены такие важные вопросы, как назначение, основы и принципы пунктуации узбекского языка,

классификация, количество, формы, названия знаков препинания и их специфические особенности.

Диссертация включает: введение, три главы, посвященные соответственно истории возникновения пунктуации в узбекском языке, научным основам узбекской пунктуации, пунктуационным нормам современного узбекского языка, а также выводы и библиографию.

Во введении излагаются цель работы, методические принципы, положенные в основу исследования, история изучения отдельных вопросов пунктуации, рассматриваемых в диссертации.

В историческом развитии узбекской пунктуации автором выделяются два периода и пять этапов: I. Дореволюционный период (с 1870 по 1917 год): 1-й этап — 1870—1905 гг.; 2-й этап — 1905—1917 гг.; II. Послереволюционный период (с 1917 года до наших дней): 3-й этап — 1917—1930 гг.; 4-й этап — 1930—1940 гг.; 5-й этап — с 1940 года до наших дней.

Первый период характеризуется началом становления, второй — систематизацией и научно-теоретической разработкой узбекской пунктуации. Каждый этап отличается собственными особенностями употребления

знаков препинания, в основном уточнением их функций.

Пунктуацию узбекского языка диссертант классифицирует в пяти аспектах: а) по структуре; б) по функции; в) по семантике; г) по способу употребления; д) по месту употребления.

Автор считает, что разработка узбекской пунктуации должна основываться на грамматическом строе узбекского языка и принципах русской пунктуационной системы.

Диссертация К. Назарова, несомненно, восполняет существовавший до сих пор пробел в узбекском языкознании.

Официальные оппоненты — академик АН Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, член-корреспондент АПН СССР М. А. Аскарлова, д-р филол. наук, проф. И. Р. Расулов, а также выступившие на защите д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов, член-корреспондент АПН СССР А. А. Азизов, д-р филол. наук, проф. В. А. Исенгалиева дали высокую оценку диссертации.

Специализированный ученый совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении К. Назарову ученой степени доктора филологических наук.

А. Юлдашев

НЕКРОЛОГ

ЭРВАНД ВЛАДИМИРОВИЧ СЕВОРТЯН

Советская тюркология понесла тяжелую утрату: 23 марта 1978 года на семьдесят седьмом году жизни скончался один из виднейших советских тюркологов Эрванд Владимирович Севортян. Э. В. Севортян, обладавший необыкновенным трудолюбием и глубокими многосторонними знаниями, мог бы еще многое сделать для науки. Остался незавершенным его главный научный труд — «Этимологический словарь тюркских языков», первый том которого вышел в 1974 году.

Э. В. Севортян родился в Ялте 22 октября 1901 года, и с самого раннего детства наряду с родным армянским и русским языками он овладел также и турецким языком. Это в значительной степени предопределило его будущую профессию. В 1930 году Э. В. Севортян завершает выс-

шее образование в Крымском педагогическом институте имени М. В. Фрунзе по отделению крымско-татарского языка и литературы, а в 1931 году поступает в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания по специальности «тюркские языки» и окончательно связывает свою научную деятельность с тюркологией.

Э. В. Севортян был продолжателем лучших традиций русской и советской тюркологии, отличительной особенностью которой является строго научный метод разработки фактического материала, полученного непосредственно у самих носителей тюркских языков.

В основных исследованиях Э. В. Севортяна рассматриваются и теоретически разрабатываются кардинальные и наиболее актуальные проблемы тюркского языкознания.

Э. В. Севортяну принадлежит свыше ста работ общим объемом около четырехсот печатных листов, имеющих большое научно-теоретическое и практическое значение, представляющих собой ценный вклад в тюркологию.

Хотя внимание Э. В. Севортяна было сосредоточено прежде всего на проблемах истории тюркских языков и этимологических исследованиях, тем не менее в списке его работ нашли отражение все основные вопросы теории тюркского языкознания.

Исследования Э. В. Севортяна по фонетике и фонологии представлены серией статей в первом томе «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» (ИСГТЯ)¹, теоретическая основа которых более полно изложена в его монографии «Фонетика турецкого литературного языка»².

Занимаясь проблемами фонетики, Э. В. Севортян указывал на необходимость использования экспериментально-фонетических методов исследований, которые в дальнейшем и были осуществлены его учениками по целому ряду тюркских языков. Э. В. Севортян призвал фонетистов-тюркологов заняться разработкой слабо изучен-

ных вопросов фонетики, к которым он относил такие вопросы, как «синтаксическая фонетика, явления редукции звуков, стечение согласных, позиционные изменения в области безударных гласных, фонетические процессы на границе слова»³ и ряд других.

В более поздних работах по фонетике, относящихся к 60—70-м годам⁴, Э. В. Севортян обратился к углубленному изучению отдельных фонетических явлений, главным образом на материале турецкого языка. Завершением его фонетических исследований явилась полемическая статья «К источникам и методам пратюркских реконструкций», написанная им в связи с рецензией немецкого тюрколога Г. Дёрфера на книгу А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» (Л., 1970)⁵.

Э. В. Севортян был выдающимся специалистом в области трех основных тюркских языков — турецкого, крымско-татарского и азербайджанского. Если по турецкому языку им освещены лишь отдельные вопросы, то по крымско-татарскому⁶ и азербайджанскому⁷ языкам Э. В. Севортяном созданы полные грамматические очерки, подробно излагающие грамматическую концепцию автора.

Основными теоретическими исследованиями Э. В. Севортяна являются его работы, посвященные общим грамматическим проблемам тюркологии, а также статьи об отдельных грамматических категориях.

В числе последних прежде всего следует отметить две обобщающие статьи, характеризующие современное состояние теории грамматики и содержащие критические замечания по грамматикам конкретных языков: «Вопросы грамматики в советской тюркологии»⁸ и «Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике»⁹.

В этих статьях Э. В. Севортян упрекает авторов современных грамматик тюркских языков в сугубо классификационном подходе к изучаемым грамматическим категориям и призывает к «...перемещению центра тяжести» в область описания свойств, связей и отношений грамматических единиц (частей речи, предложения, словосочетания и т. д.)¹⁰.

Значительное место в грамматических исследованиях Э. В. Севортяна уделяется морфологии и, главным образом, проблемам соотношения грамматики и лексики¹¹, проблеме частей речи и морфологической структуре слова¹², вопросам семантической природы аналитических конструкций¹³, анализу отдельных частей речи и истории их образования, например, существительного¹⁴, прилагательного¹⁵ и отдельных грамматических категорий и т. д.

Наиболее полное выражение получили новые концепции автора в серии его статей о категориях словоизменения (категории сказуемости¹⁶, категории принадлежности¹⁷ и категории падежа¹⁸), опубликованных в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков» под общей редакцией Н. К. Дмитриева. Наиболее известной из них является статья о падежной системе тюркских языков, содержащая глубокое исследо-

вание проблемы при относительной лаконичности изложения.

Значительный вклад в тюркское языкознание представляют работы Э. В. Севортяна в области синтаксиса тюркских языков. Его кандидатская диссертация была посвящена синтаксису. Ее кратким изложением является статья «Расположение частей пространственного предложения современного анатолийско-турецкого литературного языка»¹⁹, опубликованная в четвертом томе «Советского языкознания» за 1937 год.

В 1961 году Э. В. Севортяном были опубликованы еще две статьи, посвященные анализу простого и сложного предложения²⁰. В последней из них автор выступил сторонником теории трансформации определительных групп в предикативные (то есть в придаточные предложения, сказуемое которых выражено глагольным именем). Эта теория имеет многочисленных сторонников и получила распространение в современном тюркском языкознании.

Однако основной круг интересов Э. В. Севортяна был сосредоточен на проблемах исторического словообразования, лексикологии и этимологии.

Развивая методы В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского, а также своего основного учителя Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортян в своих программных статьях по историческому изучению тюркских языков «О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков»²¹ и «Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков СССР»²² определил основные методы и приемы исторических исследований.

В качестве предварительного условия занятий историческим исследованием Э. В. Севортян считал прежде всего «инвентаризацию фактов истории конкретного тюркского языка, т. е. учет форм и слов, встречающихся в памятнике».

Следующий этап исторического исследования языка заключается, по его мнению, в сопоставлении фактов современных языков и диалектов с соответствующими фактами древних тюркских языков, при том обязательном условии, что связь между данным конкретным живым языком и памятником не подлежит сомнению.

Необходимым методическим приемом установления исторических связей между живым языком и памятником Э. В. Севортян считал прием «последовательного исключения» сначала общетюркских черт в живом языке и памятнике, затем групповых черт (огузских, кыпчакских и т. д.), после чего остающиеся «пункты сходства могут быть приняты в качестве довода в пользу генетических отношений между конкретным тюркским языком и памятником» (стр. 4—5).

По мнению Э. В. Севортяна, весьма важной задачей является создание не только общей сравнительно-исторической грамматики, но и сравнительно-исторических грамматик по группам языков (огузской, кыпчакской и т. д.).

Кроме частных работ, связанных с историческими исследованиями тюркских языков, носивших окказиональный характер (здесь имеются в виду вышедшие в 1967 году его работы о литературных памятниках армянского языка как источнике по истории тюркских языков²², его предисловие к книге Т. И. Грунина «Документы на половецком языке XVI века»²³, а также исследования о тюркизмах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера²⁴ и у ранних армянских писателей²⁵), Э. В. Севортян опубликовал большую серию работ, посвященных его основной проблематике — историческому словообразованию и историко-этимологическим исследованиям.

Предварительными его трудами в этой области были статьи и публикации, связанные с его докторской диссертацией²⁶ (50—60-е гг.), завершившиеся двумя фундаментальными монографиями. Первая монография «Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке»²⁷ — его докторская диссертация, представлявшая собой по сути дела сравнительно-историческое исследование словообразования в тюркских языках.

Вторая монография Э. В. Севортяна, тесно примыкающая к первой, была посвящена именному словообразованию в азербайджанском языке²⁸.

Вершиной поистине героического труда ученого в данной области стал «Этимологический словарь тюркских языков», первый том которого объемом около семидесяти авторских листов вышел в 1974 году²⁹, второй и последующие тома предполагалось издать в ближайшем будущем.

Э. В. Севортян, возглавив небольшой коллектив своих помощников в лице Е. А. Почекуевского, Л. Г. Офросимовой-Серовой и Л. С. Левицкой, создал капитальный труд, который многие годы будет служить исключительно важным пособием при разработке этимологических словарей по конкретным тюркским языкам.

Подготовительная работа к созданию Словаря была начата автором еще в конце 50-х годов, но реальные результаты по этой подготовке были достигнуты лишь к середине 60-х годов: сначала была издана небольшая брошюра с пробными статьями к Словарю³⁰, а затем — серия пробных отдельных этимологий и статей общего характера о задачах Словаря³¹.

В процессе работы над этимологическим словарем тюркских языков и решения целого ряда вопросов, связанных со специфическими особенностями применения сравнительно-исторического метода к тюркским языкам, у Э. В. Севортяна возник ряд идей, изложенных им в докладе, подготовленном к Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате в сентябре 1976 года³².

Нельзя не упомянуть о деятельности Э. В. Севортяна в качестве рецензента и историографа.

Немногочисленные, но весьма содержательные рецензии ученого, переходящие

иногда в критические обзоры, посвящались либо обобщающим работам отдельных авторов или коллективов³³, либо работам, связанным с текущими его исследованиями³⁴.

Проблемам историографии и истории тюркологии Э. В. Севортян посвятил целую серию статей, последовательно освещающих развитие тюркологии особенно за последние три десятилетия. Его труды по истории науки включают: историографические статьи, посвященные развитию общей тюркологии, относящиеся, главным образом, к советскому периоду³⁵; исследования, характеризующие пути развития конкретных тюркских языков (узбекского³⁶ и турецкого³⁷); специальные статьи, посвященные Н. К. Дмитриеву, научная деятельность которого обстоятельно охарактеризована Э. В. Севортяном, а сами статьи проникнуты чувством глубокой любви и уважения к учителю.

Большую научную и организационную работу провел Э. В. Севортян по составлению и редактированию однотомника трудов Н. К. Дмитриева³⁸. Кроме того, Э. В. Севортян написал ряд статей, характеризующих деятельность Н. К. Дмитриева и его роль в развитии советской тюркологии³⁹.

Н. К. Дмитриев был не только крупнейшим теоретиком в области тюркского языкознания, но и талантливым педагогом. Многообразная педагогическая деятельность учителя увлекла и его ученика Э. В. Севортяна, который многие годы проработал в Московском государственном университете, воспитав большое число специалистов-тюркологов, работающих ныне как в Москве и Ленинграде, так и в национальных республиках Советского Союза.

Э. В. Севортян вел активную работу по совершенствованию и разработке многих тюркских литературных языков, участвовал в работе многочисленных конференций, конгрессов, совещаний и симпозиумов, проводившихся в различных республиках Советского Союза и за рубежом.

Многообразна его научная и общественная работа в качестве члена редколлегий журнала «Советская тюркология», «Этимологического словаря русского языка», сборников и отдельных коллективных и индивидуальных монографий, издаваемых в Москве, Ленинграде и в других городах Советского Союза.

В течение многих лет Э. В. Севортян являлся членом лингвистической секции Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, возглавлял Комиссию по истории и диалектологии и состоял членом Экспертной комиссии ВАК по языкознанию.

За большие научные заслуги в развитии советской тюркологии Э. В. Севортян был награжден орденом «Знак Почета» и многими медалями. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Он был избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

Друзья, товарищи, коллеги и ученики Э. В. Севортяна навсегда запомнят Эрванда Владимировича Севортяна как большого

ученого, великого труженика науки, отдавшего все свои силы глубоко и преданно любимой им советской тюркологии.

¹ Э. В. Севортян. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I. Фонетика. М., 1955, стр. 13—52; *его же*. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — Там же, стр. 289—292; *его же*. Ассимиляция и диссимиляция согласных в южных тюркских языках. — Там же, стр. 307—313.

² Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.

³ Там же, стр. 8.

⁴ E. V. Sevortyan. Fiilden isim yapma -i... eki ve bununla ilgili fonetik sorunlar. — «XI Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1966». Ankara, 1968, стр. 101—107; *его же*. О случаях выпадения начальных согласных в тюркских языках. — «Turgologica». Л., 1976, стр. 148—156 (турецкий перевод: Türk dillerinde kelime başındaki ünsüzlerin düşmesi. — «Türk dili bilimsel kurultayına sunulan bildiriler, 1972». Ankara, 1975, стр. 543—550).

⁵ Э. В. Севортян. К источникам и методам пратюркских реконструкций. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 35—45.

⁶ Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык. — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1946, стр. 234—259.

⁷ Э. В. Севортян (редактор). Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1970.

⁸ Э. В. Севортян. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 307—330.

⁹ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 3—16.

¹⁰ Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 306—367.

¹¹ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 188—225; *его же*. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками по данным тюркских языков. — «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972.

¹² Э. В. Севортян. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. — «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 233—239.

¹³ Э. В. Севортян. К семантической природе существительного в тюркских языках. — «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 109—114.

¹⁴ Э. В. Севортян. Из истории прилагательных в тюркских языках. — «Тюркологи-

ческие исследования». М.—Л., 1963, стр. 58—68.

¹⁵ Э. В. Севортян. Категория сказуемости. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. Морфология. М., 1956, стр. 16—21.

¹⁶ Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — Там же, стр. 38—49.

¹⁷ Э. В. Севортян. Категория падежа. — Там же, стр. 45—64; *его же*. К истории падежной системы в тюркских языках. — «Ученые записки Военного института иностранных языков». М., 1948, стр. 90—101; *его же*. Прямое дополнение в турецком языке. — «Вестник МГУ». М., 1948, № 12, стр. 81—106.

¹⁸ Э. В. Севортян. Расположение частей распространяемого предложения современного анатолийско-турецкого литературного языка. — «Советское языкознание», т. 4. Л., 1937, стр. 25—88.

¹⁹ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 5—18; *его же*. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — Там же, стр. 122—134.

²⁰ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. — «XXV Международный конгресс востоковедов». М., 1960, стр. 1—12.

²¹ Э. В. Севортян. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков СССР. — «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 11—41.

²² Э. В. Севортян. Литературные памятники армянского языка — источник по истории тюркских языков. — «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, 13—15 июня 1967 г. Тезисы». М., 1967, стр. 29—30.

²³ Э. В. Севортян. От редактора. — См. в кн.: Т. И. Грунин. Документы на половечном языке XVI века. М., 1967.

²⁴ Э. В. Севортян. О тюркских элементах в Русском этимологическом словаре М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», вып. 5. М., 1962, стр. 11—29.

²⁵ Э. В. Севортян. Тюркизмы у ранних армянских писателей. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 261—275.

²⁶ Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. К проблеме словообразования. — «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 60—81; *его же*. Словообразование в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. Морфология. М., 1956, стр. 314—328; *его же*. О некоторых вопросах глагольного словообразования в тюркских языках (по данным азербайджанского и других тюркских языков). —

«Вестник МГУ. Историко-филологический факультет». М., 1957, № 2, стр. 147—171; *его же*. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1957; *его же*. Аффикс-*-sa/-sy/-сын* в тюркских языках. — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели». М.—Л., 1960, стр. 227—236; *его же*. Die verbale Nomina auf -maq und -māk in azerbaidzschische und andere türk Sprachen. — «Ural-Altäische Jahrbücher». Bd. 36, fasc. 3—4. Wiesbaden, 1964, стр. 406—412.

²⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке (Опыт сравнительного исследования). М., 1962, стр. 3.

²⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. (Опыт сравнительного исследования). М., 1966.

²⁹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные), т. I. М., 1974.

³⁰ Э. В. Севортян. Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков. (Обще- и межтюркские основы). М., 1966.

³¹ Э. В. Севортян. Тюркские *ас, аскыр, аст, асы* и др. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 115—119; *его же*. Тюркские этимологии. — «Тюркологические исследования». Фрунзе, 1970, стр. 27—36; *его же*. Об «Этимологическом словаре тюркских языков». — «Вопросы языкознания». М., 1971, № 6, стр. 74—87; *его же*. О содержании термина «общетюркский». — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 3—12; *его же*. Тюркские *аба, апа, ебе*. — «Восточная филология», т. III. Тбилиси, 1973, стр. 118—125.

³² Э. В. Севортян. Вопросы сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков. — «Всесоюзная тюркологическая конференция. Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений». Алма-Ата, 1976, стр. 47—50.

³³ Э. В. Севортян. Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана (рец.). — «Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 140—147; *его же*. Об ошибках казахских языковедов. — «Вопросы языкознания», 1953, № 2, стр. 111—118; *его же*. О не-

которых вопросах тюркской лексикографии. — «Лексикографический сборник», III. М., 1958, стр. 114—132.

³⁴ Э. В. Севортян. Рец. на книгу: Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954. — «Вестник Академии наук СССР», 1956, № 9, стр. 135—137.

³⁵ Э. В. Севортян. Из истории развития советской тюркологии. (Памяти Н. К. Дмитриева.) — «Известия ОЛЯ АН СССР», т. 14, вып. 2. М., 1955, стр. 156—169; *его же*. Советская тюркология в последискуссионные годы. — «Известия ОЛЯ АН СССР», т. 12, вып. 6. М., 1953, стр. 510—519; *его же*. Послеоктябрьская тюркология в Академии наук СССР. — «Вопросы языкознания», 1974, № 5, стр. 17—33.

³⁶ Э. В. Севортян. Языкознание в Узбекистане. — «Вопросы языкознания», 1952, № 5, стр. 116—121.

³⁷ Э. В. Севортян. Турецкое языкознание к VIII съезду турецких лингвистов. — «Советское востоковедение». М., 1957, № 2, стр. 130—142; *его же*. На восьмом съезде Общества турецкого языка. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1; *его же*. Тюркологическая работа в Турции. — «Вопросы языкознания», 1967, № 4, стр. 91—101.

³⁸ Э. В. Севортян. Редактор книги: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.

³⁹ Э. В. Севортян и Е. И. Убрятова. Николай Константинович Дмитриев (некролог). — «Вопросы хакаского языка и литературы». Абакан, 1955, стр. 5—9; Э. В. Севортян. Н. К. Дмитриев. Основные направления диалектологических исследований в послеоктябрьской тюркологии. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. 4. Баку, 1966, стр. 6—20; *его же*. Н. К. Дмитриев и советская тюркология. — «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 101—107; *его же*. Лингвистическое наследие Н. К. Дмитриева и современная советская тюркология. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 7—19; *его же*. Н. К. Дмитриев и историческая тюркология. — «Вопросы языкознания», 1974, стр. 129—136; *его же*. Редактор книги: Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960.

Н. А. Баскаков

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Н. Кононов* (Ленинград). Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. А. Цалкаламанидзе* (Тбилиси). Глаголы эмоционального состояния в современном узбекском языке 9

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- В. Л. Гукасян* (Баку). Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода 19

ОНОМАСТИКА

- К. А. Мизиев* (Москва). О топонимии Балкарии 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- С. А. Соколов* (Москва). Синтаксические функции конструкций с прямой речью в турецком языке 41

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- В. Д. Аракин* (Москва). Об омонимах в турецком языке 48
Ф. Хакимзянов (Казань). Двуязычный булгарский памятник 62
Р. Дж. Джаббарова, С. Т. Гиясов (Бухара). Применение метода компонентного анализа к изучению качественных прилагательных узбекского языка 69

РЕЦЕНЗИИ

- М. З. Закиев, Ф. С. Сафиуллина* (Казань). «Татар теленең аңдатмалы сүзлеге» 77
М. М. Копыленко, Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата). *І. Кеңесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі* 80
А. Мурадов, М. Соегов (Ашхабад). «Түркмен дилинің грамматикасы» 83
У. Д. Доспанов (Нукус). *Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система* 84
З. А. Ализаде (Баку). *З. И. Будагова, Ш. М. Саадиев, А. К. Алекперов. Самоучитель азербайджанского языка* 87
А. Ахундов (Баку). *Nağıye Memova-Süleymanova. Türk dili sesbilgisi* 88

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И. В. Бондаренко, Е. К. Скрибник* (Новосибирск). «Проблема связей в сложном предложении в языках разных систем» 91

PERSONALIA

- С. Н. Муратов* (Ленинград). Карл Генрих Менгес 93

ХРОНИКА

- Г. Ф. Благова* (Москва). Четвертое пленарное заседание Советского комитета тюркологов 95
 «Жанровые и идейно-художественные особенности дастанов „Гор оглы“» 104
 «Основы узбекской пунктуации» 104

НЕКРОЛОГ

- Эрванд Владимирович Севортян* 106

CONTENTS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Some problems of further development of Turkic linguistics in the USSR	3
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
<i>A. A. Tsalkalamanidze</i> (Tbilisi). Emotive verbs in the modern Uzbek language	9
<i>LANGUAGES IN CONTACT</i>	
<i>V. L. Gukasyan</i> (Baku). On the significance of Transcaucasian sources in the study of history of pre-written Azerbaijan language	19
<i>ONOMASTICS</i>	
<i>K. A. Miziyeu</i> (Moscow). Towards the problem of toponymy of Balkaria	34
<i>DISCUSSIONS</i>	
<i>S. A. Sokolov</i> (Moscow). Syntactic functions of constructions with direct speech in the Turkish language	41
<i>REPORTS, SURVEYS</i>	
<i>V. D. Arakin</i> (Moscow). On homonyms in the Turkish language	48
<i>P. Khakimzyanov</i> (Kazan). Bilingual Bulgar manuscript	62
<i>R. Dzh. Dzhahbarova, S. T. Giyasov</i> (Bukhara). The use of method of componental analysis to study of qualitative adjectives of the Uzbek language	69
<i>REVIEWS</i>	
<i>M. Z. Zakiyev, F. S. Safiullina</i> (Kazan). «Татар теленең анлатмалы сүзлегә»	77
<i>M. M. Kopylenko, Sh. Sh. Sarybayev</i> (Alma-Ata). I. Кеңесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі	80
<i>A. Muradov, M. Soegov</i> (Ashkhabad). «Түркмен тилинің грамматикасы»	83
<i>U. D. Dospanov</i> (Nukus). Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система	84
<i>Z. A. Alizade</i> (Baku). З. И. Будагова, Ш. М. Саадиев, А. К. Алекперов. Самоучитель азербайджанского языка	87
<i>A. Akhundov</i> (Baku). Hayriye Memova-Süleymanova. Türk dili sesbilgisi	88
<i>SCIENTIFIC LIFE</i>	
<i>I. V. Bondarenko, E. K. Skribnik</i> (Novosibirsk). «The problem of connection in complex sentence in languages of different systems»	91
<i>PERSONALIA</i>	
<i>S. N. Muratov</i> (Leningrad). Carl Henry Menges	93
<i>CHRONICLE</i>	
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). The fourth plenary session of the Soviet Committee of Turkologists	95
«Genre, ideological and artistic peculiarities of the epos „Gor ogly”»	104
«Principles of Uzbek punctuation»	104
<i>OBITUARY</i>	
<i>Ervand Vladimirovich Sevortyan</i>	106